

Денис Яруллин

Январские ивы

Книга II

Содержание

Предисловие ко второй книге.....	4
Пятое предсказание.....	5
Решимость	7
Диалоги: координатор и герцогиня	9
Блеск.....	11
Знакомство	13
Внутренний свет.....	15
Своя правда.....	17
Свои цели	24
Свое воздаяние	29
Яна танцует	31
Три разговора в ЛюдLINE	33
Эрик и звезды	36
Туманы Эмайна.....	38
Краткая история безвременья.....	40
Осознанные сновидения	42
Чужие мысли, действие первое.....	44
Чужие мысли, действие второе.....	46
Чужие мысли, действие третье	48

Чужое время: Рейнир	51
Чужое время: Аглая.....	53
Чужое время: Лиам	55
Чужие имена: Дана	58
Чужие имена: Хеннингсен.....	60
Чужие имена: Sommerwald.....	62
Ничья любовь: Любовники	65
Ничья любовь: Колесница.....	68
Ничья любовь: Маг	71
Ничья свобода, часть 1	74
Ничья свобода, часть 2	81
Ничья свобода, часть 3	86
Ничья смерть I.....	89
Ничья смерть II.....	93
Ничья смерть III	96
Ничья смерть IV.....	101
Ничья смерть V	104
Ничья смерть VI.....	108

Предисловие ко второй книге

Здравствуй, дорогой читатель. Так или иначе к тебе попала вторая книга «Январских ив», то ли сборника историй, то ли слишком вольнодумствующего романа о Круге Имен — мире, где войну все считают вполне нормальным состоянием вещей, а Имена ходят среди людей (и не только людей).

С одной стороны — скандинавский стимпанк, где и Скандинавии, и стимпанка не так уж и много. С другой же стороны — постмодернистское произведение о мире, где постмодернисты победили на уровне законов бытия. Причудливое сплетение всего этого и дало в итоге текст, который ты, дорогой читатель, сейчас наблюдаешь.

Не стоит также забывать, что «Январские ивы» — живое произведение, и новые истории можно найти в Сети по адресу <https://willows.is>. Первую же книгу можно отыскать по адресу <https://willows.is/books>.

Также важно предостеречь юные и впечатлительные умы от необдуманного знакомства с текстом: здесь встречаются эпизоды, к которым внутренне нужно быть готовым. Лучше всего текст подойдет совершеннолетним с твердыми ценностными ориентирами.

И на этом осталось пожелать тебе, дорогой читатель, приятного чтения!

– Д.

Самое страшное в смерти — ее равнодушие.

Пятое предсказание

Сделать глубокий вдох — первое осмысленное действие новой жизни, стремящееся вобрать в себя весь окружающий мир, прочувствовать все вокруг, от самых корней земли до бесконечности недостижимых высей.

Открыть глаза — преодолеть себя, сделать усилие, превозмочь страх перед собой и перед действительностью. Взгляд отражается в висящем на стене напротив серебряном клинке и пугает своей чужеродностью, а взгляд-то по-прежнему твой, просто ты уже не совсем ты.

Вспомнить свое имя — в мире всемогущих имен свое имя никогда не значит слишком много, всегда держится где-то там, в тени, вдали от безжалостного истинного света. Сейчас же имя окрепло, встрепенулось и больше не считает истинный свет светом истины. И так имя стало Именем. Во взгляде еще остается частичка того, старого имени, но эта тусклая искорка скоро затухнет окончательно, потерявшись на фоне негасимого пламени. Закон суров, но это закон.

Выйти к темному небу — вокруг холод зимней ночи, и без пламени внутри давно бы уже можно было замерзнуть, стать жутковатой скульптурой во льдах, монументом глупости и одиночеству. На многие мили в этой мерзлой пустыне нет ни одного живого существа, царство воздуха и тьмы не нуждается в жизни. Ты, впрочем, не сильно нарушаешь эту идиллию. Ты же теперь только Имя. Небо переливчатыми всполохами зовет тебя — дремлющий Эфир напоминает, к какому миру ты принадлежишь. Когда-то Эфир был так далеко, а сейчас до него лишь шаг, лишь слово.

Но есть еще кое-что.

Серебряный клинок послушно ложится в руку, которой не так уж и важно Имя ее обладателя. Поднимается вокруг высокий свод заброшенного замка, сокрытого где-то в непроходимых лесах Влахыни. Сотня лет — всего лишь мгновение в жизни мара, но даже такая долгая жизнь конечна, и замок служит тому напоминанием. Серебряный клинок вспыхивает лунным светом, освещая путь в лабиринтах темных коридоров.

Замковая библиотека, одна из наиболее богатых и древних в этой части света, занимала целую восточную башню, и ряды манускриптов, свитков, фолиантов, табличек и рунных камней уходили с самого ее подножья ввысь, оплетая помещение нитями древности. Здесь можно было провести земную жизнь и не прочесть и десятой доли коллекции. Вполне могло быть так, что только Безмянный город в глубинах Эфира скрывал больше тайн минувших эпох.

В библиотеке уже кто-то был — высокий и широкоплечий, его длинные светлые волосы ниспадали на вороненую кольчугу, а в руках он держал огромное копье. Глаза цвета расплавленной стали багрянцем скользнули по серебру клинка.

— Брат! — поприветствовал гигант. — Рад видеть тебя. Я откликнулся на твой зов без промедления. Зачем ты пригласил меня в это покинутое место?

— Его запустение и забытие могли спасти здесь то, о чем прочий мир заставили забыть. И я хотел бы, чтобы мы вспомнили об этом вместе.

— И что же за новый ужасный секрет ты ищешь здесь, брат мой?

— Не секрет, брат. Предсказание.

Великан заинтересованно вскинул бровь. Можно было продолжать.

— Сколько предсказаний было сделано последним пророком?

— Четыре, — уверенно сказал великан. — Все известные копии текста содержат только четыре предсказания.

— Или нас всех убедили, что предсказаний было четыре. В последнем предсказании нет ни слова о пророке, что грядет.

— Брат мой, и все же, что ты хочешь этим сказать?

— Мы знаем не все об этом поколении, брат, вот что я хочу этим сказать. Нас, светоносных и людей можно обмануть, но сомневаюсь, что им под силу обмануть небесную механику. Предсказаний должно быть больше.

— Ты за этим позвал меня в старую библиотеку?

— Именно. Я верю, что еще сохранился неизменный текст. Я верю, что есть и пятое предсказание. Я верю, что придет новый пророк.

Сделать глубокий вдох — и поверить.

Решимость

Когда «Дух мщения» вышел из пустоты, Зауэр не выдержал и рухнул на колени, зашедшись кашлем в попытках вдохнуть. Корпус дредноута с жутким скрежетом безжалостно рассек острыми заледеневшими краями какой-то крупный обломок, и Вильгельм, немного придя в себя и с трудом поднявшись, добрался до иллюминатора. Сначала ему показалось, что дредноут Скрипача по-прежнему был где-то за гранью, настолько непривычно темно оказалось за морозным стеклом. Но вскоре глаз зацепился за знакомые полутона эфирных токов, и Зауэр прохрипел:

— Где мы?

Холодная хромая поступь Полого Скрипача приблизилась, и инеистый голос проговорил:

— Район Вольфрамового солнца, Зауэр.

— Но где же тогда само солнце? — пробормотал Вильгельм. Скрипач грубо схватил его за плечо и простучал своей костяной ногой по мостику, притащив Зауэра к главному смотровому окну. Впереди в замерзающей тьме, освещаемые лишь мертвым светом прожекторов «Духа мщения», вращались тела и обломки.

— Вот твое солнце, Зауэр, — резанул Скрипач. — Всего-то осталось собрать его тысячу обломков. А сейчас прошу меня извинить, мне нужно пополнить мою команду.

Вильгельм даже не вслушивался в последнюю фразу Полого Скрипача, ошеломленный осознанием того, что его крупнейший независимый источник истинного света сейчас плывет вокруг ледяного дредноута множеством осколков в темноте. Вольфрамовое солнце, чудо неизвестной эпохи, в одночасье превратилось теперь в груды искореженного металла, лишив Зауэра последних надежд вырваться из власти Судий. Его деловые обязательства были обеспечены только истинным светом, и с гибелью солнца он не мог их больше выполнять без помощи Судий. Это значило, что Вильгельм Зауэр теперь и в самом деле мало чем отличался от проклятого Полого Скрипача.

Зауэр в бессилии опустился на холодный пол, не обращая внимание на жутковатую команду «Духа мщения» вокруг. Годы назад считалось, что истинный свет невозможно добывать из Вольфрамового солнца, что слишком сложны его защитные механизмы, что слишком опасно и дорого пытаться извлекать его в промышленных масштабах. Даже пройдоха Форнхофт испугался и отказался от идеи, используя лишь традиционные способы получения истинного света. А Зауэр придумал. Взял и придумал, как превратить Вольфрамовое солнце в ближайший к Безымянному городу богатейший источник истинного света. «Зауэр Машинен» родились в свете и жаре именно Вольфрамового солнца, и теперь Вильгельм всерьез боялся, что вместе с гибелью искусственного светила погибнет и его компания.

Тем временем на мостик одно за другим притаскивали заледеневшие тела и складывали их в аккуратный ряд. Тел становилось все больше, и Зауэра вскоре бесцеремонно попросили подняться, чтобы освободить место. Полный Скрипач оскалился, продемонстрировав черные зубы, и обратился к Вильгельму:

— Радуйся, Зауэр, что тебе еще не выпала честь послужить под моим началом.

Скрипач пристучал к ближайшему телу и, схватив его за подбородок, обдал его своим ледяным дыханием. Тело задергалось, и глаза несчастного вспыхнули последней искрой истинного света, что еще в нем оставалась.

— Чего ты боишься больше, смерти или вечности? — спросил Скрипач возвращенного им светоносного. Тот, едва осознавая, что происходит, проскрипел:

— Хс-смерти...

— Добро пожаловать в команду, — резанул Скрипач, рывком поднимая светоносного, кожа которого быстро покрывалась инеем, подобно всем из команды «Духа мщения». Скрипач проделал ту же процедуру с остальными телами, и, к некоторому удивлению Зауэра, не так уж и мало вырванных из лона смерти предпочитали ее служению под началом Скрипача. Тот их решение уважал, на месте лишая тела последних частиц истинного света, способных удержать в них подобие жизни. Вокруг «Духа мщения» кружилось куда больше трупов, и Зауэр понял, что это были обычные люди, не светоносные, чьей-то злой волей отправленные в самоубийственную атаку на Вольфрамовое солнце. Он, впрочем, не испытывал по этому поводу значительных моральных терзаний, только пытался понять, кому же было выгодно уничтожение солнца, какие цели преследовал пославший всех этих людей умирать. Ответа у Зауэра не было, и его мысли вернулись к тому, что он сейчас оказался в положении тех, кто выбрал у Скрипача вместо смерти вечность. Словно прочитав его мысли, Скрипач, закончивший подбирать себе новых членов команды, вновь обратился к Вильгельму:

— Зауэр, не заставляй себя ждать.

— Я все сделаю в срок, — ответил Зауэр.

— Очень на это надеюсь, Зауэр. Иначе я все сделаю в срок, — клацнул черными зубами Полый Скрипач. Зауэр промолчал, решившний раз его не провоцировать.

Сейчас, когда Судии взяли Вильгельма за горло, а Эфир накрыли сумерки, места для сомнений не оставалось. Дина Ивинская и все, кто встанут на пути к ней, должны умереть.

Диалоги: координатор и герцогиня

Рейнир настороженно принял из рук герцогини бокал. В багровом озере плавало его хмурое отражение, которое, как показалось Рейниру, насмешливо ему подмигнуло. Голос, впрочем, решил пока ничего не сообщать по этому поводу. Герцогиня сделала глоток и продолжила, словно бы и не было никакой паузы:

— Координатор... Рейнир, верно? Вы с вашим коллегой были на вечере у Скорби, если не ошибаюсь. Судя по тому, что моя память довольно избирательна на этот счет, вы что-то там натворили, а наш дорогой Сон в очередной раз решил все исправить. Но это все, право, мелочи. Особенно сейчас, не так ли? Разгорается война фракций, неслыханное дело, все Бюро должно быть поднято на уши... И все же вот вы здесь, а до вас ваш коллега. Выпытываете у меня, далекой от всех этих политических игрищ герцогини, о таких страшных вещах, как убийство Николь Леруа, скромной художницы, чье имя всегда терялось где-то в глубинах Эфира, и она была этому вполне рада. Да еще и Максимилианом интересуетесь. Давайте признаем, Форнхофт Бюро никогда не был по зубам, и я сомневаюсь, что когда-то будет. И вот вы вдвоем, два координатора, занимающиеся вроде бы бессмысленными вещами в разгар эпохи потрясений и катастроф, один за другим приходите ко мне. Надеюсь, Рейнир, вы не будете считать меня столь наивной. Очевидно, что вы вышли на меня через «Цвета тишины», все-таки в Бюро знают свою работу. Ваш коллега настаивал на том, что мне может грозить опасность. Я не привыкла доверять таким утверждениям без веских доказательств. Бедную Николь убили, но я твердо убеждена, что это не имеет никакой связи с «Цветами тишины».

— Тогда почему она перед смертью написала именно «цвета тишины»? — не выдержал и перебил герцогиню разгоряченный вином Рейнир, в очередной раз опрометчиво выдавая оперативную информацию потенциальному фигуранту дела. — Нельзя отрицать, что у Леруа были причины указать на клуб. И если вы убеждены, что опасность вам не грозит, то здесь уместно выдвинуть и другое предположение...

— Ни у кого в «Цветах» не было мотива убивать Николь.

— По долгу службы я тоже не привык доверять таким утверждениям без веских доказательств.

— Ваш коллега мне тоже не поверил, разумеется, — герцогиня наполнила опустевшие бокалы. — Но с координатором Лиамом у нас всегда было некоторое непонимание. Надеюсь, что с вами, Рейнир, такого непонимания не случится.

— Я ничего не могу вам обещать, герцогиня.

— Вы полагаете, что будут еще убийства.

— Не буду этого отрицать.

— И думаете, что Николь хотела кого-то о чем-то предупредить.

— Это самый логичный вывод. И если бы вы, герцогиня, все же раскрыли мне сведения о «Цветах тишины»...

— Давайте поставим точку: я взяла на себя обязательства в отношении клуба, нарушать их не собираюсь. Я могу вам гарантировать, что никто из состоящих в «Цветах» не связан с

Безымянными и не занимается сомнительной с точки зрения Бюро деятельностью, особенно организацией убийств. Что касается возможной угрозы, я беру все возможные риски на себя.

— Тогда к чему был этот разговор, герцогиня? Вы как не собирались предоставлять мне никаких сведений, так и не собираетесь.

— Я этого вам не говорила.

— Вы готовы меня переубедить?

— Зачем вам Форнхофт?

— Мне — незачем. Но Лиам мог знать больше меня.

— Значит, координатор, у нас с вами появился предмет для разговора.

— Слушаю вас, герцогиня.

— Вы выясняете и сообщаете мне, что задумал Форнхофт. Я выясняю и сообщаю вам, почему Николь за мгновение до смерти указала на клуб.

— Зачем же вам Форнхофт?

— Возвращайтесь с информацией, Рейнир. Тогда наш разговор продолжится в более конструктивном ключе. А сейчас не смею вас больше задерживать.

— Благодарю за аудиенцию, герцогиня, — сдержанно попрощался Рейнир, отставив пустой бокал. Поднявшись, он даже слегка качнулся, но опьянение быстро проходило под недобрительное ворчание голоса.

Покинув апартаменты Соммервальд, Рейнир раздраженно ударил кулаком в стену. Ни Лиам, ни ответов, а к вороху проблем теперь прибавились еще и запутанные отношения с герцогиней.

«Похоже, все дороги ведут к Форнхофту», — подытожил голос. Рейнир кивнул, соглашаясь.

Оставалось найти хоть одну.

Блеск

По чьей-то странной прихоти и вопреки названию они до сих пор предпочитали собираться в полумраке старой пыльной залы построенного столетия назад замка. Здесь даже не было проведено электричество, и чад масляных ламп вызывал головную боль и желание чесаться. Кое-кому такое пренебрежительное ретроградство казалось почти что оскорбительным, учитывая ту высокую миссию, которую они взяли на себя.

За окном без устали сыпал снег, день ото дня холодало, и в зале было очень зябко, никто даже не снимал верхней одежды. В эту встречу все семеро, кроме, быть может, господина Три, были не в лучшем настроении, из-за чего звенящее раздражение висело над исполинским и тяжелым круглым столом из темного дуба с переливающимся в огнях металлическим солнцем в его середине.

— Господа, мы не имеем права допустить дальнейшей эскалации насилия, — твердо сказал господин Один, сухой старик с изборожденными глубокими морщинами высоким лбом, едва скрытым золотой полумаской. — Война Третьего союза должна быть закончена. Годенбург надлежит разделить на суверенные земли. Императорскую фамилию, если обстоятельства к тому вынудят, следует умертвить. Мы не можем допустить новой крупной войны в ближайшие десять-двадцать лет, принимая во внимание ситуацию в Эфире.

— А Гардвельд? — спросил смуглый господин Одиннадцать, его полумаска была ярко-алой. — Пламя революции грозит полыхнуть там даже раньше Годенбурга.

— Локальные конфликты нас не касаются, — отрезал господин Один.

— У нас разве больше нет интересов в Гардвельде? — с некоторым даже удивлением поинтересовался господин Два в синей полумаске. — У господина Три они точно были.

— Если вы не возражаете, я призываю пока воздержаться от активных действий в Гардвельде, — кивнул господин Три.

— Господин Три, раз уж зашла речь, как продвигается ваше исследование? — задал вопрос господин Четыре, обладатель выкрашенных в синий цвет волос и черной полумаски, похожей на вороний клюв.

— Мы добились определенных успехов. Но нужны тестовые субъекты, сами понимаете. Полагаю, текущая ситуация поспособствует этому.

— Вместе с тем я хотела бы заметить, что ваши методы кажутся нам чрезмерными, господин Три. Так ли нужна была война фракций для достижения наших целей? — недовольно покачала головой госпожа Семь, встряхнув рыжими локонами, убирая их со своей синей полумаски. — Хаос, который охватывает Эфир, идет вразрез с тем, к чему мы стремились все это время.

— И все же, госпожа Семь, именно мы в управлении хаосом преуспели более других, — успокоил ее господин Восемнадцать в белой полумаске, сквозь которую глядели его красные глаза альбиноса. — В конце концов, план господина Три нами обсуждался, и последствия его реализации были нам понятны. Управляемый хаос войны фракций лично я считаю вполне приемлемым. В таких условиях мы умеем работать. Но вот хаос неуправляемый, как вы, го-

спожа Семь, верно заметили, действительно идет вразрез с нашими идеалами. Уничтожение Вольфрамового солнца может, в отличие от войны фракций, к такому виду хаоса привести.

Господин Восемнадцать встретился взглядом с господином Три. На лице обладателя серой полумаски не дрогнул ни один мускул. Господин Восемнадцать чуть качнул головой, явно не соглашаясь с молчанием господина Три, но взгляд все же отвел. Господин Три невозмутимо пригладил свои тонкие волосы.

— Господин Восемнадцать, а как ваши успехи? — спросил теперь господин Один. — Удалось выяснить что-то новое о пророке или тексте?

— Текст пока не опубликован, следовательно, он еще не является *текстом*, — ответил господин Восемнадцать. — К сожалению, это означает, что и от нас его содержание скрыто. Это вполне соотносится с тем, что мы вообще знаем о феномене пророка и *текста*. Проблема иного рода заключается в том, что на всех, кто так или иначе причастен к публикации текста, объявлена соответствующими силами охота. В хаосе есть риск упустить из поля зрения очередное убийство и потерять темп, проиграть в этой гонке. Но, конечно же, у меня есть план на этот счет. И план этот до обидного прост и банален.

Господин Восемнадцать положил на стол слегка помятый люмискрипт светоносного в координаторской форме.

— Блестящий план мой заключается в том, чтобы позволить нашим доблестным координаторам делать свою работу. Этот представитель Бюро в настоящее время занимается расследованием цепи странных происшествий, косвенно связанных с будущим текстом и его автором. Я одним глазком пригляжу за тем, чтобы он допускал не слишком много ошибок в своих расследованиях.

Господин Три протянул руку и взял люмискрипт, поднеся его ближе к чадающему светильнику. Молодой координатор казался ему смутно знакомым, хоть непослушная память и отказывалась сообщать господину Три, где он видел этого светоносного в черном.

Господин Три поднял глаза от люмискрипта и вновь встретился взглядом с господином Восемнадцать. Красные глаза альбиноса-светоносного жутковато мерцали кровавой короной в темноте.

Знакомство

Лиам в очередной раз недоверчиво обвел взглядом своих вынужденных попутчиков, стоявших вокруг полукругом, после чего произнес, ни к кому напрямую не обращаясь:

— Итак, в одном старом списанном дредноуте, по непонятной причине оказавшемся на ходу, собрались солдат Унии, беглый Безымянный и некто, скрывающий от всех свою природу. И собрались они все к кольцу Аусгрима, по некоему счастливому стечению обстоятельств избежав участи быть размазанными об обломки Вольфрамового солнца, уничтоженного десятком-другим таких же списанных дредноутов. Идеальная завязка.

— Выброшенный в открытый Эфир координатор вписывается в нее как нельзя лучше, — заметил вместе с тем Хведрунг. — И если наше путешествие просто кажется чрезмерно удачным стечением обстоятельств, то вот с тем, как координатор Лиам оказался замерзающим в обломках того же самого Вольфрамового солнца, у нас у всех есть куда больше вопросов.

— Чтобы отвечать на вопросы, я должен хотя бы вам доверять. Тебя, Безымянный, я вообще должен был бы давно арестовать и направить на принудительное имяизречение.

— И все же вот мы все здесь. Сомневаюсь, что ты сейчас сможешь осуществить хоть чье-то имяизречение, координатор, — с ноткой язвительности ответил Хведрунг, приближая свое лицо с играющей на нем злобной усмешкой к лицу Лиам. — И судя по тому, что сейчас творится в Эфире, Бюро капитально село в лужу.

Лиам хотел огрызнуться, но Эйнгинн примирительно поднял руки, после чего спокойно сказал:

— Координатор, мы все сейчас находимся по одну сторону баррикад. С вашего позволения, я хотел бы внести ясность касательно наших целей. Мы не намерены каким-либо образом вмешиваться в существующий баланс сил светоносных и какие-либо политические конфликты государств Круга Имен. В настоящий момент мы направляемся прочь от обитаемого Эфира, как вы верно заметили, к кольцу Аусгрима. Мы не собираемся каким-либо образом ограничивать вашу свободу, но не потерпим также и вашего вмешательства в наши дела. Мы не питаем лично к вам вражды и надеемся на конструктивный диалог. Положить начало такому диалогу мог бы ваш рассказ о том, как вы оказались в столь необычной ситуации.

— Был выброшен с дредноута, — ответил Лиам, расстегивая пальто. — Перед этим был пойман и оглушен.

— Это были Безымянные? — спросил Хведрунг. Лиам усмехнулся и покачал головой:

— Сомневаюсь, что хоть кто-то из них вообще был светоносным.

— Как вас поймали? — поинтересовался Эйнгинн.

— В Безымянном городе я искал одного светоносного, к которому у меня появился ряд вопросов. Нашел только проблемы.

— Кто этот светоносный? — напряженно спросил Хведрунг.

— Это к делу не имеет никакого отношения, — отрезал Лиам. — Не думайте, что я столь беспечен, чтобы тут же начать вам доверять после столь проникновенной речи. Как оказался

здесь, я вам рассказал. Ваш ход. Зачем вам понадобился маршрут в кольцо Аусгрима? Эту область Эфира не просто так исключили из всех навигационных схем. Тамошние *обитатели* вряд ли будут вам рады.

— Лиам, что вы знаете о пророках?

— Только то, что известно всякому светоносному: пророки появляются независимо от светоносных или Имен, их появление напрямую связано с законами небесной механики, каждый пророк пишет свой текст, текст этот становится своеобразным сценарием, по которому будут развиваться последующие события, сильно меняющие существующий порядок вещей. Знаю также и то, что последний известный пророк оставил после себя четыре главных предсказания, в которых не было ни намека на то, ждать ли вообще следующего пророка. С тех пор просвещенная общественность вполне себе уверена, что тот пророк действительно был последним. И что феномен пророков вообще плохо вписывается в современную научную картину мира, поэтому стоит вообще подвергнуть сомнению этот термин.

— Прекрасный ликбез, — скривился Хведрунг. — И в духе всякого координаторского занудства.

Эйнгинн поднял руку, осаживая спутника, после вновь обратившись к Лиаму:

— Мы, в отличие от просвещенной общественности, не столь категоричны в оценке феномена пророков. И не так уж и уверены, что тот пророк был последним. Правда, пророку, как всякому *автору*, очень нужна его аудитория, та самая просвещенная общественность, которая больше и слышать не желает о пророках. И для ее убеждения ничего не остается, кроме как искать факты, источники, научные доказательства. За таким фактом мы и собрались в кольцо Аусгрима — единственную известную область Эфира, куда всех заставили забыть путь. Факты вообще сохраняются лучше всего, там, где о них никто не помнит.

— Вы так говорите о новом пророке, как будто знаете, что он существует. Как будто у вас есть его имя.

— Ее, — поправил Хведрунг. — Ее имя. Оно у нас действительно есть.

— Поди и текст вам известен, — с легкой издевкой добавил Лиам.

— Известен, — серьезно сказал Эйнгинн. — И я не вижу причин скрывать это — наоборот, мы стремимся к тому, чтобы новость о новом пророке как можно быстрее разнеслась по обе стороны Завесы. Ее зовут Дина Ивинская, а текст ее носит название «Январские ивы».

Эрик Густафссон до этого еще ни разу не видел такого ошарашенного лица, какое было у координатора в тот момент.

Внутренний свет

Ближе к вечеру в лабораторию Яны и Ольшанского пришел Адам. Его пальто совсем было запорошено усилившимся в последние дни снегом, и только глаза в отсветах ламп горели усталыми углями. Мары настороженно переглянулись, и Яна снова подметила, как Адам и Ольшанский в чем-то неуловимо похожи, будучи при этом очень разными. Адам молча полез во внутренний карман, откуда извлек четыре пузырька с темной жидкостью.

— Образцы, как обещал Форнхофт. Если будет нужно, предоставит еще.

— Спасибо, — поблагодарила его Яна. — Хотя я, признаться, ожидала чего-то более...

— ...Мерзкого? — закончил за нее Адам. — Форнхофт в этом плане довольно прагматичен. Если хватит четырех пузырьков, то зачем что-то еще выдумывать.

Снова переглянувшись с Ольшанским, Адам продолжил:

— Доктор, Форнхофт хотел бы получить первые отчеты к концу следующей недели. После этого у вас будет немного свободного времени, несколько дней потребуется, чтобы все это оценить.

— Поняла, — кивнула Яна. — Что он хочет увидеть?

— *Отличия*, — коротко сказал Адам. — И то, как с этими отличиями можно работать.

— Он по-прежнему не сообщает вам о том, зачем ему все это?

Адам отрицательно покачал головой, после чего добавил:

— Зачем все это ему на самом деле, мы никогда не узнаем, я полагаю. Но Форнхофт готов обеспечивать всех нас деньгами и ресурсами, и пока он держит свое обещание, призываю всех выполнять взятые на себя обязательства.

— Конец следующей недели, так? — спросил вдруг молчавший до этого Ольшанский, явно обращаясь к Адаму по какому-то другому вопросу.

— Так, брат, — ответил ему Адам. Ольшанский коротко кивнул, соглашаясь.

Адам ушел, и Яна с Ольшанским остались наедине с четырьмя темными пузырьками. Яна взяла один и повертела меж длинных тонких пальцев.

— Чего он все-таки хочет от нас? — спросила она вроде бы Ольшанского, но больше себя.

— Если он может без особых проблем добывать эти, мм, образцы, то зачем ему наши разработки? Я, допустим, понимаю, почему Третий союз хотел бы такое оружие, но мне кажется, Форнхофт просто решил прикрыться этим для чего-то еще. Никогда бы не подумала, что однажды такое скажу, но мне все сильнее кажется: оружие всего лишь фасад для чего-то более страшного.

Ольшанский задумчиво взял другой пузырек, откупорил, капнул себе на палец, после чего слегка поморщился от боли. Быстро промокнув каплю марлей, Ольшанский ответил, задумчиво глядя на красное пятно, появившееся на пальце:

— Я размышлял над этим, Яна, и постепенно пришел к такому мнению: Форнхофт хочет, чтобы мы нашли тот самый внутренний свет.

— В чем? В этом? — Яна недоверчиво подняла одну бровь, смотря на темную жидкость. — Ты снова говоришь загадками, Ольшанский.

— Напротив, я вполне прямолинеен, — Ольшанский мягко улыбнулся, все равно чуть обнажив клыки. — Ведь до сих пор нет никакой непротиворечивой, устойчиво стоящей на ногах научной теории светоносных. Чем светоносный отличается от человека? За счет чего они получают ускоренную регенерацию, увеличенную продолжительность жизни, улучшенные реакции, повышенную устойчивость к перегрузкам и возможность навигации в Завесе? Как меняется их физиология? Почему сияют их глаза? Где сидит их логос, где скрыт их истинный свет? Почему все изменения обратимы, стоит только логосу покинуть их тело? Что вызывает угнетение высших когнитивных функций после того, как Имя воплотится в ком-то еще? Видишь, Яна, здесь тьма и тьма вопросов, уж прости мне мой невольный каламбур. И мне кажется, именно этого и ждет от нас Форнхофт. Теории внутреннего света.

— Мне всегда казалось, что светоносные слегка, как бы это помягче сказать, выбиваются из научной картины мира, какой бы полной она ни была. Они гораздо ближе к религии, к мифологии, к старым верованиям ошти. Будь то светоносные, будь то истинный свет, для меня все это стояло где-то на границе непознаваемого. Наука потому и наука, что умеет признавать свои поражения. Светоносные — такое вот поражение.

— Об истинном свете говорили примерно то же самое, — заметил Ольшанский. — Еще каких-то пару столетий назад истинный свет казался проявлением божественной воли, природной аномалией, знаком с далеких звезд, и познать его было решительно невозможно.

— И разве что-то принципиально изменилось, Ольшанский, — скептически сказала Яна. — Все эти теории до сих пор живы, до сих пор имеют сторонников, ни одна до сих пор не доказана.

— Не спорю, Яна, что истина о происхождении истинного света по-прежнему покрыта мраком, — Ольшанский, похоже, все-таки наслаждался собственной игрой слов. — Однако же истинный свет прочно вошел во все аспекты нашей жизни, от запитки двигателей дредноутов до оптоэлектронных схем исчислителей. Потому что однажды нашелся ученый, который наплевал на весь этот космический пиетет и основательно изучил основные физические свойства этой самой субстанции, тем самым построив непротиворечивую теорию истинного света, благодаря которой мы с тобой можем решать сложнейшие уравнения реакций не только с помощью карандаша и бумажки. И нам с тобой, Яна, самое время взять и рассмотреть этих горделивых светоносных не в качестве носителей негасимого логоса, но в качестве самых банальных биологических организмов. Светоносные — существа из плоти и крови. Просто кровь у них слегка необычная.

Яна еще раз внимательно посмотрела на пузырек у нее в руке. На секунду ей показалось, что где-то внутри моргнула яркая искорка. Она перевела взгляд на Ольшанского и широко улыбнулась. Как минимум, у теории внутреннего света уже было неплохое название.

Своя правда

Ветра Эфира несли по темным улицам Безымянного города мелкую снежную крошку. В повсеместных сумерках ярко полыхали огни пожаров, будто бы разъяренные глаза многоокого зверя. И все же город был слишком колоссален, чтобы по-настоящему встревожиться. Город умел избавляться от всего, что мешало его существованию, и стоило лишь кому-то по-настоящему переступить черту, возмутитель спокойствия навсегда исчезал в глубинах Вечного города. Но пламя разрушений, несущее с собой войну, и не стремилось к тому, чтобы утопить Безымянный город в крови. Война готовилась выплеснуться едким ядом в Эфир — и захлестнуть Круг Имен целиком и полностью, от идиллических уголков Предела туманов до ледяных пустошей Бессолнечных земель. Каждый час приближал ее к этой ненасытной цели.

Покинуть Безымянный город Рейниру Ингварссону оказалось ничуть не проще, чем в него попасть. Он лишь в общих чертах представлял себе, где находится их с Хельгесеном место встречи, и петлявшие тут и там узкие улочки лабиринтом замерзающего города скручивали Рейнира, не собираясь отдавать координатора живым. Ввинчиваясь в архитектурные сплетения, Рейнир торопился. Он и так потратил на разговор с герцогиней время, которое мог бы использовать для выяснения, куда же все-таки пропал Лиам. Спешка в итоге сыграла с ним злую шутку, и на очередном повороте он столкнулся лицом к лицу с патрулем — двое людей и один светonosный, вооруженные винтовками.

— Ваши документы, — обратился к Рейниру светonosный.

— А что случилось? — осторожно спросил в ответ Рейнир.

— Комендантский час в связи с объявлением военного положения. Предъявите документы, — повторил светonosный.

Надо было срочно что-то решать, потому что в грудь Рейниру уже смотрели дула винтовок. «Их всего трое, чего ты боишься», — проснулся голос. Но Рейнир решил все-таки попробовать договориться и достал инсигнию.

— Я координатор, господа, — сказал он. Дула винтовок патрульные не опустили, и голос ехидно заметил: «не работает твоя дипломатия, координатор», после чего Рейнир в очередной раз ощутил себя гостем в собственном теле, а в воздух вороновым крылом взлетел магнитный клинок. Первым движением он разрубил пополам голову светonosного, после чего Рейнир, с силой пнув собравшегося стрелять в пах, швырнул клинок в грудь стоявшего дальше всех. Быстро прыгнув к повалившему телу и выдернув оружие, управлявший телом координатора голос добил оставшегося и великодушно вернул Рейниру контроль.

— Ну что, попробовал по-хорошему? — беззлобно поддел координатора голос. — Война есть война, Рейнир. Даже де-факто гражданская. *Особенно* гражданская. Не медли в следующий раз.

— Не бойся, рука не дрогнет, — раздраженно ответил ему Рейнир, поспешив прочь от кровавой сцены, быстро скрываемой равнодушной белизной свежего снега.

Проблуждав еще около часа, Рейнир наконец вышел к спрятанному глайдеру. Хельгесен тихо дремал в кабине и, когда Рейнир постучал по стеклу, тревожно встрепенулся спросонья.

— Наконец-то, координатор, — зевнув, порадовался пилот. — Возвращаемся на «Дыхание»?

Рейнир коротко кивнул и снял наконец опостылевший серый плащ, облачившись обратно в свою координаторскую форму. Очень уж не нравился ему серый цвет. Хельгесен спешно прогревал двигатели, и вскоре глайдер уже вырвался из плена Безымянного города, оставляя позади пожары замерзающего города.

Полковник Хеннингсен молча встретил вернувшегося Рейнира, прочитав в его глазах неудачу. Рейнир рассеянно прошелся по мостику, после чего повернулся к полковнику и сказал:

— Я не знаю, куда дальше, полковник. Я облажался. Мне нужен Максимилиан Форнхофт, но, как я уже понял, найти его, если он сам не хочет быть найденным, почти невозможно. Лиам пропал непонятно куда. В городе творится суший кошмар. Нужно что-то делать, полковник, но я не знаю, что.

— Предлагаю вам взять курс на Барну, координатор, — спокойно сказал Хеннингсен.

— Лететь в штаб-квартиру Бюро? — скептически вздохнул Рейнир. — Зачем?

— Всем дредноутам, сотрудничавшим с Бюро, была разослана люминарная телеграмма особой важности. Объявлен общий сбор всех уцелевших координаторов.

Рейнир очень удивился, он о таком даже от Лиамы никогда не слышал. Координаторы редко собирались вместе — и никогда они не устраивали общие сборы.

— Летим, Рейнир? — повторил предложение Хеннингсен.

— Летим, — согласился Рейнир, поджав губы.

Барна, крупнейший город Райнбада, огромного эфирного острова на самой границе Сияния и Внешних Небес, служила штаб-квартирой Бюро координации имен с самого его появления. Почеркнуто нейтральная, Барна никогда не вступала в военные конфликты ни в Эфире, ни в мире под Завесой, и Бюро, выбрав ее в качестве плацдарма, делало ставку именно на этот неукоснительный нейтралитет. Рейнир был в Барне только раз, несколько лет назад, когда они с Лиамой отчитывались касательно спровоцированного их действиями взрыва, жертвами которого стало много гражданских. Барна не так давила своей архитектурой, как это делал Безымянный город, но ее мосты, виадуки и акведуки создавали иное ощущение монументальности: в Барну словно бы вели все пути — или все пути вели из Барны.

Уже на подлете к Райнбаду они заметили множество военных дредноутов в Эфире вокруг и на самом острове.

— Не все так плохо, как я ожидал, — сказал Хеннингсен. — У координаторов еще есть союзники.

— Вы так говорите, полковник, словно мы уже подписались воевать, — хмуро процедил Рейнир.

— Похоже, что подписались, Рейнир, — Хеннингсен развел руками. — Ладно, ребята, причаливаем, я вижу одно свободное местечко.

В городе все было спокойно — Рейнир будто бы попал в какой-то другой мир. Пасторальная идиллия полей вокруг Барны, журчащая вода акведуков, шумные рынки, веселые горожане — ничего здесь не выдавало близости войны, и Рейниру почему-то все казалось ненастоящим, словно кто-то решил закрыть ужасы, кровь и смерть этим утопическим занавесом. И все же жизнь Барны была вполне себе настоящей — здесь не ждали войны, и раненные, обожженные, потрепанные координаторы, чуждой этому месту процессией тянувшиеся к старинному замку на холме, казались обитателям города чьей-то жестокой шуткой. Два мира смотрели один сквозь другой, не желая принимать друг друга.

В штаб-квартире собралось не так уж и много координаторов, всего лишь несколько сотен, и Рейнир очень надеялся, что остальных лишь задержали обстоятельства. Иначе выходило, что Бюро потеряло больше половины личного состава за считанные дни новой войны. В зале Перекрестков, где стоял огромный круглый стол с детальным изображением Эфира и мира под Завесой, собралось и того меньше — только те, кто мог стоять на ногах и желал высказаться касательно того, что координаторам делать дальше. Среди тех, кто был в зале, Рейнир с облегчением увидел Аглаю и, к своему удивлению, Эйнара Бьернссона из Дозора. Когда все собрались, на возвышение у стола поднялся старый одноглазый координатор Генрих Манн, один из самых живучих и уважаемых координаторов последних шестидесяти лет, и взял слово. Чуть дребезжащий голос вознесся под холодный свод:

— Координаторы, сегодня мы впервые проводим здесь общий сбор, и его причина, я полагаю, известна многим из вас, и многие уже столкнулись с охватившим Эфир безумием. Сначала, я хотел бы сказать, координаторы, что это наша общая вина. Мы слишком расслабились, стали воспринимать мир над Завесой как данность, а войну внизу — как жестокие детские игры. Мы упустили из-под собственного носа подготовку фракций к войне. Не захотели увидеть очевидное, не захотели вмешаться раньше, увлеченные более великой целью. Да, мы Бюро координации имен, да, мы взяли на себя сложнейшую миссию поддерживать по мере наших сил функционирование небесной механики, но мы давно не только и не столько блюстители Имен и охотники на Безымянных. Мы сами согласились играть свою роль в Большой игре, но малодушно отмахнулись от того, что эта роль стала одной из ведущих. Хочется ли нам того или нет, мы стали еще одной политической силой Круга Имен, и сейчас сполна вкусили горькие плоды этого события. Многие из нас погибли, а инсигния координатора превратилась в подписанный смертный приговор. И в этом цель нашего собрания: Бюро необходимо выработать единую стратегию в условиях войны фракций. Стоит признать, что в одиночку нам не выжить, и именно поэтому здесь один из капитанов Дозора Эйнар Бьернссон.

Манн уступил свое место Эйнару, и тот продолжил. Низкий голос капитана мощно вгрызался в стены:

— Дозор, как и Бюро, ставит своей целью изучать небесную механику и Эфир. Дозор, как и Бюро, оказался среди бушующего пламени войны. Мы, капитаны отрядов, не хуже других понимаем, сколько усилий приложили координаторы для обеспечения безопасности нашего мира — и я сейчас говорю не только и не столько о делах политики. Бюро необходимо этому миру, но те, кто развязал войну фракций, не хотят или не могут этого понять, стремясь уничтожить любую силу, которая выше их понимания. Отряды Дозора приняли решение

вступить в войну, чтобы защитить доброе имя нашего братства и сохранить то, на чем стоит Круг Имен. Включая Бюро. Мы предлагаем вам всестороннюю поддержку.

— В обмен на что? — спросил кто-то.

— Мы здесь не торговаться собрались, — отрезал Эйнар. — Это вопрос выживания. Нашего общего выживания.

— Это решение втянет нас в войну, сделает нас еще одной из сторон! — заметила высокая рыжая светоносная.

— Если мы начнем заключать военные союзы, то мы ничем не будем отличаться от шестнадцатой фракции, — проворчал немолодой темнокожий координатор с иссеченным шрамами лицом, соглашаясь с ней.

— Если вы не заметили, нас уже сделали одной из сторон, даже не спросив, — резко сказала Аглая в ответ, до той поры молчавшая. — И шестнадцатой фракцией нас тоже уже сделали. Сейчас не получится отсидеться, подождать, пока фракции перебьют друг друга, пока Вуотайн решит повеселиться или пока Безымянные надумают вмешаться. Нужно что-то делать, и не в том мы положении, чтобы сейчас разбрасываться союзниками.

— Это что же, выходит, мы теперь поддерживаем философию Дозора? — спросил кто-то, кого с места Рейнира было плохо видно. — При всем уважении к капитану, не будет ли это дискредитацией Бюро?

— Если Бюро уничтожат, то и дискредитировать будет нечего, — мрачно сказала черноволосая дама, стоявшая недалеко от Аглаи.

— Голосуем? — поинтересовался кто-то еще.

— Голосуем, — был ответ со всех сторон. В этот момент взгляд Рейнира пересекся наконец со взглядом Аглаи. На ожидаемый вопрос в ее глазах Рейнир лишь коротко покачал головой. Аглая печально нахмурилась и отвернулась. Рейнир лишь опять поджал от безысходности губы. Начиналось голосование за принятие помощи Дозорных.

Тихая ночь была на Дионе, и редкие огни горели в уютных окнах ее вилл и дворцов. Диона спала мирным и безмятежным сном, укутанная убаюкивающим покрывалом теплой зимы.

Сам Сон не спал. Черной тенью он явился из пустоты на Диону, ощущая в себе отголоски скверного настроения и усталости. К тому же, Сну предстоял довольно неприятный разговор, и это не делало его настроение лучше. Скользнув темнотой в непривычно аскетичный дворец Страсти, он предстал перед хозяйкой дворца в могуществе Старшего Имени. Нынешняя Страсть, впрочем, Сна всегда считала едва ли равным себе, что его порядком уязвляло.

— Сон, я погляжу, — сказала Страсть вместо приветствия. — Неужели ты пришел насыщать кошмары на несчастную Диону? Людям и так нелегко живется, избавь их уж от своего раздраженного дыхания.

— Я пришел к тебе, Страсть, и ты знаешь об этом, — темнота глаз Сна встретилась с рыжим огнем Страсти. — Меня беспокоит твое отношение к разгоревшейся войне.

— И чем же оно тебе не угодило, дорогой Сон?

— Старшие Имена должны стоять выше разборок фракций. Ты же открыто поддерживаешь Геометров, кто, позволь тебе напомнить, де-факто эту войну и начал.

— Говоришь ли ты сейчас так, как подобает носителю Старшего Имени, Сон? Будто бы придворный интриган, строишь ты здесь свои козни, ищешь свою выгоду. Я поддерживаю Геометров потому, что именно так и должен быть обустроен наш мир. И я искренне желаю им победы в этой войне.

— Твои, кхм, желания, Страсть, очевидны не только мне. Неужели ты не слышала о том, что противники твоих Геометров готовы тебя уничтожить?

— Это все детские фантазии, Сон. Я, как и ты, Старшее Имя, и какая-то кучка светоносных не в силах мне навредить.

— Я предостерегаю тебя от опрометчивости, Страсть. Не стоит их недооценивать, не стоит ставить себя столь высоко над ними.

— Это угроза, Сон?

— Дружеский совет.

Сон приблизился некомфортно близко к Страсти, его непроницаемо-черные глаза злыми агатами мерили ее бледную кожу. Изогнув губы в пугающем подобии улыбки, Сон вдруг меланхолично проговорил:

— Имена рождаются и умирают в каждом из своих воплощений, и каждое из новых воплощений Имени отличается от предыдущего, поскольку растущий логос меняется в зависимости от личности носителя-светоносного. И когда приходит время, когда старое воплощение Имени исчезает, логос пробуждается, раскаляется, требует имяизречения — и тогда светоносный должен пожертвовать своей личностью, переродившись в новое воплощение уготованного ему Имени. Каждого светоносного готовят к тому, что это его единственный долг — принести себя в жертву себе самому, стать изреченным Именем и менять мир, пока законы небесной механики не решат, что пришла пора нового воплощения этого Имени.

— К чему этот замечательный пассаж?

— Да так, потянуло немного на размышления вслух. Ведь кто знает, вдруг законы небесной механики уже решили.

Еще раз наградив Страсть зловещей улыбкой, Сон исчез дымным отсветом, оставив Диону и Страсть недвижимой ночной тишине.

Кабинет Тополевского был почти что полностью погружен во мрак, и глаза Максимилиана Форнхофта сияли ярче тусклой лампы, так, что сразу становилось ясно, где здесь истинный свет, а где ложный. Полковник немного нервно почесывал свою лысую голову и накручивал усы, Форнхофт был привычно невозмутим и, казалось, мысли его были где-то далеко отсюда. Когда для полковника молчание стало физически неприятным, Максимилиан словно бы опомнился и поинтересовался:

— Полковник, как продвигается работа?

— Доктор обещала скоро представить первый отчет по переданным ей образцам. Насколько мне известно, она укладывается в сроки, и ваш визит стал, кхм, немного неожиданным для нас.

— Не беспокойтесь, полковник, сейчас я в Людлине сугубо по личным вопросам. Я не сомневаюсь в таланте доктора и вовсе не переживаю из-за сроков, мой вопрос стоит считать лишь проявлением свойственного мне любопытства.

— И все же, господин Форнхофт, вы о чем-то хотели со мной поговорить? Если это не касается разработок Института...

— Мне важно понимать расклад сил в Гардвельде, полковник. Страна большая, много народов живет на ее территории, не всегда это соседство доброжелательно. Власть императора слабеет с каждым днем войны, злость народа растет. Каков сейчас Гардвельд изнутри, полковник?

— Беспокоен, — медленно проговорил Тополевский, ища слова. — Гудит и ропщет. Здесь, на юге, это пока еще не так уж и заметно, но в Веденборге, говорят, уже студенческие волнения вовсю, и к ним грозятся присоединиться матросы. Революцией пахнет, господин Форнхофт, это могу сказать точно. Зря император ввязался в эту войну, боком она ему выходит, как уж ни посмотри.

Максимилиан соединил тонкие пальцы и положил на них подбородок:

— Я думаю, достаточно понятно, почему Гардвельд решил поддержать эту войну. Номинальные причины войны легко отыскать в клубке противоречий, территориальных претензий, обид, оставшихся с прошлых войн, и просто имперских амбиций. Давайте с вами, полковник, посчитаем. Уния, контролировавшая большую часть северо-западных морских путей, существенно ограничивала Гардвельд в вопросах торговли, — это раз. В Годенбурге усиливалось влияние националистических идей о необходимости восстановить былое величие Гёталанда, вернув себе исконные земли на севере. Правда, как многие справедливо полагали, в случае успеха Годенбург охотно переключился бы на Аккерланд и Паватскую лигу. Тем не менее, это два. Влахынь же стремилась добиться торговой независимости: ее единственным выходом к морю был контролируемый Унией пролив, стало быть, три. Уния не прочь была найти внешнего врага для ослабления внутренней напряженности на полуострове, к тому же, амбиции Годенбурга и Мерании ей были однозначно не по душе, получаем четыре. Только вот поиски истинной причины войны, которая растянулась уже на четыре с лишним года, в очередной раз приведут нас туда, наверх, в Эфир. Не думаю, полковник, что вам или вашим солдатам хотелось когда-либо проливать кровь за светоносных.

— Я... Кхм, я...

— Не нужно нервничать, полковник, право слово, что же вы так. Я и сам не очень-то люблю нашего брата. Светоносные слишком уж высоко забрались и слишком уж высоко задрали нос. Решили, что могут учить всех жить, — я, признаться, тоже порой таким грешу, куда уж там. Решили, что правду знают. Надо это дело прекращать, полковник, вот что я вам скажу. Решительно прекращать.

— Но если не у светоносных правда, то у кого? — Тополевский внимательно посмотрел на серую фигуру Форнхофта. — У вас, господин Форнхофт, правда, что ли?

Максимилиан пригладил тонкие волосы и, слегка прикрыв глаза, ответил:

— У маров есть легенда, довольно красивая, в духе их философии, что правда — это зверь с печальным ликом. Я же убежден, полковник, что у правды бесчисленное количество лиц, и каждый из нас видит только свое.

После этого Тополевский и Форнхофт вновь замолчали.

Свои цели

Около четырех часов утра, когда пятый по величине город Свартриге Эйдмар спал в тиши поздних январских снегопадов, из темных пучин Завесы, зло и резко тормозя полыхающими на реверсе двигателями о морозный воздух, вынырнули ровные ряды тяжелых военных дредноутов в полной иллюминации — лишь опознавательные знаки на их бортах нарочно скрывались в темноте. Противовоздушная оборона города слишком поздно заметила явившиеся прямиком с неба грозные суда, протяжно забеспокоились, запричитали сирены, но заградительные аэростаты и дирижабли вспыхивали подобно бумажным фонарикам от расцвеченных молниями залпов пушек Грейса. Истребители на городском аэродроме так и не успели подняться в воздух, уничтоженные в огненном вихре первыми бомбами, упавшими на Эйдмар.

Ночного налета никто не ждал. Глубокий тыл, война выиграна, в пабах и ресторанах накануне отгремел очередной день празднований и восхвалений. Все ждали лишь подписания мирного договора, и только потому были еще в небе над Эйдмаром дирижабли Королевских военно-воздушных сил. Впрочем, не сильно это помогло городу в ту ночь.

В центре города жители некоторых домов, разбуженные пламенем и взрывами на окраинах, успели спуститься в подвалы, как учили всех когда-то. Но вскоре и в центре города уже бушевали огненные смерчи, и подвалы из импровизированных бомбоубежищ быстро превратились в братские могилы. Люди задыхались в едком дыму, а те, кому не повезло прожить чуть дольше, сгорали заживо, не имея возможности выбраться из отрезанных стеной огня зданий.

Изумрудный в летнюю пору, а сейчас инеистый и искристый центральный городской сад, *Stor Trädgård*, простиравшийся на многие кварталы островом первобытного леса, казался опомнившимся жителям Эйдмара последним оплотом спасения от набирающего силу огненного смерча. Сад долго сопротивлялся пожарам вокруг него, но кружившие над городом дредноуты быстро заметили огромную территорию, еще не охваченную пламенем, как все остальные части города, и целенаправленно сбросили новые бомбы прямо в самое сердце древнего леса.

Город сгорал в пламени за считанные часы. Настоящие горы трупов на улицах и площадях на фоне тлеющих, оплавленных руин некогда прекрасных зданий. Немногочисленные выжившие в ужасе бежали среди груд изувеченных, изуродованных тел, оторванных конечностей, бесформенных окровавленных масс тряпья и обгоревших костей. Впереди их ждали лишь осыпавшиеся и обгоревшие остовы старых зданий. Старая рыночная площадь в одночасье превращалась в колоссальный крематорий. На город вместе с снегом падал пепел.

Один за другим грохотали взрывы. Дым и пламя сжигали каждый глоток воздуха, последние фонари погасли, в багровой тьме пожаров страшно кричали раненые. Везде, куда дотягивался изнуренный ужасом взгляд, бушевал огонь. Верхних этажей мэрии больше не было, всюю полыхали ее развалины. На улицах мимо горящих трамваев в суматохе проносились уцелевшие люди и лошади — всюду стоял крик, смешивающийся с воем вздымающегося до небес пламенного смерча. Каждый в ту ночь боялся умереть. Раненые женщины, прижимая к

себе недвижимых детей, пытались выбраться из огня и завалов. Обреченные старики выходили на улицы, со смесью скорби и ярости встречая ярких вестников смерти, продолжающих безжалостно стирать Эйдмар с лица земли.

Спасенные от змеящегося пламени подвалы были битком набиты ранеными и просто на смерть перепуганными людьми, большую часть из которых составляли женщины и дети. В одном из таких подвалов старому мужчине выжгло глаза, и кровь сочилась из-под грязных бинтов тонкими дорожками слез без отмщения, и его тихие стоны смешивались с плачем и молитвами — последними вздохами агонизирующего города.

Сверху ревели движки дредноутов и насмехающимися аплодисментами гигантов рвались тяжелые бомбы. Страшный аншлаг был той ночью в небесах над Эйдмаром, и словно Сурт и его огненные великаны самолично решили порезвиться тогда в городе, хлопали и топали в пылающем урагане. Эйдмар превратился в сплошное пожарище, коему вскоре было уготовано стать серым пепелищем. Но до этого еще было далеко, до рассвета еще было далеко, и пламя продолжало пожирать все, что могло гореть, живое и мертвое, текло оно, будто ядовитая река, будто злая кровь, будто сердитое солнце, что выплеснулось на оплавленные камни мостовых в самоубийственном акте слепой ярости. Ничего не оставалось в Эйдмаре, все разлагалось до элементарных своих составляющих, все спекалось в единую кристаллическую корку смерти.

Попавшие в смерч люди становились похожи на короткие, неровно обтесанные обугленные бревна, дымящимися углями лежали они на раскалившихся камнях. До самого горизонта застил небо черный непроницаемый дым, поднимавшийся, казалось, выше самой Завесы, стучащийся духами мщения в палаты горделивых светоносных — таких же светоносных, что уничтожали сейчас на своих могучих дредноутах ни в чем не повинный город.

Наверняка тем, кто отдал приказ на эту ночь, думалось, что решительно все население города должно быть уничтожено — без всяких исключений. И несколько дредноутов готовы были доказать, что каждый, кто осмелился остаться в живых, должен был позавидовать уже мертвым. Бежавшие к покрытой прочным льдом реке встречены были рутинным стрекотом пулеметов. Кто-то успел выбежать на лед, слиться с чернотой речного панциря, но тут вновь сверкнули разряды пушек Грейса, и толстый лед треснул, задрезжал, начал проваливаться — и люди оказались в ледяной воде.

Около девяти утра, когда от города оставались лишь припорошенные пеплом и снегом руины, дредноуты, взревев двигателями, исчезли в Завесе. От некогда прекрасного Эйдмара, города, где подписана была Уния, города, где собраны были сокровища искусства со всего света, города, избежавшего плети войны, остались лишь горстки испуганных и искалеченных людей да покрытые копотью искореженные здания. И для этих несчастных жителей города это по-прежнему было непостижимо: их город за несколько часов был превращен в груды развалин и прекратил свое обманчиво долгое существование.

Вести о случившемся разнеслись быстро, и для праздновавшей победу Унии эта ночь стала ночью страха, непонимания и растерянности, ночью бессилия, отчаяния и злости. Так в мир под Завесой пришла война фракций — и перестала быть таковой, поставив на линию огня тех, кто заслужил этого меньше всего. Впрочем, война редко стремится быть справедливой.

И еще реже — милосердной.

Форхнофт узнал о случившемся вскоре после того, как начали тушить пожары. Он по-прежнему был в Людлине, решив дождаться первых результатов работы Яны. Максимилиан сидел в одиночестве в одной из немногих гостевых комнат Института и смотрел на мертвый Старый Людлин.

— Орден, наверное, — вслух негромко сказал он сам себе. — Хотя у Ордена сейчас и так хватает забот. Да и геноцид не в их стиле все же. Дозорным мстят, конечно же, кому еще. За что мстят только? За то, что вроде как решили с Бюро объединиться, выехать на том, что за правое дело будут биться. Биться-то оно хорошо, конечно, да так вот начнешь биться-биться, а там и разбиться можно. Бывшим моим коллегам это тоже не очень нужно, жар загребать нужно чужими руками, а так подставляться не в их стиле. Могильщики предпочитают сидеть тихо и ждать, пока сами все перемрут, им торопить процесс никакого удовольствия. Угасающие к ним за компанию. Искатели, Алый синдикат, Консорциум — тоже мимо, не их почерк. Геометры — да, могли Геометры, они ж теперь стали опереточными злодеями в этой войне, но, впрочем, сами вызвались, никто не тянул их за язык в свое время. Еще, кстати, Вознесение могло. Фанатики, они всегда опасно хаотичны. Правда, там дредноутов, говорят, было столько, что...

Форхнофт приблизился к самому окну и встретился взглядом со своим отражением.

— ...Что и на тебя подумать могут, друг мой Максимилиан, — сказало ему отражение. — А тебе и так еще долго будут припоминать все, что ты натворил с началом этого злополучного года.

— Я к этому готов. И у меня есть в свою защиту веские аргументы, — парировал Форхнофт. — Дорогие мои нынешние коллеги поскрипели-поскрипели, а возражать не стали. Методы мои могут казаться жестокими и бесчеловечными, но мы оперируем иными единицами, а в таком масштабе иначе эффективным быть нельзя.

— Восемнадцать давно под тебя копает, если уж мы заговорили о твоих коллегах, — напомнило отражение.

— И ресурсов у него может хватить... — нахмурился Форхнофт вместе со своей стеклянной копией. — Неужели он, собака красноглазая, хочет так меня подставить. Что, мол, смотрите, достопочтенные господа и дамы, вот он ваш управляемый хаос в действии, видите, один геноцид и горящие трупы детей из него получают.

— Рассказать бы ему, — мечтательно протянуло отражение.

— Но нельзя, — покачал головой Форхнофт. — Нельзя-нельзя-нельзя, иначе загубим весь план.

— А как там мары? — вдруг встрепенулось отражение и вместе с Максимилианом почесало бровь. — Прогресс есть?

— Ольшанский мне не доверяет, — Форхнофт пожал плечами. — Адам тоже не доверяет, но считает, что может меня использовать. Один слишком осторожный, другой слишком са-

моуверенный. За помощью они ко мне пока стараются не обращаться. Ну и пусть, думается мне, они лучше знают, как искать эту их Полынь. Надо уметь не вмешиваться тогда, когда это не нужно.

— Интересно, Полынь действительно общалась с ними?

— То, что я видел в записях... Эти ее повторяющиеся рисунки... Пока все указывает на то, что это больше, чем просто помутнение рассудка.

— *«Они считали, что стоит у Судии отнять свет, Судия становится небытием. Легко так подумать, ведь в эфирной тьме лишенный света — лишь осколок на радость льдам и переменчивым токам. Но истинная тьма и истинный свет не являются бинарной оппозицией, они лишь носят их имена. И лишенный света существует, ибо тьмы его никто не лишал».* Столько всего было сделано ради того, чтобы проверить этот маленький фрагмент всеми забытого предания. До сих пор звучит, как полная выдумка. И что ты им предложишь, коль окажется, что ты был прав от начала и до конца? Как надеешься договориться?

— Месть предложу. Универсальную движущую силу многих деяний, как благих, так и бесчестных. Я предложу им эту холодную, как пустота, месть, подам ее на серебряном блюде — и вежливо отойду в сторону.

— Не боишься, что это серебряное блюдо оттяпают тебе вместе с рукой, Максимилиан?

— Да хоть с обеими. Не стоит преувеличивать собственное значение.

— И все же — выдумка, выдумка, вы-дум-ка все это, а мара эта всего лишь безумна и беспокойна.

— Так или иначе, моменты выбран вполне подходящий. Почти достоверно можно сказать, что приближается смена поколений Судий. Смене поколений предшествует появление пророка, который пишет свой текст, — это точно есть. Текст пророка, будучи опубликованным, становится самосбывающимся пророчеством и запускает цепь сложным образом переплетенных событий, в результате которой старое поколение Судий умирает, а им на смену является следующее. Выходит, правда, так, что нынешнее поколение Судий намеревается, похоже, предотвратить смену поколений, не дав тексту пророка быть опубликованным. В тугой клубок все это увязано, в очень тугой. Они действуют не сами, это очевидно, но слишком хорошо переплетаются нити этой истории, спутывается паутина кровавых следов, сложно понять, кто стоит за нападениями и убийствами, сложно понять, что ищут они, какие цели преследуют...

— А я знаю, какие, — сдержанно и печально улыбнулось вместе с Максимилианом отражение. — Свои. Свои цели они преследуют. Как у каждого правда своя, так цели свои, исходя из этой правды. У тебя, друг мой Максимилиан, цели другие? Высшие, конечно, цели, но это не делает их чьими-то еще, они все равно твои. Своих целей ты стремишься достичь, не больше, но и не меньше. И вопрос, через что ты ради этих целей готов переступить? Через себя — готов?

— Готов, — твердо ответил Форнхофт, глядя сквозь себя на скованный льдом Людлин, что когда-то был.

Вскоре погасли последние огни пожаров, развеялся прах погибших, засыпан был свежим мягким снегом застывший в оплавленной гримасе агонии город. Боль только никак еще не утихала, предательски колола она людей в сердце — то печалью, то яростью, то отчаянием, и по обе стороны завесы чуть надломленный голос Дины Ивинской читал небольшое совсем стихотворение, у которого даже не было имени. Но в Круге Имен редко что остается безымянным, и вскоре «Плач по Эйдмару» — в Унии — и «Эйдмарская элегия» — в Гардвельде и Годенбурге — читали наизусть вместе с Диной — а подчас и вместо.

*Мы разгорались, было рано тлеть;
Был растревоженный и пестрый город.
Копилась пыль на матовом стекле,
И твою шею прятал белый ворот.
В какую даль, в какой надменный дом
Ты отбыл? Плаваясь и мерцая,
Слепые улицы кладут в мою ладонь
Размытые свои инициалы—
В них нет тебя. Машины мчатся вон.
Я вижу нас— нелепых, в смехе скорченных,
Луч по косой спускается к обочине
И мягко падает за ворот твой.*

*В них нет тебя. И лестничный пролет
Шипит неспешными шагами поздних.
И обедневший неуклюжий клен
Цепляет голыми руками звезды.*

И если были где-то бесконечные звезды, то отвернули они сейчас свои печальные лики от бренной земли, исполненные праведного гнева.

Свое воздаяние

После бомбардировки Эйдмара пасторальные виды Барны Рейнира стали раздражать еще больше, особенно в контрасте с собирающимися на войну дредноутами Дозорных и Бюро. Несмотря на то, что четкого плана у координатора по-прежнему не было, он собирался покинуть Райнбад как можно быстрее. Впрочем, насчет плана Рейнир немного лукавил, и из-за этого вечный спутник его голос (он же в анаграмме своей логос) немного мерзонько, но справедливо посмеивался где-то внутри координаторской головы.

Рейнир хотел бросить все и лететь на Ундину — и отнюдь не ради ее водоемов. Он понимал, что это даже ему казалось малодушием и трусостью, но вместе с тем он понимал и то, что случившееся в Эйдмаре надломило его внутренний координаторский стержень. Рейнир Ингварссон был напуган, ему хотелось скрыться от этого безумного и преисполненного смерти, скорби и войны мира, сбежать к любимой женщине и затеряться где-то в бездне ее голодных глаз. Голос, прагматик, скептик, циник и сторонник эффективности, а не эффективности, все это, разумеется, никоим образом одобрить не мог, но до поры не вмешивался. Рейнир, впрочем, иллюзий не питал: вмешиваться голос умел.

Все те дни, что Рейнир провел в Барне, он старательно избегал Аглаю, а вместе с ней и разговор, который ему очень не хотелось начинать. Но сейчас, когда решимость бежать достигла своей кульминационной точки, он все-таки нашел в себе остатки мужества, чтобы разыскать Аглаю и все-таки начать этот разговор.

Раннее утро, еще спрятанное в сумерках, Аглая встречала в одиночестве, налив себе без особого удовольствия чай, наблюдая за сонным городом, лежащим в низине. Рейнир, который еще накануне договорился с Хеннингсеном, ночь почти не спал и выглядел неважно. Заметив его, Аглая лишь прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Он не была уверена, что ей сейчас хотелось говорить с кем-либо о чем-либо. Или о ком-либо.

И все же Рейнир пришел, и Аглая, искренне переживая за Лиам и, чего уж там, за самого Рейнира, отыскивала в себе внутренние силы, тот самый запас на самые черные времена. Запас этот чрезвычайно легко исчерпываются у мужчин, когда те остаются с трудностями один на один, после чего ищут они спасения у милостивых женщин.

— Он мертв? — спросила она, едва Рейнир подошел и сел рядом с ней. Спросила из единственной своей усталости: хранить ли надежду дальше?

— Нет, — обнадеживающе ответил Рейнир. — Многое указывает на то, что Лиам жив. Все-таки это же Лиам, он умеет выпутываться из самых мерзких передраг. Только вот ведущий к нему след упирается в глухую стену. Имя эта стена носит довольно известное — Форнхофт.

— Форнхофт? — с очевидным недоверием переспросила Аглая. — Но Форнхофт никогда не вставал на пути Бюро, он слишком осторожен и умен для этого.

— Да, ты права, — быстро исправился Рейнир. — Лиам сам интересовался Форнхофтом, в частности, у герцогини Соммервальд. С помощью твоего связного я смог выйти на след Лиам в Безымянном городе, и след этот привел меня к ней, только в итоге я еще больше

запутался. Лиам пытался узнать у Sommerwald что-то о Форнхофте, и теперь она сама заинтересовалась, какую игру он ведет. Помнишь убийство художницы на Эгерии? Sommerwald обещала мне помочь с ним в обмен на информацию о делах Форнхофта. К Форнхофту ведут все пути — и Лиам, и наше с ним расследование оказались с ним один на один. Но я не знаю, где искать Форнхофта, не знаю, как на него давить, если найду, и вообще не знаю, как выйти из этого поединка победителем, Аглая. Я ничего больше не знаю.

— Дело не в знании, Рейнир, — твердо сказала Аглая, внимательно заглянув ему в затменные глаза. — И даже не в решимости. И не в страхе, как мог ты сейчас подумать. Ты бежишь сейчас не потому, что боишься, хотя ты боишься. Не потому, что не знаешь, хоть ты и действительно не знаешь. Ты бежишь сейчас от своего воздаяния, Рейнир.

— Воздаяния? — недоуменно спросил Рейнир. — Воздаяния за что?

— За себя, — туманно ответила Аглая. — За других. За мир. Поединок с Форнхофтом, как ты выразился, кажется тебе заведомо проигрышным только потому, что ты все еще избегаешь встречи — не с Максимилианом, а именно что со своим воздаянием.

— Если ты о последствиях...

— Нет, Рейнир, я именно что о воздаянии. Я знаю, что последствия своих действий ты готов принять, не просто так ты носишь эту инсигнию, — Аглая легко коснулась серебра на груди Рейнира. — Но воздание не тождественно последствиям, хотя, безусловно, весьма близко по внешней своей форме. Главное, принципиальное отличие воздаяния от любых последствий заключается в том, что где-то глубоко, где-то подсознательно, подкожно понимаешь всю его справедливость, не просто заслуженность, но его истинность, от начала и до конца. И когда ты в очередной раз спросишь себя: «Что мне делать?», ответ у тебя уже будет готов: делай то, последствия чего ты заслуживаешь. Спасай мир, сжигай города, беги прочь — лишь бы ощущать, что воздаяние за каждый твой шаг по-прежнему твое. Не Форнхофта, не Лиамы, а твое, воздаяние Рейнира Ингварссона.

Рейнир взял Аглаю за руку. Рука Аглаи оказалась холодной, при этом ее сухая, чуть шероховатая кожа все равно давала какое-то внутреннее ощущение тепла. Рейниру никогда не хватало этого тепла. Сейчас тоже не хватило.

— А ты, Аглая? Ты приняла свое воздаяние?

— Приняла. Не сразу, не безболезненно, но приняла. Иначе бы не была сейчас здесь, иначе не готовилась бы воевать.

— Лиам тоже?

— Лиам... У Лиамы иной взгляд на эти вещи. Но одно он очень точно подметил в очередном нашем разговоре.

— Мм?

— У нас, светоносных, наше воздаяние всегда с собой. И выходит так, что бежим-то мы от себя. А от себя что? Правильно, от себя не убежишь.

«Но ты все еще хочешь попытаться», — добавил голос неожиданно серьезно.

Рейнир ничего не ответил, только крепче сжал руку Аглаи.

Яна танцует

Минул наконец страшный январь девятьсот пятнадцатого, грозный январь, гремевший и темный своей стужей, отшумел пожарами и пулеметами, сгинул наконец в глубинах времени, оставив после лишь растерянность, разобщенность и разбитость. Вьюжной кровью бушевала война в Эфире, непониманием трескалась война под Завесой, и люди ничего хорошего от февраля не ждали, встретив его морозные шаги настороженно, недоверчиво, ожидая от каждого дня новых подвохов и неприятностей.

Но февраль в первую неделю свою лишь чередовал снегопады с трескучим, въедавшимся под кожу морозом, не принося по утрам жутких вестей — лишь такие, к которым очерствевшие и измотанные сердца привыкли. Вот еще несколько дредноутов уничтожили в небе над северным Гардвельдом. Вот кайзеровские танки выплюнули черным дымом в это самое небо и упрямо поползли в Свартриге и Альдмарк. Вот сожгли один из марских уделов во Влахыни. Вот в порту элленцийской Барны потопили три гражданских корабля по ошибке. Вот в Руннемаре опять желают освобождения Таэдмары и Каймрига из-под пяты меранской монархии и снова готовы лезть на баррикады. Четыре года отняла у мира война, пятый не принес ничего, к чему мир не успел бы привыкнуть.

И мир жил, и жил Людлин, шумел и дымил, блистал огнями ложного света над заледеневшей рекой, дребезжал трамваями, разбухал возмущенными клаксонами автомобилей и бойким ржанием лошадей извозчиков, полнился людским гулом на площадях и погребал голоса в укрытых снежной шинелью узких улочках. Жил и Институт, одинокая крепость во льдах у подножия Старого Людлина, в пургу и метели круглыми сутками пленяя свет в круглых электрических шарах фонарей снаружи и высоких холодных окнах корпусов, предсказывая скорое торжество электрического будущего.

Однако росла тревога за крепкими стенами институтского бастиона, и была тому веская причина. Первой из по-настоящему всеобщих бед, что принесла война в Эфире сюда, вниз, в снежные сумерки подзавесного мира, оказался дефицит истинного света. Разные ходили слухи, вплоть до того, что безумные светоносные погасили в своей неумной жажде власти солнце, но солнце, как бы дело ни обстояло, по-прежнему порой показывалось тусклым диском в Завесе, что внушало осторожный оптимизм. Тревога, впрочем, от этого никуда не исчезала, ведь что бы ни произошло там, в Эфире, недостаток истинного света ощущался здесь и сейчас. Институтские исчислители старались использовать пореже, опасаясь поломок, ведь цены на их внутреннюю оптоэлектронику взлетели теперь до самой Завесы, а в коридорах комплекса стало холоднее: работающий на том же истинном свете огромный генератор где-то внизу стали держать впроголодь, экономя драгоценное топливо.

В эти беспокойные дни Яна сидела у себя дома, скрывшись и от города, и от войны за толщей институтских укреплений, забравшись под одеяло и рассеянно читая и перечитывая потрепанную книгу. В книге тоже писали о зимнем городе, только не о Людлине, о другом, побольше и поважней. Взгляд скользил сквозь строчки, Яна раз за разом уходила куда-то мыслями далеко и от снежного Людлина, и от того книжного города, куда-то в свое прошлое, в юность свою, которая вроде бы и была обманчива близка, а вроде бы и оказалась уже бессильно далеко. Хотелось ей сейчас поговорить с кем-то, отчаянно хотелось, с кем-то из

прошлой той ее жизни, из давнишних ее друзей, из бывших ее возлюбленных, вернуть на секунду привычность, притертость, ощутить легкость, когда разговор сам собой складывается в длинные и жаркие споры, когда хочется то петь, то травить самые пошлые анекдоты, какие только приходят на разгоряченный шумным вечером и вином ум. Яна на секунду задумалась, когда она последний раз танцевала — поняла, что очень давно. Подумала еще, что в такие моменты хорошо бы завести лирса, но кто ж за ним будет ухаживать, пока Яна пропадает на работе? Вздохнула, опять попытавшись что-то прочитать.

Книжный город, тоже заснеженный и заметенный, все с трепетом ждал новой каверзы войны, как ждал ее и Людлин. Перелистнув страницу, Яна вдруг болезненно и четко поняла, что если и будет каверза, то ничего она и не поменяет. Разве что только сожгут Людлин, как Эйдмар в Свартриге, но тогда уж и о Людлине-то говорить вроде как и смысла не имеет. Людлин же город такой, привычный, все стерпит, как уже стерпел в свое время. Это пышный столичный Веденбург пусть боится, что полетит вся его северная красота куда-нибудь в Бездну, а Людлин-то чем уж напугать — ничего город уже не боится, только гудит беспокойным улем, готовым броситься на любого, кто по дурусти сунет в него свой беспечный палец.

И думалось еще Яне, что жители Людлина это все тоже прекрасно понимали где-то вот в глубине своей людлинской души, тревожась скорее по привычке, чем по-настоящему. Ну, кончится истинный свет, будут топить по старинке, углем, а коль уголь кончится, так табуретками и резными вот этими стульями, которые стояли во всех докторских квартирах и совершенно Яне не нравились. Война страшна издалека, война страшна совсем вблизи, а когда она всегда где-то за углом, за стеночкой, у другой веранды, тогда притупляется страх к ней, сменяясь одной лишь только тупой усталой решимостью переждать и пережить ее. Война ведь того и боится, что мы ее переживем.

Яна отложила книжку и, найдя по радио какой-то вальс, принялась танцевать, бесцеремонно распахивая эти надоедливые резные стулья.

Во время войны надо жить. Так жить, чтобы война боялась.

Три разговора в Людлине

В кабинете Яны было этим сумрачным утром чересчур людно: был одетый в серое Форнхофт с холодным и напряженным блеском в глазах, был грузный усталый Тополевский, был ехидный Адам и был, конечно же, верный Ольшанский. Яна, в комфортном одиночестве просидевшая дома больше недели, чувствовала себя слегка выбитой из колеи. Виноват был, разумеется, Форнхофт, только из-за него «конец следующей недели» уехал на февраль. Впрочем, Яна умела мириться с такими обстоятельствами, к тому же, работать на Форнхофта ей нравилось чуть больше, чем создавать оружие для разгромленной армии Третьего союза. Она иногда вспоминала тот неприятный случай с безымянным пациентом, умершим под индексом Аз, и думала, что это кто-то подстроил — не просто так к ней попал здоровый человек. И порой, когда она внимательно смотрела на Форнхофта, ей думалось, что ему хватило бы выдержки и хладнокровного планирования, чтобы быть этим кем-то. Она начала говорить, попутно показывая кое-какие графики и сделанные на исчислителях расчеты, но все-таки поглядывала время от времени на этого странного светоносного:

— Итак, господа, из предоставленных образцов мы, к сожалению, пока не смогли извлечь стабильные кванты истинного света, но, принимая во внимание корпускулярно-волновой дуализм и исследования господина Борна, мы можем с уверенностью сказать, что истинный свет определенно воздействовал на каждую живую клетку в образцах. Судя по всему, истинный свет неким образом встраивает себя в атомы вещества, возможно, заменяя или модифицируя своими квантами электроны этих атомов. Но тут нужен комментарий хорошего физика, это уже выходит за пределы моих знаний, тем более, мы не уверены, что в живом организме процесс идентичен. Тем не менее, видоизмененные атомы меняют свойства вещества, и, как следствие, живые клетки начинают вести себя иначе. Сейчас мы можем с уверенностью говорить о следах истинного света во всех образцах, эти следы можно выявить с достаточной степенью точности.

— Можно ли воздействовать только на измененные ткани? — спросил Тополевский. — То, о чем мы с вами говорили еще осенью. Избирательное воздействие.

— Можно, полковник. Нужно только найти соответствующий химический маркер, чтобы пометить их. Не скажу, сколько на это уйдет времени, но задача вполне реализуема.

— Доктор, благодарю вас за столь впечатляющие результаты, особенно учитывая, что они были получены за столь короткий срок, — мягко сказал Форнхофт. — И хотел бы еще раз принести извинения за непредвиденные изменения графика наших с вами встреч, что, увы, не редкость в наше беспокойное время. У меня к вам на данный момент есть ли один вопрос, который, как я полагаю, станет отправной точкой для продолжения вашего исследования. И вопрос этот заключается в следующем: возможно ли отделить истинный свет от прочей материи?

Яна внимательно посмотрела Форнхофту в глаза, где сиял этот самый истинный свет и после минутной паузы осторожно сказала:

— Теоретически, господин Форнхофт.

— Меня устраивает такой ответ, доктор. Со своей стороны я сделаю все, что в моих силах, чтобы ваши исследования как можно меньше страдали от различного рода внешних факторов, включая, разумеется, финансовые.

— Вы возлагаете на меня много надежд, господин Форнхофт, — прямо сказала Яна. — Иногда мне кажется, что слишком много.

— Доктор, я просто не сомневаюсь в вашем таланте, — сказал в ответ Форнхофт, на мгновение вздернув уголки губ вверх. — И убежден также в торжестве научной мысли над загадками нашего сумасшедшего мира. Благодарю еще раз за работу, как только вы посчитаете нужным еще раз что-либо мне продемонстрировать, обратитесь к полковнику — я не хотел бы ставить перед вами какие-либо жесткие сроки, особенно когда сам их так бессовестно нарушаю. Сейчас же я, если позволите, вас покину.

Форнхофт коротко поклонился Яне, после чего направился к выходу из кабинета. Тополевский немного поспешно и оттого почти комично бросился за ним:

— Я провожу вас, господин Форнхофт.

Яна хмыкнула и рассеянной пианисткой пробежалась своими длинными тонкими пальцами по столу, после чего подняла взгляд на маров, которые о чем-то напряженно шептались. Поймав взгляд Яны, Адам и Ольшанский переглянулись, и Ольшанский сказал:

— Мы тоже пойдем, если не возражаешь.

И они высокими теньями тоже быстро ускользнули из лаборатории. Яна только и успела сообщить закрытой двери:

— Если бы и возражала, как будто это помешало бы всем этим мужикам с их бесконечными секретиками оставить меня здесь в одиночестве. Ладно хоть книжку захватила.

Яна сладко потянулась и деловито начала делать себе чай.

Тем временем в коридоре Тополевский свистящим шепотом говорил Форнхофту:

— Господин Форнхофт, вы же понимаете, мое правительство начинает давить касательно размещения контингента здесь. После Эйдмара война снова грозит войти в активную фазу, у царского командования много ко мне вопросов из-за охраны Института. Они хотят бросить на фронт больше половины моих людей. Мне вменяют, что я занимаюсь здесь чем угодно, кроме войны — и я чувствую, что эту самую половину по приказу императора должен буду возглавить именно я. И мне начинает казаться, что царская охранка догадывается, что отнюдь не самодержцу я служу.

— Хорошо, я понял вас, полковник. Уладить проблему с вызовом на фронт я постараюсь, но вот до охраны дотянуться не факт, что получится. Мне тогда лучше покинуть Людлин на какое-то время, нужно усыпить их бдительность. Вашей приоритетной задачей по-прежнему остается контроль за доктором. Смотрите, чтобы она не натворила глупостей.

— А если она начнет догадываться?

— Не беспокойтесь, полковник, об истинной цели точно не догадается, — Форнхофт чуть изогнул краешек губ. — Ждите вестей из Веденборга.

Максимилиан пожал Тополевскому руку и быстро направился прочь. Полковник растерянно пригладил свои пышные усы, которые от нервного напряжения чуть обмякли, и медленно пошел обратно к себе, по пути чуть не столкнувшись с шедшими навстречу Адамом и Ольшанским.

Дождавшись, когда полковник отойдет на достаточное расстояние, мары вернулись к прерванному разговору.

— Так ты выяснил что-то новое за то время, которое мы вынуждены были прождать? — спросил Ольшанский. Адам, убедившись, что коридор пуст, достал из внутреннего кармана несколько бумаг.

— Я навел кое-какие справки о том, чем занимались в обсерватории прямо перед падением Старого Людлина. Связи Форнхофтагодились, кстати. Так вот. Они исследовали следы некоторой эфирной аномалии. И найденная нами запись вероятнее всего связана именно с ней. Похоже, что вместе с Институтом ученые обсерватории вычислили ее причину.

— И этой причиной оказались те самые «они»?

— Именно.

— Это наверняка важное открытие, но вынужден заметить, что мы никак не продвинулись в поисках Полыни. То, что она почему-то изображала что-то похожее, не дает нам никаких зацепок касательно ее местоположения. Адам, мне все чаще кажется, что она пропала навсегда. Мир слишком большой. Да даже Гардвельд слишком большой. Она может быть уже за Изаром.

— Доверься мне, — Адам положил Ольшанскому руку на плечо. — И чтобы тебе не пришлось доверять мне вслепую, давай съездим в Гмелино. Мне есть, что тебе показать.

— Хорошо, — коротко сказал Ольшанский. — Но лучше бы ты показал мне Полынь. Я боюсь за нее.

«За нее и за мир», — добавил он про себя.

Эрик и звезды

Эрик никогда прежде не видел звезды. Он, конечно, читал о них в старых детских книжках, а после изучал в школе, но в его картине мира всегда звезды оставались чем-то сказочно-абстрактным, тем, чего человек никогда и не увидит в жизни, и нарисованные белые точки на темном куполе неба в таком случае равнозначны раскаленным газовым шарам в бесконечности пространства где-то неизменно далеко, выше самых разреженных слоев Эфира, где его токи рассыпаются беззвучным небесным прибоем, накатывая на берег космоса. Была, правда, одна звезда, которую Эрик видел, и у звезды этой было имя — Солнце. Но с ним всегда был особый случай, и поэтому Эрик все равно не мог поверить своим глазам, когда перед ним в раскинутой во все стороны черноте засияли тысячи далеких огней. И они были не просто белыми точками на темной ткани, как изображали их обычно на картинках и картинах, но цветным искристым буйством, соперничающим в яркости с вездесущими эфирными токами.

— Иногда мне кажется, что вселенная говорит с нами, — негромко сказал подошедший к Эрику Хведрунг. — Мы несоизмеримо малы по сравнению с ней, и все же она с нами говорит своим светом. Свет и его отсутствие, универсальный язык бытия. Быть может, свет и есть свидетельство всякого разума.

— Если этот разум подобен тому, который был порожден нашим светом, я бы поостерегся с ним общаться, — мрачно добавил Эйнгинн. — А то с одними уже не заладилась коммуникация.

Хведрунг махнул на него рукой, сетуя на упущенный пафос момента. Эрик, вполуха слушавший своих спутников, продолжил вглядываться в мерцающую пустоту, а вот Лиам, все еще державшийся весьма обособленно, зацепился за последнюю фразу Эйнгинна, и поинтересовался:

— Им, значит, вы дорогу перешли? Сильно.

— Ты знаешь о них? — с неподдельным удивлением спросил Лиам Хведрунг, забыв даже о несколько натянутых отношениях между ними. — Сильно.

— Такова уж координаторская доля, — сухо сказал Лиам. — Мне следовало догадаться раньше, что у них на вас зуб.

— Мы считаем, они умышленно скрыли существование пятого предсказания прошлого пророка, — присоединился к разговору Эйнгинн. — И, вероятно, уничтожили все его копии.

— А, так вот зачем вас понесло в кольцо Аусгрима, — задумчиво протянул Лиам. — Интересный расклад получается. Но в кольце, образно говоря, сотни тысяч дверей, как вы собрались найти нужную?

— Есть одна мыслишка, — Хведрунг почесал свою рыжую голову. — Но надо добраться до места, чтобы понять, сработает ли она.

— Посудина старая, — покачал головой Эйнгинн. — Могут возникнуть проблемы. Да и с топливом у нас не сказал бы, что все замечательно. Если честно, больше меня волнует не то, как мы попадем туда, а как попадем обратно.

— И важно не промахнуться с этим самым «обратно», — нахмурился Хведрунг. — Но будем решать проблемы по мере их поступления, иначе совсем свихнемся. Токи слабеют. Мы скоро должны окончательно покинуть плоскость Среднего Эфира.

— Токи слабеют, а нагрузка на движки увеличивается, — с тревогой сказал Лиам, специально даже проверив показания на старых, чуть проржавевших циферблатах. — Дотянуть бы до кольца вообще.

— Не бойся, координатор, дотянем, — сверкнул глазами Эйнгинн. Лиам, у которого уже были мысли на счет Эйнгинна, лишь коротко молча кивнул. Эрик, отвлекшийся от созерцания далеких звезд и прислушавшийся наконец к разговору, посмотрел на выпуклый экран исчислителя, куда был заведен курс, и спросил:

— А все-таки, почему навигационные карты с маршрутом в кольцо были стерты с новых дредноутов? Мы же вот на этой древности летим туда, совершенно спокойно летим, между прочим, а уж новый-то дредноут и подавно такое осилил бы.

— Разреженный эфир никогда не был серьезным препятствием на пути к кольцу, — согласился Хведрунг. — Все военные дредноуты с самого начала их постройки обладали нужным запасом хода, мощности и прочности. Проблема в том, что в какой-то момент в кольце Аусгрима эти самые дредноуты стали, кхм, пропадать. Некоторые потом появлялись — через год, два, три. Или за десять лет до своей постройки. Иногда везло, и дредноут возникал минутой спустя — насквозь проржавевшим, полуразрушенным и со скелетами команды на борту. Когда таких случаев стало пугающе много, путь в кольцо решено было стереть без лишнего шума.

— Хведрунг хочет сказать, что в кольце в какой-то момент возникла некая локальная временная аномалия, — пояснил Эйнгинн. — Возможно, эфирные токи там ведут себя странно, возможно, за этим скрываются иные, более запутанные причины, но так или иначе, время в кольце Аусгрима идет то быстрее, то медленнее, то не в том направлении, а то и вообще стоит на месте. Говорят, только в Дальнем Эфире еще наблюдается что-то подобное. Это словно бы минное поле — все кольцо усыпано пузырями искаженного времени.

— Тогда зачем нам в это гиблое место? — с осязаемым страхом в голосе спросил Эрик, который, будучи единственным простым человеком в компании светоносного, Безымянного и, судя по всему, изреченного Имени, сильнее всего беспокоился о неумолимом беге времени.

— Чтобы нырнуть в один из таких пузырей, — хрипло засмеялся Лиам. — Ведь когда Эйнгинн говорил, что все копии пятого предсказания были уничтожены, он, похоже, не преувеличивал. Вы не просто хотите найти чудом уцелевшее свидетельство. Вы хотите вытащить его из прошлого. Бездна меня побери, да вы, ребята, совсем тронулись умом. И знаете что, теперь я уж точно обязан не пропустить такое веселье.

— А ты мне начинаешь нравиться, — засмеялся в ответ Хведрунг, хлопнув координатора по плечу. Эйнгинн тоже сдержанно улыбнулся, и только Эрик по-прежнему был слегка шокирован этой новостью.

Дредноут тем временем вынырнул из эфирной дымки и оказался один на один с бесконечностью, в которой тысячью голодных глаз сияли звезды.

Туманы Эмайна

Холодный ручей с силой вырывался из-под старого, поросшего сине-зеленым мхом камня. Его прозрачная вода тонкой струйкой стекала, стремилась со всей возможной спешкой к реке, неприветливо-шумной под тяжелым облачным небом, задумчиво перекатывавшим слои облаков. Время застыло в железных холмах Эмайна, но здешняя осень оставалась довольно переменчивой в вопросах погоды, сменяя дождевые тучи и лютый ветер почти пол-летнему жаркими солнечными днями, из-за чего по вечерам Эмайн становился похож на Закатный Край.

Это был тихий туманный остров, полный старых резных камней и курганов, пришедших откуда-то из глубины веков и до сих пор окруженных ореолом тайны. Здесь жило мало светоносных. Большинство находили прохладную и несколько однообразную умиротворенность Эмайна скучной, те немногие, кто все же избрал Эмайн своей постоянной резиденцией, объясняли это любовью к старому доброму укладу, которого в нынешний суматошный век оставалось все меньше и меньше. В отличие от светоносных, обычное население Эмайна было весьма многочисленно, происходя, в основном, с Меранских островов. Фермеры, охотники, рыболовы, купцы, редкие странствующие рыцари, пережитки старых традиций, пожилые ученые, посвятившие себя изучению здешних развалин, — Эмайн словно бы сошел со страниц старых романов, затерянный в своей мгlistой дали.

Были, правда, на Эмайне и мрачные уголки, где туманы стелились покрывалом в темных логах, вдоль опушек сумрачных чаш, по непроницаемо-черным зеркалам на первый взгляд бездонных озер. В одном из таких мест стоял увитый плющом старинный четырехэтажный особняк из сероватого камня, жил в котором Белый Герцог. В Эмайне о Белом Герцоге мало что было известно, кроме его пугающей бледной внешности, граничащей с бесцветьем, но при этом мрачная аура, окружавшая его, не внушала жителям Эмайна ни малейшего страха, ведь жил Герцог уединенно, редко показываясь на публике и существуя больше на правах еще одной местной легенды.

— Нет, господин Зауэр, у меня, как вы можете догадаться, тоже есть принципы, — говорила январским вечером местная легенда. — Я не собираюсь спасать вашу шкуру. Уничтожение Вольфрамового солнца сказалось на всех нас, и не моя забота, что вы оказались из-за этого в столь затруднительном положении. К тому же, до меня дошли слухи, что это вашим оружием сражаются нынче Геометры...

— Моим оружием сражаются многие.

— И все же, помогать тому, кто наживается на этой войне... Не в моих принципах, еще раз вам повторяю.

— Назовите цену.

— Нет, господин Зауэр, хватит торговаться. Не все в этом мире продается и покупается. Ваше счастье, что вы не привели никого сюда, на Эмайн. Нам не нужны здесь лишние проблемы. А вы, господин Зауэр, все чаще становитесь сейчас источником проблем.

— У меня складывается впечатление, что вы знаете обо мне куда больше, чем я сам.

— Не льстите мне, господин Зауэр, какие уж новости доходят до нашей глуши, такими сведениями я и располагаю, не больше, но и не меньше. А слухи, увы, не в вашу пользу. У меня складывается стойкое впечатление, что вы пришли ко мне из отчаяния. Но здесь так дела не делаются, господин Зауэр, и люди здесь ценят свою жизнь, в отличие от иных мест, где вы, полагаю, уже вычерпали до дна все доступные вам чаши. Ни один мужчина, ни одна женщина Эмайна, будь они простыми людьми или же светonosными, не согласятся надеть это, — Белый Герцог небрежно бросил Зауэру под ноги помятую серебряную маску. — И не просто надеть, но с высокой вероятностью также и умереть с этой маской на лице.

— Откуда у вас это? — спросил Зауэр, с трудом сохраняя самообладание.

— Эфирные токи принесли, — бесцветными губами улыбнулся Белый Герцог. — Они же принесли, что по следу этих масок идут координаторы. Правда, им, пожалуй, сейчас немного не до вас, но я, господин Зауэр, вообще не планирую привлекать внимание Бюро к Эмайну. Полагаю, вы пытались обвинить во всех грехах Безымянных, имитируя, к слову сказать, неплохо имитируя, их почерк. Но рано или поздно ваши маски привели бы координаторов к вам, господин Зауэр.

— У них никогда бы не хватило доказательств, — возразил Зауэр. — У них по-прежнему ни одной зацепки.

— Вы так в этом уверены? — Белый Герцог снисходительно покачал беловолосой головой. — Хотел бы я обладать такой уверенностью.

— Я к вам обратился не для того, чтобы вы читали мне нотации, — Зауэр начал терять терпение. — Это ваше окончательное решение?

— Оно было таковым с самого начала, — холодно сообщил Герцог. — И я вас не задерживаю.

— Быть может, вас убедят иные аргументы? — недобро прищурился Зауэр.

— Не стоит мне угрожать, господин Зауэр. Туманы Эмайна бывают очень густыми. Легко заблудиться. Не сходите с тропы, господин Зауэр, когда будете возвращаться.

И, дополняя режущую улыбку бледных губ, глаза Белого Герцога неярко сверкнули в сумерках кровавой луной.

Краткая история безвременья

Война шла своим чередом. Стальной лавиной сметала все на своем пути ледяная армада Унии, ищущая мести за Эймар — и тщетно светоносные из Дозора пытались убедить короля, что Годенбург здесь ни при чем, слишком уж силен оказался патриотический подъем, сплотивший Унию перед лицом общей трагедии — уничтожен был не просто невинный город, но город, в котором уния и была подписана, город, ставший символом объединенного севера, и впервые за много лет сложные отношения стран Стылого полуострова стали вдруг очень простыми, и даже на далеком острове Синдвари, предпочитавшем быть чуть в стороне, десятками записывались в добровольцы — Мист насилу уговорила мужа одуматься и остаться дома. Патриотический дух витал над севером, и изрядно потрепанный взвод сержанта Торстейна вновь собрался вместе, недосчитавшись, правда, нескольких солдат — и в их числе был Эрик Густафссон, за пропажу и, вероятно, смерть которого до сих пор корил себя Ари по прозвищу Профессор, хоть все, а в первую очередь Магнус, убеждали его в обратном.

Измотанный, израненный, вконец обессиливший Годенбург с трудом изыскивал последние резервы в надежде остановить северян, уповая только на помощь Гардвельда. Но напуганный император крайне неохотно посылал войска на помощь союзникам, с тревогой наблюдая за тем, как во Влахыни измученные войной крестьяне все чаще в открытую собирались громить марских господарей. Сами влахынские мары, обозленные на людей срывом мирного договора, все чаще отвечали несвойственной им жестокостью. Мир медленно и неумолимо стремился к точке невозврата, и это ощущали все, только никому не было понятно, что после всего этого будет. Шептались на заснеженных веденбургских улицах:

— Революция будет, говорят!

— Да царь-то уж не допустит.

— Да кто ж его спросит, коль случится? — нередко доходило в таких случаях до драк, а то и полицмейстеры вмешивались. Вмешивалась, думали все, и царская охранка, только вот об этом еще тише шептались, предпочитая изредка бросить что-то такое вечером у печи. Топили сильно, февраль все сыпал и сыпал, перемежая снегопады трескучим морозом, и даже в южных городах, вроде Людлина, зима как-то в одночасье стала суровее обычного. Говорили, что это все-таки все из-за светоносных, потому и без того не самое доброжелательное к ним отношение еще ухудшилось.

И еще всюду чувствовалась какая-то обреченная усталость от происходящего, будто бы мир продолжал свое движение в неизвестность по инерции. Усталость порождала тупое равнодушие, а короткие зимние дни тянулись нескончаемо дурной бесконечностью. Яна периодически начинала хандрить из-за этого, особенно в отсутствие Ольшанского, который уехал с Адамом в Гмелино, старое полузаброшенное имение недалеко от Людлина. Хандра подкрадывалась как-то незаметно и совсем уж бессовестно, и Яне стоило немалых усилий отгонять ее работой. Работа ее стала по-настоящему увлекать, давая ощущение причастности к чему-то, что может стать чем-то большим для мира, затмевая собой личность автора. Она часто слышала от коллег, что в Институте они создают будущее, но сама Яна предпочитала считать, что лично она создает настоящее — ведь, если задуматься, со временем вообще не

все так просто, и тонкая грань между прошлым, настоящим и будущим порой истончается настолько, что невозможно уверенно определить для себя время вообще. И выходит, что мы все живем в безвременье, в вечном переходном периоде из ниоткуда в никуда.

Подобные мысли посещали звездными ночами Рейнира Ингварссона, в моменты, когда разозлившийся на него логос не давал ему заснуть, мучая его жуткими видениями. Но Рейнир предпочитал всякому безвременью только одно — их с Даной личное никогда. Он вернулся к ней, не зная, что именно он хотел найти, и он нырял в ее безжалостный водоворот эмоций с тайной надеждой однажды там и остаться, он ощущал в себе эту жадность до неумной, почти жестокой любви, которая вспыхнула между ними, любви вопреки — вопреки долгу, обстоятельствам и обещаниям. Он не хотел, чтобы это когда-либо заканчивалось, но понимал, что это возможно только в их личном безвременье.

О безвременье думала и Аглая, стоя на мостике «Сокола Империи», вместе с десятком других дредноутов занимавшего свое место в сложном строю воздушного войска. Есть только краткий миг — вневременная сингулярность, в конечном итоге вбирающая в себя всю историю твоей жизни, какой бы она ни была. И случись так, что это сражение станет для Аглаи последним, кто озаботится тем, чтобы превратить эту точку в картину, запечатлевшую судьбу простой девчонки из северной гардвельдской деревни? И получается так, что мы приходим из безвременья, чтобы в безвременье и вернуться.

Король былого и грядущего, пустив свое антрацитовое «Королевство» в дрейф на переменчивых токах, уносивших его в Дальний Эфир, тоже думал о безвременье — куда уходят Безымянные, когда перестают быть? И есть ли они вообще — не изящный ли это самообман изреченного логоса, убедившего себя, что он и есть тот, кто его изрек? И уместно ли говорить о времени там, где время застыло?

Но только еще по всему выходит и так, что время и безвременье не исключают друг друга. И где-то на месте их *не-исключения* и происходит все то, что мы называем жизнь.

Осознанные сновидения

Давайте сразу определим форму нашей с вами коммуникации, если вы не против. С одной стороны, обстановка вроде бы располагает к диалогу, но, признаться, мне определенно кажется, что говорить буду в основном я, уж не обессудьте. К тому же, диалог — немного жульничество, он располагает к обилию слов, за которым очень легко спрятать отсутствие интересной истории. Стало быть — монолог? И снова не совсем верно, без вашего участия все потеряло бы всякий смысл. Возможно, повествование является нужным нам словом. Возможно, нужного слова нет в принципе, и это просто очередное жонглирование именами, к чему, как часто любят говорить нынешние философы, можно свести большую часть миробытия.

Вы, разумеется, пришли сюда с целью убить меня. Цель ваша вполне понятна, в чем-то даже оправданна. Но скажите мне: как вы себе это представляете? Меня нельзя убить, ведь я не более чем имя. Материальное воплощение этого имени в лице меня не особо и нужно, если уж быть совсем откровенным. Даже не будь меня, люди не разучились бы видеть сны. Вы и ваши, хм, работодатели почему-то упорно меняют местами причину и следствие. Не сон существует, потому что существую я, а я существую, потому что существует сон. Здесь, конечно же, возникает вопрос: в чем же тогда власть имен? Несмотря на объективность окружающей реальности, ее восприятие по-прежнему остается в высшей степени субъективным. Так уж ли важно, как оно там на самом деле, если тебе говорят то, что ты желаешь слышать? И для этого не нужно даже искажать действительность, достаточно подать ее под правильным соусом, так сказать. Правда, мой соус нельзя назвать каким-то уж очень ярким на вкус — я вполне себе беспристрастен, разве что немного жесток, сентиментален и склонен к некоторой театральности. Мой предшественник был гораздо холоднее, но вместе с тем куда более милостивей. Мой преемник, возможно, станет более чутким к людским тревогам. Но мы все суть одно имя, а значит, общего в нас куда больше, чем различного. В частности, мы все любим хорошие истории, а мир наш таков, что историй в нем рождается бесчисленное множество.

Причина тому очевидна, естественна и логична — мир бесконечно вариативен в своем многообразии. Сотни и тысячи случайностей цепляются одна за другую, спутываются, распутываются, связываются в тугие узлы, которые затем безжалостно разрубаются, — и все это порождает все новые и новые истории, совсем крошечные, сиюминутные истории — и потрясающие воображение, меняющие мир истории, достойные легенд. Заметьте, что я сознательно ставлю их в один ряд. Самая простая история, которую можно рассказать за пару минут, может оказаться куда интересней той, что определила современный облик мира.

Такое богатство порождает довольно очевидную проблему: мир становится необъятен. Не найдется в мире рассказчика, который бы знал и миллионную долю всех историй, что были, есть и будут. И не каждой истории вообще полагается рассказчик, но здесь я все-таки готов выручить. Таков уж мой удел — быть рассказчиком тех историй, у которых в принципе не могло быть рассказчика.

Возьмем, к примеру, нынешние времена. Мир бурлит и клокочет: загадочные убийства в разных уголках Эфира, взорвано Вольфрамовое солнце, две войны, слухи о пророке... Каждое из этих событий было порождено тысячами историй, каждое из этих событий породило

ло десятки тысяч историй. За каждой из них — люди, судьбы, имена. Сотни, тысячи имен. Как определить, кто станет двигателем истории? За кем нужно пристально следить? Чья смерть станет поворотной точкой мироздания?

Никак. Ни за кем. Ничья.

Вот ответы на эти вопросы — простые, в чем-то даже грубоватые, бесхитростные, но предельно честные. Один человек не может быть двигателем истории. Одно имя не поменяет мир.

Но как же, спросите вы, ведь короли и полководцы, о чьих деяниях пишутся книги, меняли мир! Вписали свои имена в века! Определили историю!

Им просто повезло с рассказчиком их историй. Если вместо истории короля рассказать историю архитектора, который всю свою жизнь строил величественный собор, в котором этот король был погребен, будет ли эта история менее монументальной? Менее драматичной? Менее важной для мира? Чтобы рассказать бесконечное множество историй, необходимо бесконечное же множество рассказчиков, какой из них в итоге напишет книгу, картину, сочинит симфонию, сагу? Мы смотрим на мир глазами тех рассказчиков, которые попались нам на пути, и старшие имена нашего мира — лишь рассказчики, которым повезло. И пророк, разумеется, тоже рассказчик, в гораздо большей степени и с гораздо большим талантом, чем многие иные. И текст его — это тоже история. Но даже она ничем не важнее истории мальчика, который потерял любимого оловянного солдатика в лесу и искал его весь день вместе с его верным псом, а после расплакался от счастья, найдя его под большим опавшим листом.

Ваша история, к слову, тоже достойна внимания — я выбрал для себя несколько, чтобы после можно было определить нынешние времена. Совсем немного, но, как мне кажется, вполне достаточно, чтобы уловить дух времени.

История о поиске себя в поиске истины. История о неизбежности схватки долга и желания. История о старых сожалениях. История о благих намерениях. История о семье. История о личной несвободе. И, наконец, история об историях. Думаю, вы догадываетесь, какая из них ваша?

Теперь, думаю, вам пора проснуться.

До новых встреч.

Чужие мысли, действие первое

— Я не хочу писать этот текст. Не вижу в нем никакого смысла, он цепляется за меня какими-то отвратительными паучьими лапками. Лучше бы подушкой его придушить. Можно, я просто придушу его подушкой?

У меня же нет настоящего таланта, зачем мне все эти тексты, стараться, выдавливать из себя по капле. Зачем придумали этот график? Кому он нужен? Никто же все равно ничего не читает, не нужно меня обманывать. Я все прекрасно вижу. Не хочу. И не нужно мне говорить, что кто-то кому-то что-то должен. Когда все начиналось, это было делом добровольным. Хочешь — пиши, не хочешь — не пиши. Не хочу. А все равно говорят: «Пиши!», будто бы от этого всем резко лучше станет. Не станет. Не умеют слова спасать по-настоящему. Только делать вид, что спасают. Знаешь, есть такое слово — «паллиатив». Лекарство, которое только называет себя лекарством, делает вид, что спасает. А на самом деле лишь отсрочивает неизбежное. Не стоит мне говорить сейчас что-то о том, что с моими текстами все по-другому. Не надо, правда. Меня это злит, ты знаешь об этом, а я не хочу сейчас злиться. Мне нравится, когда можно просто сидеть, как сейчас. Пусть даже и в твоей компании, твоя компания меня не раздражает, если ты сидишь тихо. Сидеть так нравится, а писать не хочу. А ты приходишь каждый раз и просишь писать. А я иногда и не знаю даже, что писать-то. Голова пустая, будто та старая ваза с трещиной в боку.

Ты все время говоришь: «Пиши свои мысли». А если нет своих, только чужие? Или говоришь: «Пиши роман». А где взять сюжет? Я не люблю сюжеты, ты же знаешь. Я люблю истории — а сюжеты требуют всего этого обрамления, кто кому что сказал, куда пошел, зачем сделал это или то. В историях это все не требуется, история живет здесь и сейчас, ты каждый раз словно бы изобретаешь ее заново. А текст, сюжет... Это все ограничения, оковы. Лекала, из-за которых даже те немногие твои мысли снова становятся чужими. В лучшем случае совпадет форма, но чем дальше, тем сильнее соблазн поддаться, решить, что умные люди уже все за тебя сказали, и тогда содержание тоже превращается в уже сказанное. Вот и весь сюжет.

В голове моим историями не нужен никакой сюжет, они просто вот есть. Не нужно описывать все это, чертить, вычерчивать, соотносить, стрелочки рисовать, мотивацию по кусочку разжевывать, намеки в лоб говорить. Вот ты говоришь: «Умный читатель все сам поймет». Да не поймет он, каким бы умным он ни был. Читатель не равен тому, кого ты знакомишь с историей. И он даже не слушатель, не просто аудитория, в каждой истории у него особая роль. Я потому и люблю истории — у них одновременно и ни одного автора, и многие тысячи. История принадлежит всем и никому, и даже пусть она родится из моей мысли, я не владею ей так, как владеют сюжетом или там романом. История больше об ощущениях, о подкожном. А всякие обрамления эти — то, что ты любишь. Разум. Логика. Порядок. В историях остается многое от изначального ползучего хаоса, от первобытной жутковатой тьмы, окружавшей костры холодными ночами. Истории приходят к нам во снах, а вот наяву остаются одни лишь сюжеты, и потому я не хочу писать этот текст. Зачем мне снова и снова втискивать мои истории в эти несчастные тексты? Не вижу в этом никакого смысла. Ты говоришь: «Мои истории нравятся людям», а я не понимаю этих слов, ведь ни одна история до людей не до-

шла. Дошли только тексты — а разве ж это истории? Нет, не хочу я писать этот текст. Совсем не хочу. Потом, может, захочу, но этот — никогда.

— Хорошо, Полынь. Не надо писать этот текст, — ласково сказал Ольшанский. Полынь, вся стройная, даже тоненькая, будто действительно травинка, превратившаяся в девушку, довольно кивнула и обняла его за шею, ткнувшись в колючесть щетины.

— Знаешь, отрасти бакенбарды, — сказала она. — Бакенбарды делают ученых солидными, а ты ведь хочешь быть ученым. Во всех историях ученые солидные и, уверена, в большинстве у них есть бакенбарды.

— Хорошо, Полынь, — улыбнулся Ольшанский. — Я обязательно отращу бакенбарды.

— Только не забывай меня, ладно? — вдруг всхлипнула Полынь. — А то ничего этим ученым не надо, одна их наука. И бакенбарды. Вот станешь ученым, а меня забудешь.

— Не забуду, — Ольшанский осторожно обнял ее и погладил по голове. — Обещаю.

Обрадованная Полынь зажмурилась и только сильнее прижалась к нему. За окном из-за Завесы чуть мерцало багрянцем низкое зимнее солнце, легко подсвечивая окружающую тишину.

Чужие мысли, действие второе

В 1807 году немолодой дворянин среднего достатка и весьма грозного нрава Георгий Дмитриевич Гмелин решил окончательно оставить шумный Веденбург и, удачно выкупив несколько старых заводов близ города Людлина, сделался успешным промышленником. Спустя пару лет он заложил севернее города личное свое имение, за которым быстро закрепилось название Гмелино. Имение это стояло на берегу Ятмы, юркого притока Ишмы. Ниже по течению как раз стоял один из купленных Гмелиным заводов, а вокруг раскинулся огромный лес, служивший прекрасным источником топлива и строительных материалов.

Полностью отстроенное за пять лет Гмелино пережило впоследствии все войны, голод и неурожаи, лютые морозы и страшную жару, и года, казалось, лишь укрепляют стены из мощных черных бревен. Но те же года, что щадили имение, не пощадили его обитателей. Внук Георгия Дмитриевича, Артемий Александрович, уже был глубоким стариком, дети его давно уже разъехались, семейное гнездо опустело. К девятьсот пятнадцатому году только сухонькая старушка-экономка присматривала за дряхлеющим Артемием Александровичем в огромном пустом доме, к которому со всех сторон вновь начинал подступать лес, когда-то оттесненный промышленниками.

Когда Ольшанский впервые увидел трехэтажный хозяйский дом и рассыпанные вокруг пристройки, домишки, сарайчики, доверху засыпанный снегом парк, сильно, наверное, заросший и одичавший; когда увидел крепкую, чуть покосившуюся ограду, свежие, упрямые следы саней, то на мгновение ему показалось, что он вернулся в родную Влахынью, чуть более дикую, возможно, чуть более древнюю и нелюдимую. Адам пока рассчитался с их извозчиком, каким-то мужиком с парой лошадей и санями из Зелецкого, где располагалась ближайшая к Гмелино действующая железнодорожная станция. Условившись, когда за ними нужно возвращаться, Адам отпустил привезшие их сани и присоединился к Ольшанскому.

— Красиво здесь, — сказал ему Ольшанский, отряхивая от снега бакенбарды. — В Людлине все равно повсюду слышны торопливые шаги прогресса, а здесь время будто бы застыло где-то на границе веков. Пожалуй, в подобном месте можно было бы поселиться на склоне лет. Но я надеюсь, что мы проделали весь этот путь не просто ради наслаждения хвойным лесом у реки.

— Пойдем, ты сам все услышишь, — Адам коротко кивнул в сторону дома.

Путь от ворот к дому занял чуть больше времени, чем предполагал Ольшанский. Дорогу давно никто толком не чистил, ноги проваливались почти по щиколотку, и, когда они все же добрались до крыльца, мары слегка запыхались.

— Нас ждут? — спросил Ольшанский.

— Мы приглашены, — улыбнулся Адам и толкнул массивную дверь. В доме было тихо, пусто и прохладно, топили, видимо, только в том крыле, где жил хозяин. Адам уверенно направился на третий этаж, после чего повел Ольшанского в западную часть дома, где, видимо, и обитал последний Гмелин в этом имении. В одной из комнат горел свет — конечная точка их путешествия.

— А, вы все же пришли, — Артемий Александрович улыбнулся пергаментными губами, с некоторым трудом вставая из-за стола, за которым работал. — Я все предаюсь любимому стариковскому делу — воспоминаниям. Эх, мне бы вашу память... Извольте чаю?

— Да, если вас не затруднит, — вежливо ответил Адам. Ольшанский бросил взгляд на высокие книжные полки, на фоне которых письменный стол смотрелся почти что игрушечным. Неужели Адам что-то нарыл в этой затерянной в лесах библиотеке?

— Сюда, пожалуйста, — Гмелин отвел маров в соседнюю комнату, куда более приспособленную для приема гостей. Небольшая печь разливала по ней приятное тепло. Экономка уже накрыла на стол — загодя, судя по всему. Ольшанскому это немного не понравилось.

— Я рад, что вы все же нашли время посетить мою скромную старческую обитель. Хотя, полагаю, по меркам маров мой возраст сложно назвать почтенным, — Гмелин глухо усмехнулся. — С Адамом мы уже знакомы...

— Ольшанский, — коротко представился он. — Рад знакомству.

— Артемий Гмелин, — представил себя хозяин. — Тоже всецело рад знакомству.

— Артемий Александрович, не могли ли бы вы показать моему брату то, о чем вы сообщили мне? — вмешался Адам.

— Одну секунду, — Гмелин, наверняка предупрежденный Адамом, полез в карман и извлек оттуда небольшой карандашный рисунок, выполненный на писчей бумаге и аккуратно после сложенный вчетверо. И хотя рисунок был явно сделан на скорую руку и слегка небрежно, в нем легко считывались детали, благодаря которым безошибочно можно было определить, кто же был изображен.

Молодая девушка с крупными миндалевидными глазами — в жизни они отливают серебром и синевой. Непослушные, вечно спутанные волосы — в них, наверное, могли бы свить гнездо маленькие птицы... или летучие мыши. Чуть приподнятый краешек губ — самую заговорщицкую малость. Она словно бы хватает тебя за руку и что-то жарко шепчет прямо в ухо. Кажется, будто вы с ней сидите на поросшем полынью холме у широчайшего голубого озера, а она рассказывает историю.

Возможно, жуткую: быть может, это история об убийстве. Топор. Петля. Запах крови смешивается с запахом чьих-то духов.

Возможно, забавную: быть может, это история о дворцеком, свинье и чьем-то наследстве. В череде невообразимо несуразных совпадений кажется естественным, что в конце концов свинья оказывается в постели викария.

— Возможно, свою собственную, — сказал вдруг Ольшанский вслух. — Быть может, это история о юной маре, которая оказалась слишком далеко от дома, чтобы найти того, кто обещал ее не забывать.

Сглотнув непрошенный ком в горле, он нежно взял рисунок и прямо спросил Гмелина:

— Неужели вы нашли ее?

Гмелин вздохнул и, подвинув кресло ближе к печи и устремив свой взгляд в мерцающие угли, приготовился говорить.

Чужие мысли, действие третье

Самое простое слово, которое можно отыскать для описания Эфира, — океан. Метафора океана использовалась бессовестно часто, ее раз за разом использовали плохие поэты и плохие писатели, особенно те, что никогда в Эфире не были.

Нельзя сказать, что они не были во многом правы. Эфир в ближайшей своей перспективе действительно был океаном, в котором вместо волн перекачивались эфирные токи, а тяжелые дредноуты плыли, будто невесомые тростниковые лодочки в Утреннем море. Но океан имел явные границы: он, танцуя в унисон с сумрачным небом над ним, никогда не касался его, равно как и никогда не мог преодолеть твердь своего ложа у самых корней земли, где в темной бездне обитали причудливые создания, никогда не знавшие света. Эфир же в сути своей никогда не знал границ, и даже те, что были выдуманы людьми, никогда не принимались им в расчет. Где заканчивается Завеса и начинается Эфир? Быть может, никакой Завесы и нет, лишь только бесконечный Эфир, простирающийся до самого океана. А уж если взглянуть ввысь, туда, где воздух разрежен, а токи слабеют, то и вовсе думается, что лишь собственная робость отделяет тебя от бесконечности космоса — и остается лишь смотреть, задерживая дыхание, как цветное буйство эфирных токов медленно переходит в легкую синеву, наливающуюся темнотой, чтобы рассеяться у самого купола неба и стать бездной миллионов звезд, космической пустотой у самого горизонта ночи. Редкие светоносные способны узреть всю красоту Эфира, но, говорят, даже ее малая часть навсегда меняет их сердца.

— Она видела в своих снах Эфир? — спросил Ольшанский. — Это она вам сказала?

Гмелин кивнул, после чего продолжил свой рассказ:

— Как я уже сказал, мы случайно столкнулись с ней на самом рубеже старого и нового года. Имение было занесено снегом, и четкая, хорошо различимая цепочка ее небольших следов вела к одному из старых сараев, в которых у нас хранится всякий хлам. Там она и сидела, рисуя угольком на стенах темные фигуры. Я, признаться, никогда в жизни не видел юных мар, поэтому слегка даже испугался, а вот она, похоже, меня уж точно не боялась. Она достаточно радушно поприветствовала меня на влахынском, я, правда, его никогда толком не знал, но кое-что понять мог, и мы даже смогли кое-как пообщаться. Тогда-то она и рассказала, что ей снится Эфир, а в Эфире — темные фигуры.

— И их всегда шесть.

— Да, их всегда шесть.

— Но марам не может сниться Эфир. Точно так же, как мы не можем выносить истинный свет, — покачал головой Ольшанский. — Вы уверены, что правильно ее поняли?

— «Спать» в гардвельдском и влахынском весьма созвучно. А уж соотнести *eter* и *эфир*...

— Что стало с ней после?

— Она любезно согласилась со мной пообедать и остаться в имении на какое-то время. В течение этого времени она нарисовала этот портрет, который разрешила оставить мне на память. А после, — Гмелин едва заметно покосился на Адама. — После она ушла. Сказала, что

у нее есть еще дела. И что ей нужно отыскать своего брата. Рассказать ему историю о фигурах в небе.

— И вы ее так просто отпустили?

— Ну, я же не стал бы удерживать девушку силой. Она выглядела вполне здоровой и весьма целеустремленной и не была настроена задерживаться здесь надолго. Безусловно, я предложил ей всяческую помощь со своей стороны, в частности, достаточный запас провизии и теплых вещей.

— Вы не уточняли, куда она направилась?

— Нет, она только сказала, что ей нужно отыскать своего брата. Но я не думаю, что ее поиски увели ее далеко от Людлина, учитывая нынешнюю зиму.

— Вот видишь, она жива, — хлопнул Адам Ольшанского по плечу. — И где-то недалеко от города. Мы на верном пути, и нам пока везет. Мы сможем ее отыскать.

— Не желаете ли еще чаю, господа? Быть может, что-то крепче? — поинтересовался Артемий Александрович, но Ольшанский, чье лицо мрачнело с каждым мгновением, сдержанно, но вежливо отказался.

— Если вы не возражаете, мы немного пройдемся. Воздух у вас здесь чудесный, — медленно проговорил он, поднимаясь. Слегка удивленный Адам последовал за ним. Они спустились на первый этаж, где набросили верхнюю одежду, после чего вышли и обогнули дом. Ольшанский шел быстрым злым шагом, Адам едва мог поспевать за ним.

— Да что случилось-то? — не выдержал он, одернув Ольшанского за рукав.

— Откуда ты об этом узнал, Адам? — прошипел в ответ Ольшанский. — Откуда ты узнал об этом Гмелино? Об этой чудесной, почти что волшебной встрече? Снова Форнхофт, скажешь ты? Форнхофт, значит, стариков всех местных знает, полузаброшенные имения прочесывает. «А не пробегала ли здесь часом беглая мара из Влахины? Пробегала? Надо же, какое удачное совпадение!» Слишком многое ты мне не договариваешь, Адам. Слишком много скрываешь. Не пришла ли пора объясниться, а, Адам?

— Ну да, Форнхофт. И мы, кажется, с тобой уже говорили об этом. Пока Форнхофт готов нам содействовать, стоит этим пользоваться.

— Мне нужна Полынь, Адам, а не твои отговорки. Не ты мне нужен, Адам, а Полынь. Все ходим вокруг да около. Если бы не моя научная работа, я бы вообще тебе не доверял ничего.

— Да? — огрызнулся Адам. — И где бы мы тогда были, если бы не я? Это я, на минуточку, достал всю информацию, которой мы располагаем. Благодаря мне мы на полпути к тому, чтобы ее найти. И чтобы раскрыть тайну обсерватории.

— Если на то пошло, то с обсерваторией ты тоже водишь меня за нос. Во всей это истории слишком много совпадений и случайностей, чтобы верить в их случайность.

— На что ты намекаешь? — голос Адама изменился, в нем явственно слышались хищные, режущие нотки.

— Что-то не очень-то складывается, как это так на тебя вышел Форнхофт, столь редко бывающий в мире под Завесой? И прямо во время твоего вынужденного путешествия в Гардвельд, куда, о чудо, также собрался Форнхофт. Не очень-то складная история вашего знакомства выходит. И уж больно он, светоносный, дружелюбен к нам, марам. И хотя мне жутко даже думать об этом, но сейчас мне начинает казаться, что вы с ним давно задумали использовать Полынь в ваших собственных интересах. Как какую-то подопытную крысу. Как инструмент. И если это действительно так, знай, Адам, я этого не позволю.

— Тебе нужно остыть, — медленно произнес Адам. — И если уж кто-то и является моим инструментом, так это Форнхофт.

— Ты работаешь на Форнхофта, Адам, но даже Форнхофту ты лжешь, вот что это значит. Скольким господам ты пытаешься служить разом? О, еще эта история с обсерваторией... Ты *хотел* что-то там найти, не так ли? Использовал историю с побегом Полыни как прикрытие, чтобы я провел тебя туда...

— У тебя разыгралась паранойя, Ольшанский, — отрезал Адам. — Возьми себя в руки.

Ольшанский вдруг замер, после чего спросил:

— Она ведь не сбегала, так?

Тяжелые слова рухнули вниз и медленно угасли в февральских снегах, сплетающихся в узоре бесконечного гобелена северных ветров.

Чужое время: Рейнир

На Ундине никогда не было по-настоящему плохой погоды, разве что иногда шел легкий дождь, порой сменявшийся почти невесомым снегом. Редко на горизонте ворочались далекие грозовые тучи, но гроза так и не добиралась до идиллического царства спокойных вод. В отсутствие плохой погоды Рейнир Ингварссон создавал ее себе сам. Или почти сам.

— Сколько еще ты будешь здесь отсиживаться? — раздраженный логос чуть было не швырнул тело Рейнира на перила балкона, где он стоял, но Рейнир все-таки совладал с ним. — Тебе не противно смотреть по утрам в зеркало?

— Разве что из-за тебя, — не остался в долгу Рейнир. — Не надо начинать этот разговор снова. Измором ты меня не возьмешь.

— Не забывай, Рейнир, это время ты взял взаймы. У тех, кто сейчас гибнет в пламени взрывающихся дредноутов. Тех, кто обречен последние мгновения провести один на один с равнодушной бездной Эфира. Тех, кто ценой своих жизней позволяет тебе так бездарно растрачивать эти драгоценные мгновения.

— Бездарно? Бездарно, говоришь? — Рейнир впечатал кулак в перила. — Знаешь, я всю жизнь жил с мыслью, что я должен. Что я обязан делать так, как нужно, как правильно. Даже когда стал светоносным, особенно когда стал светоносным. И сейчас, единственный раз в жизни, я хочу поступить не так, как предписывает мне долг. Я люблю эту женщину, возможно, люблю больше, чем что-либо в этом пропадающем мире. И не позволю какому-то там логосу называть время, проведенное с ней, бездарным!

— Твое место не здесь, — взревел логос. — Не на этом треклятом балконе! Нельзя просто сделать вид, будто все, что творится вокруг, тебя не касается! Как скоро война доберется до Ундины? Как скоро война доберется до *Синдвари*?

— Я ни на секунду не забываю о том, что происходит сейчас с миром, — с некоторой обреченной усталостью тихо ответил Рейнир. — И если все действительно так плохо, если мир, каким мы его знаем, действительно скоро прекратит свое существование, то я хотел бы закончить свои дни хотя бы счастливым.

— А разве ты не хотел бы изменить столь печальное положение дел?

— Спасти мир? — Рейнир покачал головой. — Давай не будем столь наивны. Один человек не в силах спасти... ничего.

— Даже попытаться не хочешь?

— Я не солдат.

— Ты координатор, — логос ткнул в инсигнию. — И разве не такие задачи готовят решать координаторов?

— От Бюро скоро ничего не останется, — мрачно заявил Рейнир. — И моя побрякушка тогда никому не будет нужна.

— Когда-то ты корил Лиама за то, что он хотел отступить от расследования, а теперь сам забился в нору и носа не кажешь.

— И где сейчас Лиам?

— Не ты ли поклялся его найти?

— Я сделал все, что мог. Форнхофт вне моей досягаемости.

— Да? Если просидишь здесь еще пару недель, то никто не будет в твоей досягаемости. Как скоро вслед за Лиамом ты потеряешь Аглаю? Хеннингсена? *Дану?*

Рейнир нахмурился.

— Перегибаешь.

— Всего лишь констатирую факты. А про вашу сделку с герцогиней не забыл?

— Все опять сводится к Форнхофту.

— Возможно, пора что-то предпринять в этом направлении, а не сидеть здесь просто так?

— Форнхофта нельзя найти, если он сам этого не хочет.

— А ты попробуй хотеть сильнее.

— А ты попробуй перестать указывать, как мне жить, — раздраженно бросил в ответ Рейнир.

— Может, мне вообще просто отобрать у тебя тело? — очень резко отреагировал логос. — Посмотришь, как нужно *решать проблемы*.

Рейнир хотел что-то ответить, но осекся, когда заметил стоявшую у двери на балкон Дану.

— Ты давно здесь? — сдавленно спросил он.

— Достаточно, — сказала Дана. — Думаю, нам нужно кое-что обсудить, да?

Чужое время: Аглая

В течение своей жизни мало кто пытается осмыслить масштаб окружающего мира. Бесчисленные житейские мелочи вполне успешно справляются со своей задачей, затягивая в водоворот повседневности и не оставляя особого времени на размышления о том, насколько же все-таки огромен мир. Но даже те немногие, что находят время подобным мыслям, оказываются в ловушке собственного восприятия, в результате чего мир кажется гораздо меньше, чем он есть на самом деле.

Аглая достаточно внезапно, болезненно, остро осознала это, когда они оказались далеко во Внешних Небесах. Она, злым провидением оказавшаяся у гнущего Вольфрамового солнца в его последние мгновения, полагала это событие чудовищным, невообразимым катаклизмом, которое оставило свой след в каждом уголке мира. Но здесь, во Внешних Небесах, жизнь шла своим чередом, и даже слухи о том, что Сияние лишилось своего светила, здесь ходили какие-то робкие, неуверенные, легко уносимые ветром привычных житейских проблем. И даже в Сиянии исчезновение Вольфрамового солнца не вызывало особых потрясений: война пугала куда больше. Лишь только в Безымянном городе, таком же древнем конструкте из металла и человеческой гордыни, каким было низвергнутое солнце, вечный дождь сменился беспрестанным снегом, но и только.

А стоило лишь взглянуть вверх, туда, где эфирные токи рассеивались в черноте по-прежнему равнодушной вселенной, от одной только попытки осмысления истинных масштабов мироздания перехватывало дыхание. Это было не их время — не время светоносных, не время людей, не время маров. Это было *чужое* время, принадлежащее бесконечности за пределами осознания, за пределами едва уловимой рациональности. И тем бессмысленней казались все эти войны — сражения, которые сотрутся в масштабах мира до крошечной песчинки, едва угаснут пожары гнущихся дредноутов.

— «Сокол», это «Дыхание», как вы там? — трескучий голос Хеннингсена раздался из динамиков. — Мы занимаем позицию по левому борту, готовы передать координаты для сверки. Прием.

— «Дыхание», это «Сокол». Канал открыт, готовы принимать. Прием.

— «Сокол», начинаем передачу. Держите канал открытым.

В радиоэфир полились потоки длинных числовых кодов, которые в конечном итоге должны были превратиться в инструкции бортовым исчислителям, чтобы те идеально выровняли «Сокол Империи» относительно прочих дредноутов в строю. Передача закончилась, операторы начали загрузку данных.

— «Дыхание», координаты получили. Прием.

— «Сокол», принято. Прием.

— Полковник, вы еще не свихнулись со всеми этими числами? — спросила Аглая, когда формальная часть обмена сообщениями закончилась. — Хорошо, хоть есть исчислители, я даже представить себе не могу всех этих математических расчетов, не то что что-то решить.

— Если быть точнее, координатор, это аналитическая геометрия.

— Вы, наверное, изучали все это?

— Немного. Хороший командир эфирного дредноута должен представлять, как формируется строй в эфирном бою. Это относительно сложно держать в голове из-за обилия переменных, но весьма увлекательно: бой, в отличие от морских сражений, происходит во всех трех измерениях, но, в отличие от воздушного боя ниже Завесы, необходимо учитывать также силу и направление эфирных токов в основной плоскости. Нетривиальная задача.

— Какой это ваш бой по счету?

— Знаю только, что не последний, — ответил Хеннингсен. — Мы выходим на расчетную точку, нужно сворачивать разговоры не по делу.

— Удачи, полковник.

— Нам всем, — согласился Хеннингсен, после чего динамик замолчал.

Аглая не знала название этого эфирного острова — небольшого, обманчиво пасторального, замершего в зимнем дремотном ожидании чего-то великого. Великим, правда, в это чужое время могла быть только война.

Объединенный отряд коалиции Бюро и Дозора состоял в основном из дредноутов Унии, среди которых гардвельдский «Сокол» и несколько меранских судов смотрелись несколько чужеродно. Дредноуты Геометров в большинстве своем были годебуржского проекта, хотя в многие были внесены изменения, не предусмотренные заводами. В частности, установлено куда более мощное оружие. Аглае никогда бы не пришло в голову, что подчеркнута рациональные Геометры могли начать претворять свой замысел в жизнь столь разрушительными инструментами. Впрочем, о высокой философии светоносных в этой войне говорить не приходилось — слишком уж человеческими были ее причины и слишком уж человеческими были ее цели.

Рой Геометров медленно начал расходиться, перестраиваясь в наступательную формацию. Коалиция замедлялась.

— Подпустим их чуть ближе, — раздался из динамиков голос Эйнара. — Братья, вы знаете, что делать.

Капитан Высокого отряда обращался к командирам «Мысли Высокого» и «Памяти Высокого», двум юрким дредноутам-близнецам, похожим на гигантских темных хищных птиц. Их давно уже не было в общем строю — и в этом и был фокус. Дредноуты Геометров, осмелев, увеличили скорость сближения.

«Время, может, и чужое. А все равно хочется, чтобы не кончалось», — подумала Аглая в неожиданной для себя внутренней тишине, будто оказавшись в стылом мгновении, что бывает ранней весной в первые грозы, когда молния, кажется, вдруг замерла в ослепительном безмолвии своего радиантного восклицания.

Но мгновение прошло — и тишину сменил гул заряжающихся орудий и крики занимающих свои позиции людей. Оставалось только проверить, чья математика сильнее.

Чужое время: Лиам

Известный исследователь Эфира и опытный командир нескольких дредноутов лорд Чарльз Харроу так описывал взаимоотношения с Эфиром: «Эфир никогда не был дружелюбен к человеку. В лучшем случае его можно назвать пособником человеческой неугомонности». Как показала практика, высказывание Харроу за все эти годы нисколько не утратило своей актуальности.

Но, к сожалению, в последнее время человеческая неугомонность все больше приобретала жестокие, разрушительные формы, достигнув в конечном счете своего апогея в войне фракций. Большинство далеких, необжитых и попросту слишком опасных для посещения уголков Эфира оказались где-то вне современной картины мира. Стали считать, что все необходимое уже открыли, все это изучили, а то, что осталось вне этого круга, придуманного кем-то в кабинетах красного дерева, благополучно признали слишком расточительным для дальнейшего изучения. Как легко можно было догадаться, кольцо Аусгрима оказалось одним из первых мест в Эфире, куда прекратили экспедиции. Гораздо проще было все закрыть, запретить и стереть все карты вместо того, чтобы отвагой, любопытством и, чего уж там, откровенным безрассудством отыскать ответы на те мириады вопросов, что таило в себе это древнее сооружение, неподвластное до конца человеческому пониманию и, казалось, даже сопротивлявшееся всем попыткам разгадать его секреты.

— Похоже, здесь давно никого не было. *Очень* давно, — сказал Лиам, вглядываясь в темноту за бортом, рассеченную узкими конусами прожекторов дредноута. — Ближайшие к нам кольца смерзлись намертво.

— Не только ближайшие, — Хведрунг хмуро посмотрел на горизонт. — Похоже, кольцо Аусгрима все-таки мертво.

— Мертво? — спросил Эрик, тоже внимательно наблюдая за гигантскими металлическими кольцами, покрытыми толстой коркой черно-фиолетового льда. — Как оно может быть «мертво»? Это же просто место?

— Не совсем, — до поры молчавший Эйнгинн нехотя подошел к остальным. — Кольцо — если быть точнее, кольца, просто сначала открыли одно кольцо, и название успело прижиться, — древний конструкт, построенный, вероятно, тем же народом, что создал Вольфрамовое солнце и ядро Безымянного города. Это механизм. Машина. Об этом не принято распространяться, но, полагаю, наш координатор не будет со мной спорить, если я, когда мы уже стоим на пороге, немного дополню свой рассказ о кольце и «более запутанных причинах». Локальная временная аномалия здесь появилась не просто так. Те, кто открыл эту машину, были достаточно безрассудны и любопытны, чтобы попытаться ее активировать. Разумеется, все пошло не по плану — да и как могло что-то пойти по плану, когда вы задействуете древний механизм, который только что обнаружили? Вероятнее всего, как думается мне, первая активация кольца и вызвала появление областей искаженного времени. Только, конечно же, никто не знал, сколько их и где они находятся. Как показала практика, оказалось их очень много. Часть из них наверняка успела схлопнуться, но уж какая-нибудь одна с подходящими нам свойствами должна найтись.

— Ты так в этом уверен? — спросил Лиам, продолжая вглядываться во мрак. — Даже если мы сможем быстро найти пузырь и не столкнуться с чем-то смертельно опасным, как мы можем гарантировать, что окажемся в нужной нам эпохе? Нас может забросить на сотни лет в будущее — или в позавчерашний день. Даже если наш дредноут и переживет это путешествие, как мы сможем вернуться в свою эпоху? Вы, кажется, собирались решать проблемы по мере их поступления, так вот, самое время. Нельзя полагаться в такие моменты на волю случая. У тебя, Хведрунг, была же какая-то мыслишка, пора бы ее озвучить.

— Я говорил, что нам нужно добраться до места, чтобы понять, сработает ли она вообще. Добрались. Не сработает.

— Почему? — Эрик выглядел немного разочарованным. — Мы проделали весь этот путь зря? А как же пророчество?

— Придется искать другие способы его заполучить, — пожал плечами Хведрунг. — Это с самого начала было авантюрой, где неудача преследовала нас на каждом шагу просто потому, что не бывает в таких затеях, чтобы все шло по плану. Так что я считаю, что нам повезло: мы живы и в своем времени. А вы, господа, даже сможете покинуть нашу компанию, едва мы вернемся в обитаемые области Эфира.

— Если Эйнгинн прав, то копий пятого предсказания больше нет, — сказал Лиам. — А раз так, то не нужно обманывать нас и себя. Не найдете вы других способов.

— Ну, пусть так, — Хведрунг раздраженно тряхнул рыжей головой. — Значит, будем убеждать народ в новом пророке сами.

— Да не выйдет, скорее всего, — Эйнгинн недовольно скривился, будто от зубной боли. — Пророчества на то и пророчества, что они сами себе обеспечивают свою реализацию. Люди верят в сказанное в пророчестве потому, что оно было сказано в пророчестве. Нам не нужно пятое предсказание, чтобы объявить Дину Ивинскую новым пророком. Но нам *нужно* пятое предсказание, в котором описывается новый пророк, чтобы Дина Ивинская *стала* новым пророком. На это мало обращают внимание, но без преемственности пророков не существовало бы. Поэтому я затеял поиск пятого предсказания.

— Так вот же мы, в шаге от него, — Лиам указал на скованные льдом механизмы колец. — Разве мы недостаточно свихнувшиеся, чтобы вот так взять и упустить этот шанс? Эрик ведь прав: мы *уже* проделали этот путь, чтобы просто взять и развернуться. Выкладывай свою идею, Безымянный.

Хведрунг нахмурился на «Безымянного», но ответил с легкой язвинкой:

— Мог бы и сам догадаться, *координатор*. Идея была одновременно очень простая и очень безумная. Единственный известный нам запуск кольца породил множество нестабильных временных искажений, но это говорит нам только о двух вещах: что механизм кольца способен манипулировать временем и что идиоты-первооткрыватели полезли куда не надо без какого-либо понимания. Я делаю следующий шаг и заключаю, что при правильной эксплуатации кольцо можно использовать для контролируемого искажения временного потока. Так что все элементарно: я хотел активировать кольцо еще раз, чтобы попасть в нужное нам чужое время. Только активировать, увы, нечего: механизмы смерзлись, кольцо мертво.

— А если попробовать оживить? — Лиам внимательно посмотрел на Эйнгинна. — У изреченного Имени должно хватить сил, чтобы разбить этот лед и заставить механизм работать снова.

— Ты в своем уме, координатор? — всплеснул руками Хведрунг. — Это тебе не какой-то там аэроплан, который можно завести, посильнее крутанув винт.

— Не аэроплан, — согласился Лиам. — Но идея-то та же. Разве я не прав, Эйнгинн?

— Попробовать можно, — медленно проговорил Эйнгинн. Хведрунг хотел было что-то ему возразить, но так ничего и не сказал: в полыхающих глазах Эйнгинна читалась одна лишь мрачная решимость.

— Ну, стало быть, решено, — улыбнулся Лиам. — Давайте сделаем немного чужого времени своим.

Чужие имена: Дана

Рейнир никогда прежде не обращал внимания на старинные часы в той гостевой комнате, где его впервые приняла Дана. Часы, как оказалось, были весьма массивными и весьма же громкими. Размеренное тиканье давило на нервы. Становилось неудобно. Зачем из всего многообразия покоев Волькенштайна нужно было выбирать для этого разговора именно эту комнату?

— Почему ты не сказал мне раньше? — спросила Дана. — Что твой логос тоже пробужден?

Рейнир хотел ответить каким-то совершенно по-дурацки звучащим оправданием, еще даже не дослушав фразу до конца, но слух резануло одно это маленькое «тоже», и вместе оправдания Рейнир спросил:

— Тоже?

Где-то в голове удивленно присвистнул логос — если, конечно, вообще допустить, что в мыслях можно удивленно свистеть.

— Тоже, — повторила Дана. — Мой логос пробужден с детства. И откровенность в этом вопросе помогла бы нам обоим.

— Но я... Мне даже в голову подобное не приходило, — слегка растерянно произнес Рейнир, машинально хмурясь в попытке собраться с мыслями и сказать что-то внятное. — Ты не давала ни малейшего намека!

— За столько лет ты либо научишься хорошо это скрывать, либо перестанешь быть собой, — холодно сказала Дана. — Сколько твой логос пробужден?

— Не... Несколько месяцев? — Рейнир вдруг понял, что совсем потерял счет времени.

— И ты наверняка уже столкнулся с многозначительными взглядами, тихим шепотом у тебя за спиной, притворно-понимающими кивками? Словно ты свихнулся или смертельно заболел, словно жить тебе осталось считанные дни, — на лице Даны на несколько мгновений отразилась не утихшая до конца боль.

— Не так много людей об этом знает, чтобы я в полной мере испытал такое, — аккуратно возразил Рейнир. — Но я догадываюсь, что ты чувствуешь.

— Нет, Рейнир, не догадываешься, — в голосе Даны словно прорезались остро наточенные лезвия. — Не догадываешься, каково это: быть ребенком, которого уже все записали в умалишенные или покойники. Я стала светоносной очень, очень рано, и мои родители — особенно мать — испытывали ко мне с тех пор смесь ужаса, благоговения и жалости. Они видели во мне кого угодно, кроме ребенка. Любовь, если она и была, оказалась слишком глубоко запрятана под этой маской почти религиозного исступления. Ведь вы, координаторы, быстро сообщили им, что у меня высокая вероятность изречения Старшего Имени.

В этот момент Рейнир захотел проглотить свою инсигнию. Дана продолжала:

— А уж когда у меня пробудился логос... Я хорошо помню тот день: я стояла одна под проливным дождем, совершенно одна. Мне было очень холодно и страшно, очень хотелось плакать, но я редко себе это позволяла. Но мне не хотелось больше быть одной, и тогда я вдруг

услышала в голове этот тихий голос: «Ты больше не одна». И с тех пор я больше не боялась одиночества. Правда, отношения с родителями стали еще хуже: я переставала для них существовать, они теперь ждали лишь Имя, которое я должна была вскоре изречь.

— Обычно логос пробуждается и обретает голос перед имяизречением... — прошептал то ли Рейнир, то ли его логос. Дана кивнула:

— Да, все так говорили. И говорят. И ваши хваленые модели тоже говорят о том, что логос чаще всего пробуждается непосредственно перед имяизречением — чтобы, собственно, и изречь свое Имя. Но нам было далеко до имяизречения, а от родителей вскоре захотелось бежать. Ты, конечно, понимаешь, что желания редко исполняются в тот же миг, и мне предстояло пережить несколько не самых приятных лет в ненавистном мне теперь родительском доме. Тогда же мы научились скрываться, так скрываться, что даже координаторы однажды развели руками и признали свою «ошибку». Впрочем, мне все-таки повезло: я познакомилась с герцогиней, когда стала старше... и когда стала привлекательнее. Ее покровительство избавило меня от необходимости переступать порог нашего родового гнезда. Я наконец стала свободной. Мы стали свободными.

Рейнир слушал молча, пытаясь переосмыслить все, что он знал о Данае, тогда как его логос буквально вопил в голове, но координатор его не слушал. Дана замолчала, после чего на пару мгновений закрыла глаза. Выражение ее лица неуловимо изменилось: оно стало одновременно и более ожесточенным, и более желанным.

«Суртова ж мать», — не выдержал логос. — «Рейнир, Рейнир, пожалуйста, будь очень осторожен! Прошу тебя. Пожалуйста».

«Да что не так-то?» — все же отвлекся на него Рейнир.

«Они сосуществуют иначе, не так, как мы с тобой. Не так, как это обычно бывает. Она отдает логосу полный контроль».

«Хочешь сказать?..»

— Ну здравствуй, Рейнир. Давно хотела с тобой познакомиться, — даже голос немного изменился. Стал чуть ниже — на полтона, наверное. Уже не Дана внимательно изучала его холодными жестокими глазами. Легкая полуулыбка играла на краешке ее губ.

Чужие имена: Хеннингсен

Проблема всех художественных описаний боев эфирных дредноутов заключается в полном отсутствии у них четкого ритма. Невозможно подгадать какую-то такую оптимальную скорость, выбрать идеальный темп, дабы охватить все важные моменты битвы в их полноте, не упуская при этом цельной картины.

Временами действие замедляется настолько, что порой начинает казаться, будто никакого сражения здесь и нет, так, просто неторопливо вальсируют среди эфирных токов огромные машины. Временами же все, напротив, ускоряется, и вот уже на соседнем дредноуте вспыхивает наэлектризованный цветок, и он, оступившись и не удержавшись на обманчивых токах, начинает стремительное падение, тщетно пытаясь перезапустить двигатели и спастись. Или тяжелый снаряд безжалостно прошивает броню насквозь, и цепная реакция заставляет дредноут на секунду словно бы набухнуть, а затем взорваться пламенным шаром, исторгая из себя искореженный металл и мертвые тела, — и все вновь замирает.

— Глайдеры бы сейчас не помешали, — Хельгесен даже еще успевал что-то ворчать, уводя «Дыхание севера» прочь от разлетающихся обломков. — Ситуация-то патовая. Встряли мы, полковник.

То, что ситуация патовая, понимал и сам Хеннингсен. Несмотря на первоначальный успех задумки с нападением «Мысли» и «Памяти» сверху, план коалиции оказался не рассчитан на затяжное сражение. Годенбургские дредноуты всегда славились своей тяжелой броней, и в результате Дозору так и не удалось взять их в кольцо. В результате дредноуты первой линии обороны, которые должны были продержаться лишь небольшой промежуток времени, пока противника бы расстреливали с флангов, оказались под продолжительным плотным огнем, что ожидаемо привело к полному хаосу и неразберихе. Геометры несли потери, но и коалиция уже лишилась почти трети своих сил. «Дыхание севера» уцелело лишь благодаря мастерству Хельгесена и хладнокровию полковника. Хеннингсен надеялся, что и «Сокол» остался на ходу, но в круговерти взрывов, обломков, оранжевых точек бомб, пунктиров пулеметов и полыхающих электричеством трасс пушек Грейса отличить один израненный дредноут от другого было практически невозможно. Радио заполнили крики людей с гибнущих судов, полные отчаяния и страха перед бесконечностью пустоты вокруг. «Интересно, каково это», — подумал полковник. — «Провести остаток жизни в падении. Или провести в падении вечность».

— Сурт бы их побрал, неужели на войне никогда ничего не идет по плану?! — в сердцах воскликнул кто-то на мостике. Ему никто не ответил. «На войне действительно ничего не идет по плану», — про себя сказал Хеннингсен. — «Так в ней проявляется ее важнейшая сила — сила разрушения. Война разрушает, и в первую очередь она принимается за тех, кто в ней участвует. Кто ее начал».

Прямо перед «Дыханием» поднялся откуда-то снизу поврежденный дредноут, двигатель в его недрах уже готов был взорваться. Покореженные обломки, отвалившиеся от корпуса, понесло прямо на мостик вместе с трупами бывшей команды.

— Щиты! — успел крикнуть Хеннингсен, с каким-то неожиданным для себя спокойствием глядя на то, как обугленные тела вжимаются в смотровые стекла мостика, после чего медленно соскальзывают прочь, куда-то в темноту и пустоту. Один из щитов заклинило наполовину, и с тем же неестественным спокойствием Хеннингсен замер, смотря прямо в лицо набухающему перед «Дыханием» взрыву.

Яркая вспышка на мгновение высветила испуганные и уставшие лица в придуманной тишине. Затем взрыв оказался внутри.

Мостик уцелел. Во всяком случае, могло быть хуже. Хеннингсен мотнул головой, перед глазами все плыло. Звуки были едва различимы, а по щекам и шее текла кровь — ушам, похоже, не повезло. Хельгесен морщился от боли — его ногу проткнул какой-то штырь, неизвестно откуда оторвавшийся. Кто был ближе всех к злополучному стеклу с заклинившим щитом, те все погибли. Полковнику действительно повезло отделаться всего лишь глухотой. Тяжелораненых оказалось немного, и, быть может, даже никто не останется калекой, если выживет. Выживет. Выжить. Надо было сначала выжить.

— Мы держимся? Двигатели стабильны? — то ли прохрипел, то ли прокричал полковник, так и не слыша себя. Хельгесен, хромая, смог дотянуться до одного из немногих уцелевших исчислителей, после чего едва заметно кивнул. Хеннингсену этого было достаточно. Пока достаточно. «Дыхание» еще рано было списывать со счетов.

— Долго мы не протянем, — пробормотал Хельгесен, но полковник его просто не услышал.

— Медиков сюда! — захрипел по внутренней связи Хеннингсен. — Медиков на мостик!

— Мы так долго не протянем! — сообразив, что у полковника повреждены уши, Хельгесен собрал оставшиеся силы и крикнул так громко, как только мог.

— Надо уходить, — сказал полковник в ответ, то ли действительно услышав Хельгесена, то ли просто пытаясь хоть как-то восстановить контроль над ситуацией. — Хельгесен, надо уходить! Сможем?

— Попробую! — крикнул в ответ Хельгесен и закашлялся, после чего снова поморщился от боли в ноге. — Только пусть мне эту херню из ноги выдернут сперва.

Хеннингсен увидел, что Хельгесен показывает на свою раненую ногу, и понимающе кивнул ему. Медики, казалось, добирались до мостика уже целую вечность. Нет, рановато еще для вечности.

«Если мы сейчас не уберемся из боя, то станем следующей взорвавшейся консервной банкой», — зло подумал полковник, лихорадочно пытаясь придумать, как с развороченным мостиком увести «Дыхание» подальше. Мостик был действительно превращен в полное месиво, но двигатели-то были стабильны.

— Давайте полный реверс, — отдал он подобие приказа. — Ребята, кто может, кто живой, если уцелело хоть что-то, отдайте команду на полный реверс.

Помутнение усилилось, сознание хотело окончательно упасть куда-то в приятный тихий туман беспмятства. Туманы... Как на Эмайне прямо-таки. Эмайн... Наверное, хорошо было бы умереть в таком месте, как Эмайн...

Хеннингсен потерял сознание, и в таком состоянии его и обнаружили наконец добравшиеся до мостика медики. Хельгесен, который решительно потребовал наконец сделать что-то с его ногой, едва только его перевязали, сразу же похромал спасать дредноут. Когда он включил радиосвязь, чтобы сообщить уцелевшим судам коалиции, что «Дыхание» выходит из игры, к своему удивлению обнаружил там не крики, тонущие во всеобщей суматохе и ужасе, а один лишь только приятный мужской голос, в интонациях которого угадывался меранский акцент.

— Всем уцелевшим дредноутам Дозора и Бюро координации имен. Говорит полковник военно-воздушных сил Объединенных княжеств Мерании Джеймс Гилфорд. Просим передать сигнал бедствия и ваше местонахождение для оказания помощи. Повторяю: просим передать сигнал бедствия и ваше местонахождение для оказания помощи.

— «И тут из-за угла выезжают наши танки», — проворчал Хельгесен, сверяя переданный после сообщения бортовой номер дредноута с теми, что были в базе исчислителя. Дредноут с поэтичным названием «Шепчущая Аврора» действительно оказался меранским, но смысла в этом все равно не было никакого. Зачем меранцы оказались здесь? И на кой им вообще сдалось спасать так смачно севшую в лужу коалицию?

Но выбирать в их нынешнем положении особо не приходилось. Меранцы, рассудил Хельгесен, были не таким уж и плохим вариантом.

«Дыхание» начало передачу сигнала бедствия. Хельгесен потер раненую ногу и устало прислонился спиной к соседней покореженной панели. Пусть будут меранцы. По крайней мере, у них хотя бы был действительно вкусный чай.

Чужие имена: Sommerwald

Безымянный город справился с войной фракций, как справлялся со всеми иными назойливыми мелочами за свою бесконечно долгую историю. Чередой странных совпадений он раз за разом срывал так тщательно просчитанные планы любой из фракций, давая понять, что не потерпит в своих границах подобной грязной возни. И всего за несколько месяцев он исторг ее, выплюнул в окружающий Эфир, предоставив фракциям возможность и дальше грызть друг другу глотки, покуда они держатся подальше от города.

И хотя в городе теперь было относительно спокойно, находиться в нем было по-прежнему неуютно, и дело было даже не в том, что вечный дождь сменился сумрачным снегопадом. Он словно бы стал куда более отстраненным. Словно бы вспомнил о временах, когда до его нынешних обитателей были еще тысячелетия. Когда, быть может, в его стенах обитал кто-то еще. Огни, выхватывающие в полутьме громаду шпиля Лукреция, бледными воспаленными глазами пристально наблюдали за прохожими, а в углах апартаментов непроницаемые тени навевали жуткие мысли. Жить в шпилье становилось невыносимо, и герцогиня Sommerwald была рада закончить свои дела в городе и вырваться оттуда. Сначала она собиралась вернуться на Ундину, но ее заставила повременить с этим люминарная телеграмма. Телеграмма касалась Николь Леруа и была отправлена их общей знакомой, которая, конечно же, состояла в «Цветах тишины». Знакомая приглашала герцогиню в Брайтвуд. Справедливо решив, что оттуда до Ундины было рукой подать, Sommerwald согласилась, отправив большую часть вещей к себе в Волькенштайн и полетев в Брайтвуд налегке.

Брайтвуд был небольшим уютным местечком, испытывавшим на себе сильное влияние выходцев с Таэдмары. Местные пейзажи пользовались заслуженной славой у художников, а местные питейные заведения не испытывали недостатка в ценителях качественного виски и качественной драки. Неудивительно, что именно здесь решила в конце концов поселиться художница Мари, одна из давних подруг Леруа, после того, как ее картины стали продаваться куда хуже, чем она хотела бы.

— Ах, дорогая моя Зофи! — радостно поприветствовала герцогиню художница. — Как я рада тебя видеть!

— Взаимно, Мари, — сдержанно ответила ей Sommerwald. — Признаться, я почти забыла, когда меня последний раз называли по имени.

— Всюду лишь «ваша светлость», да? — улыбнулась Мари. — Пойдем, я чем-нибудь тебя угощу. Ты когда-нибудь пробовала таэдмарский виски? Здесь, как ты можешь догадаться, все его пьют. Но у меня обязательно найдется что-нибудь еще, если захочешь.

— Я бы начала с чего-нибудь согревающего. Глинтвейна, например?

— Ни слова больше!

Дом Мари выходил окнами на небольшое озеро, покрывшееся по зимней поре тонким льдом, за которым лежал усыпанный снегом хвойный лес. Чуть дальше белели пологие холмы.

— Летом они покрываются вереском, — сообщила Мари часом позже, когда они с герцогиней уже сидели у камина и наслаждались сваренным глинтвейном. — Такие цвета! Иногда я жалею, что нет настолько сочных красок, чтобы всю эту красоту запечатлеть. Сейчас, правда, мне больше по душе прогулки по зимнему лесу. Умиротворяют.

— Но ты же меня пригласила не просто выпить глинтвейна и поговорить о прогулках в лесу? — спросила Sommerwald напрямую. Мари согласно кивнула, чуть посерьезнев:

— Ты, разумеется, права, дорогая Зофи. Помнится, не так давно ты отправляла всем телеграмму. Ту самую, о бедной Николь. Что тебе пришлют ее вещи... Там еще в конце был вопрос о том, не была ли Николь ни с кем из нас в ссоре. Не было ли у нее повода считать, что с клубом может быть что-то не так.

— Да, мне нужно было это уточнить. Ко мне приходили из Бюро, они считали, что произошедшее с Николь могло быть связано с Безымянными...

— Какой ужас! — воскликнула Мари. — Я сразу заподозрила неладное, когда получила от тебя то сообщение. Но ничего по существу ответить тогда не могла.

— Сейчас что-то изменилось?

— Я нашла у себя одно из давних писем Николь. Когда клуб только начинался, помнишь?

— Давно это было, — улыбнулась Sommerwald. — Даже страшно подумать, сколько лет прошло.

— Так вот. В этом письме Николь рассуждала, как мы могли бы назвать клуб. И среди предложенных названий было...

— Дай угадаю: «цвета тишины»?

— Именно. И не просто так, а с историей. Это из одного стихотворения ее бывшей возлюбленной. Ее звали Клэр де Лафайет, если я ничего не путаю. Они с Николь давно разошлись, но все время поддерживали хорошие отношения. И «цвета тишины» запали Николь в душу, похоже.

— Стихотворения, говоришь? — переспросила герцогиня. — Это довольно интересный поворот. Я думала, она просто так предложила красивое словосочетание.

— Да даже я так думала — про это письмо я и думать забыла, если бы не решила навести порядок в бумагах, никогда бы не вспомнила. Но раз вспомнила, тут же тебе написала.

— И за это тебе огромное спасибо, — искренне поблагодарила Мари Sommerwald. — А ты не знаешь, где сейчас эта Клэр?

— На Дионе, — уверенно сказала Мари. — Я была у нее пару раз. Думала вот слетать после смерти Николь... но эта война...

— А что такое?

— Да слухи нехорошие ходят, — Мари покачала головой. — На Дионе же живет Страсть. А ее не очень жалуют из-за того, что она по происхождению из Геометров. Говорят, что вот-вот Орден нападет на Диону. Что вскоре там будет небезопасно.

— Учту, — кивнула герцогиня. — Тогда, увы, вынуждена буду тебя оставить. Чем раньше я окажусь на Дионе, тем лучше.

— Ты все-таки хочешь встретиться с де Лафайет?

— Мне нужно кое-что уточнить.

— Ох, тогда могу тебе только от всей души пожелать удачи, дорогая Зофи, — Мари крепко обняла ее. — Я очень рада была тебя увидеть.

— Я обязательно навещу ваш прекрасный Брайтвуд, — тепло улыбнулась Sommerwald. — Прогуляемся по вашему замечательному заснеженному лесу.

Вскоре они попрощались, и Sommerwald направилась напрямик на Диону, попутно просматривая в своих деловых бумагах список того, что доставили ей из вещей Леруа. Взгляд уцепился за нужную строчку: «Издание “Цвета тишины”, авторство К. де Лафайет». Герцогиня почувствовала настоящий азарт. Разгадка тайны, похоже, оказалась куда ближе, чем она думала.

Отыскать Клэр де Лафайет на Дионе оказалось довольно легко — она была здесь вполне себе знаменита и популярна, хотя популярности Дины Ивинской, конечно, вряд ли кому-то удалось бы достичь. Встреча с де Лафайет постепенно сместилась от сдержанной светской беседы в область личного: смерть Николь Клэр пережила с трудом, но ее спасало творчество. Посвятив Леруа свой готовящийся к печати сборник сонетов, де Лафайет смогла примирить себя с утратой. Поняв, что нужный момент найден, герцогиня осторожно спросила ее:

— Клэр, позвольте спросить, а вы дарили Николь книгу «Цвета тишины»?

— «Цвета тишины»? — удивилась де Лафайет. — Этот образ я использовала в одном из своих ранних стихотворений... Тоже, к слову, посвященном Николь. Я даже планировала так назвать один из своих сборников, но до сих пор так и не опубликовала ничего. Так что ничего подобного подарить Николь я не могла при всем желании. А почему вы спросили?

— Да так, неразборчивая запись в описи... Мне прислали ее имущество, как она указала в своей воле. Там указано ваше имя, а вот вторая часть неразборчива. Хотела уточнить, вдруг там что-то дорогое лично вам, что непременно нужно будет отправить.

— Ох, право слово, вам не стоило так беспокоиться, — улыбнулась в ответ де Лафайет. — Я вам и так благодарна, что вы навестили меня. Без Николь... Будет сложно. Да. Будет сложно.

Через несколько часов герцогиня попрощалась с Клэр, после поспешив в ближайшее отделение люминарного телеграфа.

— Здравствуйте, — обратилась она к телеграфисту, протягивая карточку с кодом адресата. — Срочную телеграмму, пожалуйста. Да, все верно, дредноут «Дыхание севера».

Свою часть сделки она выполнила. Теперь пусть координатор Рейнир выполняет свою.

Ничья любовь: Любовники

Рейнир снова сосредоточился на часах, массивных и совсем уж оглушительных в напряженной тишине. Удивительно, как это он прежде их не замечал. Размеренное тиканье немного успокаивало. Но вопреки их стараниям становилось все неудобней. Весь замок Волькештайн вместе со всеми своими многочисленными покоем сжался до размеров этого кабинета с часами. До двух людей напротив друг друга.

Наверное, те, кто знал Имена в прошлой жизни, испытывали при встрече схожее ощущение. Перед Рейниром стояла Дана — и все же слишком она от Даны отличалась. Чувство было немного зловещим. Собственный логос Рейнира замолчал, словно действительно испугавшись произошедшей перемены. Пришлось говорить самому.

— Ты не Дана, верно? — негромко обратился он к ней, стараясь сделать свой голос как можно более спокойным и благожелательным. Получилось плохо.

— Верно, — голос у не-Даны действительно был ниже примерно на полтона. Его звучание неожиданно для Рейнира резонировало с внешностью Даны, делая ее и без того привлекательный облик еще притягательней. — Я не Дана. И я, Рейнир, очень хотела бы с тобой поговорить.

— Ты знаешь мое имя, а как мне лучше тебя называть? — Рейнир говорил, стараясь выбирать слова. Пробужденные логосы стояли всего лишь в шаге от Имен. А с Именами слова не стоило использовать слишком опрометчиво.

— Хм... Интересный вопрос. А какое бы *ты* дал мне имя? — широко улыбнувшись, спросила вместо ответа собеседница Рейнира. Он, отметив про себя, как непринужденно и даже игриво не-Дана это сказала, на провокацию, конечно же, не поддался:

— У тебя уже имя есть, и не мне его изрекать. Как мне лучше тебя *называть*?

— Не знаю, обычно я не общаюсь с людьми, — пожала она плечами, притворно разочарованная тем, что Рейнир раскусил ее хитрость. — А с Даной мы прекрасно обходимся и без этого. Может, ты все же дашь мне какое-нибудь имя?

Не-Дана в одно мгновение оказалась совсем близко к Рейниру, так, что он кожей мог почувствовать знакомый дурман духов. Подходящее слово отыскалось быстро, спасибо Лиаму, при любом удобном случае вспоминавшего легенды родной Руннемары.

— Я хотел бы называть тебя *Этайн*, — аккуратно произнес Рейнир.

— *Этайн*, значит. Не больше. Не меньше, — она сделала шаг назад и облизнула губы, будто наслаждаясь вкусом слова. — А ты знаешь, как доставить девушке удовольствие, Рейнир. Я польщена.

— Теперь, полагаю, мы можем вернуться к разговору?

— А может, тебе лучше немного рассказать о себе?

— Что именно ты хотела бы услышать, Этайн?

— Например, когда же ты перестанешь ей лгать, Рейнир, — лицо Этайн стало вмиг холодным и опасным, будто неяркое зимнее солнце блеснуло поверх обледенелых деревьев огнен-

ным змеем, и воцарились непрощающие морозные сумерки. — Лгать, что хочешь прожить с ней жизнь. Создать семью. Завести детей. Ложь. Такая скучная, такая банальная. Отвратительная ложь, координатор Рейнир Ингварссон!

Этайн с силой толкнула Рейнира, он врезался спиной в стену, дезориентированный.

— С чего ты это взяла? — крикнул он, пытаясь защититься.

— Я вижу это в тебе, Рейнир, каждый раз, когда в минуты близости жарко шепчешь ей очередные ничего не значащие слова. Но близость заканчивается, и так же рассыпаются прахом твои обещания. Ты боишься ее, Рейнир, и боишься герцогини, боишься ее гнева. Но более всего ты боишься, что тебя *осудят*. Этого ты боишься, координатор, и ведешь себя, подобно жалкому трусу, изобретая все новую и новую ложь.

— Почему ты не доверяешь мне? — Рейнир встретился с Этайн взглядом, и увидел в ее затменных глазах острую сталь темного клинка.

— Почему я должна тебе доверять? — изогнула бровь Этайн. — Ты такой же чужак, как и все остальные. Такой же лжец, как и все остальные.

— Ты делишь мир на темное и светлое. Он таковым не является.

— Мне прекрасно известно, что мир таковым не является. И мне все равно. Я защищаю Дану. С самого детства. Мир, каким бы он ни был, очень жесток. Я была и буду тем клинком, что не даст этому жестокому миру навредить Дане.

— Клинком? — Рейнир сам приблизил лицо к лицу Этайн, внимательно сощулив свои глаза, такие же затменные и такие же холодные. — Но ты ведь... личность, Этайн? Ты, столь давно пробужденная. Всего лишь клинок? Не обманывай меня, Этайн. И не обманывай себя.

— Я... Я никогда не задумывалась об этом, — немного нерешительно ответила Этайн. Рейнир, почувствовав, что разговор немного переменился в его пользу, продолжил наступление:

— Имяизречение. От него ты тоже ее защитишь?

Координатор понял, что попал в точку. Этайн сердито и по-настоящему жутко прищурила глаза. Бледный пламень струился из-под полуопущенных век.

— Это не тема для упражнений в остроумии, Рейнир. Не нужно играть с огнем.

— Значит, время подходит. Я прав? — бросил в ответ Рейнир. Этайн молчала. Координатор повторил свой вопрос, на этот раз с чуть большим нажимом:

— Я прав?

— Время близко, — нехотя признала Этайн. — Но я защищаю ее. Ей незачем об этом знать.

— И после всего этого лжец по-прежнему я. Признайся, ты всего лишь хочешь выгнать меня из вашего уютного мира на двоих, Этайн.

— Нам не нужен кто-либо еще, Рейнир, ты прав, — в голосе Этайн не было ни капли сочувствия. — И я хотела бы, чтобы Дана поняла это раньше, чем ты разобьешь ей сердце.

— Почему ты так в этом уверена?

— Так всегда бывало. И так будет. И ты не станешь исключением, Рейнир, не льсти себе.

— Как не стала исключением герцогиня? А?

— Не нужно играть с огнем! — Этайн снова с силой оттолкнула Рейнира, он вновь оказался у стены. Координатор, ощутив опьяняющий азарт, расхохотался, после чего, скаля зубы, произнес:

— Не слишком ли многое ты скрываешь от Даны, Этайн? Насколько ей это понравится, если она об этом узнает, а? Пользуешься тем, что она не может нас сейчас слышать, я прав?

Глаза Этайн полыхнули белизной истинного света, она прижала Рейнира к стене, сдавив ему горло.

— Что ты скажешь ей, когда она обнаружит себя над моим трупом? — прохрипел Рейнир, ощущающий, как злая и веселая энергия наполняет его. — Или и об этом ты ей солжешь?

Этайн сдавила ему горло сильнее, и Рейнир не выдержал и сам схватил ее. С некоторым усилием он смог перехватить инициативу, и теперь уже Этайн оказалась вжатой координатором в холод замкового камня. Вдруг она схватила зубами Рейнира за ухо и чуть сдавленно прошептала

— Да, давай, ты ведь хочешь меня! Давай, покажи, умеешь ли ты любить так же, как ненавидишь!

Рейнир в ответ молча и зло впился губами в ее губы.

Ничья любовь: Колесница

Плыли неспешной процессией дредноуты. Усталые, израненные и искореженные машины, усталые, израненные и измотанные люди. Если таков был вкус победы, то какой должна была быть горечь поражения? Аглая отвернулась от стекла, за которым изуродованный «Сокол Империи» медленно ковылял среди других таких же калек. Оглядела мостик «Шепчущей Авроры». Внимательно посмотрела на полковника Гилфорда. Переглянулась с Хеннингсеном. Выглядел тот неважно. Обстановка почему-то напомнила ей злополучное собрание в Безымянном городе. Аглая машинально дернулась, отгоняя прочь жуткие воспоминания.

— Полковник, мы, разумеется, благодарны вам за помощь, но хотелось бы — во избежание непонимания — прояснить обстановку, — обратился к Гилфорду Эйнар, щеголявший рассеянным лбом. — Мерания не участвует в войне, насколько нам известно.

— Да, это частная операция, — с безупречной вежливостью отозвался полковник Гилфорд. — Организованная господином герцогом.

Полковник протянул Эйнару белую визитную карточку с темным гербом в центре. Аглая, заглянувшая Эйнару через плечо, кивнула, подтверждая собственную догадку. Белый Герцог Эмайна. Еще один из тех, кто любит дергать эфирные токи, будто бы это нити марионеток.

— Господин герцог чего-либо опасается? — уклончиво спросила она.

— Последние сведения подтверждают высокий риск нападения сил Ордена на Диону с целью уничтожения нынешнего воплощения одного из Старших Имен.

— Страсть, — хрипло вклинился Хеннингсен. — Давно об этом слухи ходят. Но Орден сильно ослаблен.

— До недавних пор наша разведка также сообщала о том, что у Ордена просто нет достаточной мощи, чтобы прорвать оборону Дионы. Сейчас сведения изменились. И герцог не хотел бы допустить большого числа жертв среди гражданского населения, в связи с чем мы хотели бы, оказав вам материальную помощь, заручиться поддержкой Дозора и, разумеется, Бюро. Координаторы будут просто необходимы в данной ситуации.

— Сведения изменились? — переспросил Эйнар. — У Ордена появились союзники?

— Скажем так, Орден смог объединить ряд сил против общего врага. Вам, полагаю, прекрасно известно, что нынешняя Страсть многих не устраивает. Орден предложил решение этой проблемы, и ряд фракций его поддержали. Реальных противников в этой войне почти нет — де-факто есть только Орден и Геометры, две непримиримые стороны. Геометров поддерживают Утописты, но их нельзя назвать значительной силой. Цареубийцы, разумеется, предпочитают быть над схваткой, оказывая поддержку то одной, то другой стороне. Аналогично поступает Алый синдикат, наживающийся и на тех, и на других. В создавшемся вакууме власти Консорциум постепенно прибирает к рукам Безымянный город с целью доступа к его архивам библиотекам, Искатели Лэнга также стараются ухватить свой кусок пирога. Известно, что Цареубийцы, Синдикат и Консорциум выразили готовность помочь Ордену в устранении Страсти. Натуралисты самоустраились от происходящего. Могильщики и Угасающие объединились где-то на границах Дальнего Эфира и, видимо, ждут, чем

все закончится. Всякие секты вроде Отступников и Именующих залегли на дно или были уничтожены. Вуотайн и его Дикая Охота продолжает заниматься своими делами. Остаетесь только вы, капитан Эйнар. Только Дозорные могут противопоставить что-либо Ордену и Геометрам. Дозорные и Бюро.

— Ордену и Геометрам? — удивленно спросил Хеннингсен, решивший, что что-то не слышал.

— Именно так, — подтвердил Гилфорд. — Герцог стремится не допустить кровопролития на Дионе. Стоит попытаться предотвратить сражение.

Хеннингсен и еще несколько людей рядом мрачно покачали головами. План показался им весьма спорным. Но Аглаю зацепила другая деталь.

— Полковник, вы ничего не сказали о Вознесении, — напомнила она Гилфорду.

— С ними все... сложно, — осторожно сказал Гилфорд. — Об их перемещениях мало что известно. Ряд экспертов предполагает, что они решили воспользоваться войной, чтобы реализовать свои радикальные идеи. И, возможно, они могут стоять за нападением на Эйдмар. Но, подчеркиваю, это только гипотеза.

Эйнар и другие Дозорные сдержали свой гнев, хотя по их лицам было видно, что Эйдмар Уния не простит никогда, кто бы ни совершил это с городом.

— Мы предоставим вам время и возможность обдумать дальнейшие действия. Все поврежденные дредноуты будут отбуксированы на ремонт, точный список станций я передам чуть позже. Все желающие могут располагаться на «Авроре» или любом ином нашем дредноуте, если пожелают. Благодарю всех за внимание.

Мостик постепенно начал пустеть. Гилфорд вернулся к своим обязанностям, Эйнар увел капитанов Дозора, чтобы переговорить с ними без посторонних. Хеннингсен улыбнулся Аглае и подошел ближе.

— Глядите-ка, мы все еще живы, — невесело пошутил он. — Несмотря на то, что все расчеты нас подвели.

— Значит, не только в расчетах дело, — ответила Аглая, тоже едва заметно улыбаясь. — Или не столько в них.

Зашипело радио. Оператор обратился к Гилфорду:

— Полковник, на связь вышли с «Дыхания Севера».

— Это меня, наверное, — откликнулся Хеннингсен. — Если не возражаете, полковник...

— Включите передачу, — кивнул Гилфорд. Из динамиков раздался голос Хельгесена:

— Полковник, вы там?

— Да, что у вас? — ответил Хеннингсен.

— Вы не поверите, но нам пришла люминарная телеграмма. Сообщение для Рейнира Ингварссона. От герцогини Соммервальд.

— Для Рейнира? — удивилась Аглая.

— Передайте, что координатора Рейнира Ингварссона больше нет у нас на борту, — холодно распорядился Хеннингсен. Поступок Рейнира его в свое время сильно задел, и лишний раз он не любил вспоминать о беглом координаторе.

— Подождите, полковник, — вмешался Гилфорд. — «Дыхание», повторите адресата сообщения.

— Координатор Рейнир Ингварссон! — прошипел динамик.

— Много ли Рейниров Ингварссонов в Бюро? — спросил Гилфорд у Аглаи.

— Я знаю только об одном, — ответила она.

— Не могли ли бы вы зачитать сообщение? — снова спросил Гилфорд у Хельгесена. — Вне зависимости от пометок о конфиденциальности.

— Секунду. «Координатор, жду вас на Дионе. Свою часть я выполнила. Рассчитываю на вас. Соммервальд», — прочел Хельгесен.

— Она приглашает его на Диону? — подняла бровь Аглая. — Именно на Диону. Сейчас. Это не может быть простым совпадением.

— Полковник, почему вы заинтересованы в Рейнире Ингварссоне? — решил выяснить Хеннингсен.

— Такова была просьба господина герцога. Он хотел бы встретиться с ним.

— Зачем?

— К сожалению, меня не посвящали в детали, — вежливо ушел от ответа Гилфорд. — Вам известно местонахождение данного координатора?

— Известно, — коротко кивнул Хеннингсен. — Ундина. Замок Волькенштайн. На случай, если вы собрались туда слетать: я не горю желанием его видеть. Заранее прошу меня извинить, полковник.

— А вы, координатор? — спросил Гилфорд у Аглаи.

— Да, я могу слетать с вами на Ундину, — согласилась она. — Пока «Сокол» проходит ремонт.

— Полковник, хотите ли вы переместиться на иной дредноут? Мы возьмем курс на Ундину через несколько дней.

— Я предпочел бы остаться с координатором, — с быстрой улыбкой вежливости ответил Хеннингсен. — «Дыханию Севера» также требуется ремонт. Если это время будет потрачено на комфортную доставку Рейнира Ингварссона с Ундины на Диону, я не буду возражать. Только не заставляйте меня вести с ним бесед о погоде, с вашего позволения.

Гилфорд кивнул, соглашаясь. Аглая коснулся руки Хеннингсена, успокаивая его.

— Надеюсь, в этот раз он сделает правильный выбор, — тихо сказал он в ответ. — Иначе выбора может больше и не быть.

Ничья любовь: Маг

На Диону опускался тихий, несколько рассеянный вечер. Пушистые снежинки растерянно блуждали в воздухе, словно не зная, куда бы упасть. Улицы пустели, свет в домах теплел. Окружающий уют не внушал герцогине спокойствия, а только сильнее заставлял вглядываться куда-то в темнеющие небеса, чуть расцвеченные токами эфира. Она плохо спала последнее время, ее мучили запутанные, тошнотворные видения, и она очень хотела покинуть Диону, вернуться в родной Волькенштайн или даже сбежать вниз, в давно уже ставший чуждым и чужим Годенбург, но страшную догадку, к которой она пришла, нужно было держать подальше от всего, что было ей дорого. К тому же, пришедший ответ дал понять, что координатор собирается выполнить свои обязательства. И раз Безымянный город больше не желал терпеть в своих пределах подобного рода интриги, Диона вполне подходила в качестве нейтральной территории. Если она была также права насчет Форнхофта, то Диона была еще и прекрасным способом скрыться у него прямо под носом.

Ее находка также требовала сокрытия, но вместе с тем ее надлежало в нужный момент использовать в качестве козыря. Дана была ключом к этому: только ей герцогиня могла по-настоящему доверять во всем Волькенштайне. Соммервальд хмуро посмотрела в вечернее окно. Нужно было как можно скорее связаться с Даной. И сделать это так, чтобы даже о самом факте разговора не знал никто. Ну, практически никто.

Из всех способов, что она знала, этот был одним из самых надежных и простых в использовании, но и самых дорогих. Любые деловые отношения с Именами всегда в конечном счете оказывались очень дорогими.

Сделав теплый чай и добавив туда нужных ингредиентов, чтобы сон пришел быстро, но оставался очень чутким и почти осязаемым, герцогиня устроилась в большом кресле у камина. Через несколько минут дремота ее настигла, и комната рассеялась в пушистом снеге, чтобы собраться заново. Правда, в этой комнате кресел оказалось двое, между ними стоял стол, на котором лежали две карты с весьма искусно выполненными иллюстрациями. Во втором кресле сидел Сон, облаченный во что-то среднее между халатом и мантией, и держал в руках еще несколько карт.

— Карты? — несколько удивилась герцогиня.

— Карты, — бесстрастно подтвердил Сон. — Мои сестры находят в них некоторое очарование. И, должен признаться, иной раз расклады действительно рассказывают весьма занимательные истории. В этом вся прелесть карт: их точная семантика, по большей части, ограничена лишь интерпретатором. И всего из пары-тройки карт можно создать огромное число новых историй, — он положил одну из карт на стол, на ней был изображен высокий бледный мужчина в темном одеянии, вокруг его воздетых рук покорно обвивались эфирные токи, подобные змеям. Над головой цветные линии образовывали знак бесконечности. — Они, конечно, в чем-то будут похожи, будут звучать в унисон друг другу, и все же они будут разными историями. Любовники, колесница и маг — каков простор, не находите?

— Маг? — спросила герцогиня. — Почему именно маг?

— Высшая ступень познания, открытия потаенных свойств мира. Мастерство владения этим знанием, умение его грамотно использовать. Магу не просто ведом эфир. Он им управляет. Поэтому именно маг.

Сон отложил оставшиеся карты, после чего обратился напрямую к герцогине, внимательно смотря на нее своими бездонно-черными глазами:

— Зофи Зоммервальд, более известная миру как герцогиня Соммервальд, зачем вы обратились ко мне?

— Мастер Сон, я хотела бы попросить вас об услуге. Мне нужно поговорить с одним человеком. Одной светоносной. Вы... Вы наверняка знаете ее.

— Знаю, — кивнул Сон. — И все же ее имя должно прозвучать.

— Дана фон Химмельсберг. Мне нужно поговорить с ней.

— Вы знаете мои условия?

— Да.

— Вы согласны на них?

— Да.

— Время в царстве снов течет не так, как привычно в неспящем мире, но это не повод о нем забывать, — напомнил Сон. — Не медлите, Зофи.

Сон исчез, и комната вновь переменилась. Теперь кресло герцогини стояло рядом с большой кроватью, на которой лежала обнаженная Дана. Соммервальд легко коснулась ее руки. Дана проснулась.

— Зофи? — чуть сонно пробормотала она. Увидев, кто перед ней, в ее глазах на мгновение вспыхнул страх вперемешку со стыдом. — Зофи, ты вернулась?

— Еще нет, — покачала головой Соммервальд. — Но мне нужно кое-что тебе сказать. Слушай внимательно, Дана, дорогая, и по пробуждении — настоящем пробуждении — обязательно сделай то, о чем я тебя прошу сейчас.

— Хорошо, Зофи, — кивнула Дана, машинально посмотрев на другую половину кровати. — Что я должна буду сделать?

— В замок не так давно доставили вещи одной художницы. На них должно стоять ее имя — Николь Леруа. Вещей может быть много. Тебя должна интересовать только одна. Найди среди ее вещей книгу. «Цвета тишины». Автором должна быть указана Клэр де Лафайет. Спрячь эту книгу. Никому о ней не рассказывай. И не читай ее, прошу тебя. Просто сбереги ее до моего возвращения. Поняла, Дана, дорогая, ты поняла?

— Да, Зофи, — твердо ответила Дана. — Я тебя поняла.

— Дождись меня, ладно? — Соммервальд коснулась рукой щеки Даны.

— Обязательно, — Дана погладила ее руку. — Ты скоро вернешься?

— Постараюсь, дорогая, — улыбнулась герцогиня.

— Даже если это всего лишь сон, это хороший сон... — сказала Дана, и комната вновь поменялась. Сон снова смотрел на герцогиню бесконечной темнотой своих всезнающих глаз.

На столе перед ним по-прежнему лежали три карты.

Ничья свобода, часть 1

Ундину крайне редко посещали военные дредноуты, и даже в разгар двух войн грозный вид «Шепчущей Авроры», темным левиафаном заходящей в тесное пространство причальной станции, не на шутку испугал тех, кто в утренних полусонных сумерках застал ее прибытие. Ничего хорошего этот визит не предвещал, и сошедшие с дредноута пассажиры — координатор и человек в меранской военной форме — это подтверждали.

Замок Волькенштайн суетливо просыпался, взбудораженный утренними гостями. Замковая прислуга до последнего отказывалась будить хозяйку, но все-таки уступила настойчивости и блеску координаторской инсигнии. Дана осталась от требований посетителей не в восторге. Рейнир был более сговорчив. Взгляд Аглаи намекал, что ему лучше было бы согласиться на предложение полковника Гилфорда, пока его согласие вообще кого-то интересовало. И сообщение от герцогини заставило Рейнира поежиться.

— Ты полетишь с ними? — с легким недовольством спросила у него Дана. — Они ведь собираются затащить тебя на ту самую войну, от которой ты так хотел скрыться. И, прости, но я не считаю, что ты настолько важен, чтобы бросать все и рисковать собой ради чьих-то высоких идеалов.

— Я слишком долго пытался делать вид, что это меня не касается, — негромко сказал в ответ Рейнир. — Надо отдать им должное, никто не пытался воззвать к моей совести, чувству долга или чему-то такому. Сейчас другой случай. Один человек требует, чтобы я выполнил свое обязательство. И обязательство важное, и человек важный. Дело не из тех, которые можно просто вот взять и свалить на кого-то еще.

«Не хочешь ей сказать, что это за человек?» — поинтересовался голос, все еще недовольный — или напуганный? — всей истории с Этайн. Рейнир нахмурился в ответ, Дана покачала головой.

— Надеюсь, это дело того стоит.

— Почему ты переживаешь из-за этого?

— Считаю это плохим предчувствием, — она коснулась инсигнии, которую Рейнир накануне надел снова. — Мне тревожно за тебя, Рейнир. Тревожно за нас.

— Я вернусь сразу же, как выполню то, что должен. Обещаю. Я вернусь.

— Я знаю, — Дана поцеловала его, словно уже прощаясь. — Только вот...

Она хотела добавить, что почему-то именно обещанное возвращение Рейнира и тревожило ее больше всего, но Этайн незаметно одернула ее, и Дана замолчала.

— Только вот что? — спросил Рейнир.

— Только вот сейчас все сложнее держать свои обещания, — ответила вместо Даны Этайн. Рейнир заметил перемену, но ничего не сказал. Только еще раз поцеловал — теперь уже Этайн — и, накинув темные крылья своей формы координатора, вышел к Аглае и Гилфорду.

— Я полечу с вами, полковник, — сказал он. Вскоре «Шепчущая Аврора» покинула Ундину, собираясь взять курс на Диону.

Хеннингсен, увидевший на мостике Рейнира, пробормотал себе под нос какое-то ругательство и поспешил с мостика уйти, не желая пересекаться с координатором. Гилфорд пригласил Рейнира к себе, Аглая хотела пойти с ними, но полковник ее остановил:

— Извините, координатор, эту часть информации господин герцог обозначил как конфиденциальную. Будьте любезны извинить нас на несколько минут.

Дверь за Рейниром и Гилфордом закрылась. Аглая, пожав плечами, отправилась искать Хеннингсена.

— Полковник, зачем я вообще понадобился господину герцогу?

— Господин герцог убежден, что ваше расследование, о котором он навел некоторые справки, куда важнее, чем вы и даже ваш коллега считали. Поэтому господин герцог настаивает на его возобновлении. В качестве демонстрации благих намерений господин герцог предлагает вам сделать остановку на Грачином утесе, пока завершается ремонт дредноутов коалиции.

— И что я найду на Грачином утесе? Это же маленький, почти безжизненный обломок скалы, просто дрейфующий в Эфире. Он никогда и никому не был нужен.

— Именно поэтому, по сведениям господина герцога, его избрал в качестве своего пристава Максимилиан Форнхофт.

— Форнхофт? — широко распахнул глаза Рейнир. — Он готов мне дать Форнхофта на блюде?

— Жест доброй воли, — подтвердил Гилфорд. — Полагаю, господин герцог может рассчитывать на ответную услугу с вашей стороны, координатор?

— Да, — коротко кивнул Рейнир. «Поздравляю, Рейнир, теперь замарался ты так, как никогда в жизни», — сообщил ему на это голос. — «Но сможешь теперь выполнить свою часть сделки с Соммервальд, видишь, как тебе везет. Как утопленнику прямо».

— Я оповещу вас, когда мы достигнем Утеса, — сказал полковник, открывая дверь.

Точное местонахождение Грачиного утеса так и осталось для Рейнира загадкой. Время в пути он провел наедине с голосом, почти ни с кем не общаясь. Гилфорду и команде он был неинтересен, Аглая тоже не горела желанием завязывать беседу, а Хеннингсен так вообще старательно избегал Рейнира. Так что, сойдя на заснеженной темной скале, где из источников света были только прожекторы далекого дредноута, терпеливо ожидавшего его возвращения, Рейнир испытал настоящее облегчение, оказавшись предоставлен сам себе.

— Там виднеется какая-то хижина, — сказал голос вслух. — Видишь?

— Угу, — вдалеке действительно виднелась хижина. — За час должны добраться.

— Держи клинок наготове, — посоветовал голос. Рейнир снял рукоять с пояса. Запасных батарей было не так уж и много, но на Грачином утесе вроде бы не должно было быть никаких опасных тварей. Во всяком случае, так считалось.

Путешествие по продуваемому всеми ветрами Эфира куску холодного камня было не самым приятным опытом в жизни Рейнира, но вместе с тем навевало ему воспоминания о родном Синдвари с такими же бесконечными ветрами. Хижина была от ветра спрятана за

высоким выступом, образующим что-то вроде щита вокруг нее. В маленьком окошке едва виднелся тусклый огонек на фоне цветной темноты неба. Как ни странно, дыма и печной трубы у хижины не было.

— Как думаешь, постучать? — почти серьезно спросил Рейнир у голоса.

— Да уж лучше постучать, — ответил ему голос. — Если уж что, так хоть умрешь вежливым.

— Форнхофт! — крикнул Рейнир, приблизившись к хижине вплотную и взяв клинок наизготовку. — Форнхофт, это координатор Рейнир Ингварссон! Мы встречались с вами осенью, на вечере у Скорби! Я один! Нам нужно поговорить!

Ответом ему было молчание. Рейнир решил не сдаваться:

— Форнхофт! Нам нужно поговорить! Это касается убийств светоносных! И Лиама! Вы же знали его? Я пришел сюда не враждовать с вами!

— Тогда почему в вас в руке готовый к сражению магнитный клинок? — раздался наконец голос из хижины. — И как вы сумели отыскать меня?

— Пустите внутрь, я все расскажу, — сказал Рейнир, убирая оружие. — И отыскал вас не я. Это был некий меранский герцог, если вам это может что-то сказать.

Какое-то время Форнхофт не отвечал. Затем дверь хижины все-таки открылась. Рейнир осторожно вошел внутрь. Большую часть занимал стол со щербатыми скамьями по обе стороны и странная печь, в которой вместо огня ярко сиял шар света, трепещущий между двумя пластинами, вероятно, магнитными. На столе стояла деревянная доска для игры в Königmord. В углу, недалеко от печи, был небольшой лежак. Форнхофт, с немного отросшими волосами и давно не знавшей бритвы клочковатой бородой, выглядел чуть изможденней, чем Рейнир его запомнил в их первую встречу. Но взгляд остался прежним. В нем Рейнир ощущал одновременно и интеллект стратега, и хладнокровие убийцы. Крайне опасное сочетание.

— Что ж, Рейнир, если вас сюда привел Белый герцог, то вы, похоже, не в лучшем положении, чем я, — с сарказмом заметил Форнхофт. — Присаживайтесь. Увы, могу предложить лишь чашку чая да немного вяленого мяса.

— А как вы оказались в таком положении, если не секрет? — спросил Рейнир, принимая жестяную кружку с очень крепкой заваркой и садясь напротив Форнхофта, быстро сделавшего себе и визитеру чай.

— Я оказался в этом положении, потому что меня подставили, — сообщил Форнхофт. — Наверняка слышали о трагедии в Эйдмаре?

— Краем уха, — признался Рейнир. — Я несколько выпал из жизни.

— Многие влиятельные лица в Эфире решили, что это я стоял за этим.

— А вы, как я понимаю, не стояли?

— Как видите, я даже не лежал, — невесело пошутил Форнхофт. — Мне пришлось на время скрыться. Но, похоже, прибежище мое перестает быть безопасным. У Белого герцога слишком длинные руки, каждый раз об этом забываю. Сам виноват.

— Что ж, ваша репутация просто сказала всем за вас. Иначе бы вас не посчитали автором настоящего геноцида.

— Моя репутация такова, какой я сам хотел бы ее видеть, — отрезал Форнхофт. — Я делаю то, что должно делать, ради высшей цели. Подчас эта работа весьма неблагодарна. И редко находит понимание.

— И все же вы гордитесь своей работой.

— В ней мало поводов для гордости, особенно гордости окружающих. Труд простого рабочего на, скажем, сталелитейном заводе заслуживает куда большей гордости и уважения. И, пожалуй, известности — она, увы, нечасто сопровождается истинным талантом, хотя, конечно же, бывают исключения, и известная нам обоим Дина Ивинская тому пример.

— Ну, вы вот тоже достаточно известны, — заметил Рейнир.

— Я известен только в тех кругах, в которых считаю нужным быть известным.

— Странно слышать об этом от вас. Все-таки ваше богатство взялось не из вашей скромности.

— Не из скромности, — согласился Максимилиан. — Из конформизма. Форнхофты всегда были конформистами. В нас никогда не было упорства и храбрости Шайтбергов или безрассудства и самоуверенности Гольдрайнов, чтобы противостоять Годенбургам. В итоге смогли сохранить и даже немного преумножить свое достаточно небольшое по дворянским меркам состояние, несмотря на все потрясения, сопровождавшие процесс объединения земель под их знаменем. Я же всего лишь аккуратно распорядился наследством. Грамотные инвестиции.

— Прибедняетесь.

— Я никогда не был по-настоящему богат, большинство тех, кого принято в нашем мире считать богачами, превосходят меня состоянием в десятки раз. Но деньги вовсе не моя главная ценность. Гораздо больше я ценю информацию, и именно информация помогла мне с ресурсами, а не наоборот.

— Хорошо, допустим. Но вы наверняка считаете себя лучшим, — сказал Рейнир.

— Я никогда не был «лучшим», никогда не был «самым». Ни самым сильным, ни самым богатым, ни самым умным, ни даже самым хитрым или наглым. Это большая недалёковидность и опасная блажь — считать себя лучше других. На мое счастье, большинство эту недалёковидность проявляют, — бесстрастно ответил Форнхофт. — Предостерегаю от нее вас, Рейнир. И простите мою бестактность, я не очень люблю все эти формальные обращения. Ваш коллега, Лиам, тоже их не любит, насколько я помню.

— Не любил, — поправил его Рейнир. — Лиам пропал тогда, когда было уничтожено Вольфрамовое солнце. Пропал, разыскивая вас.

— Я не знал, — покачал головой Форнхофт. — Увы, Лиам порой бывает... бывал слишком безрассудным, слишком отчаянным. Наверное, это его руннемарское происхождение сыграло свою роль. И, разумеется, трагедия его семьи.

— Откуда вы знаете Лиам? Говорите о нем, будто бы вы были закадычными друзьями.

— Когда мы еще не были теми, кем стали, наши дороги однажды пересеклись. Мир иногда бывает слишком тесным. Друзьями мы никогда не были, даже тогда. Особенно тогда. Но я уважал его взгляды, как и он мои. Только и я, и он считали себя правыми. Полагаю, время нас рассудит.

— Сколько вам лет?

— Я старше, чем кажусь, — уклончиво ответил Форнхофт. — Но младше, чем вы могли сейчас подумать.

— Куда же тогда мог пропасть Лиам? — Рейнир был настойчив. — Он определенно считал, что у вас есть, что спросить.

— К сожалению, я действительно не знаю, что могло с ним случиться, пока он разыскивал меня.

— И все же удивительно: огромный, не до конца изученный мир под Завесой, еще более необъятный Эфир, и вместе с тем оказывается, что все друг друга знают.

— Значит, таков уж текст, частью которого мы являемся.

— Текст?

— Да, это интересная философия, которая, впрочем, находит свои подтверждения в данной нам реальности. Мир как текст. Обладающие могуществом Имена отлично вписываются в эту концепцию. Мы все являемся частью вселенского текста, истории об историях. Вы наверняка же слышали о пророках?

— Слышал, — сухо сказал Рейнир.

— Пророки и то, что они пишут именно *тексты*, не просто набор каких-то бессмысленных предсказаний, а некоторое повествование. Форма его может быть любой, но в фундаменте мы все равно отыщем *историю*. И эта история, будучи рассказанной, становится реальностью, которой мы проживаем. Не подтверждение ли это того, что наш мир действительно является текстом?

— Допустим, — скептически заметил Рейнир. Форнхофт, явно вдохновленный своими мыслями, продолжал:

— Каков же автор этого текста? Являются ли пророки этими самыми авторами? Или же автор давно мертв — или его не существовало вовсе, а текст — копия без оригинала?

— Это все вопросы для философских диспутов, а наш с вами разговор все же о куда более приземленных вещах, — напомнил ему Рейнир. — Лиам был уверен, что вы к чему-то причастны. И то, что вы вынуждены были скрыться здесь, говорит мне о том, что не только Лиам так считал. Где гарантия того, что вы не лжете мне насчет Эйдмара?

— Вы видите во мне врага, Рейнир, но вашим врагом не являюсь, как и вы не являетесь моим.

— Да, врага вы во мне не видите. Я ведь являюсь всего лишь еще одной фигурой в вашей игре, не так ли, *Максимилиан*?

— Многие считают, что я отношусь к людям и светоносным так, будто они лишь фигуры в очередной партии в Königsmord. Но на деле я даже к этим деревянным фигурам, — Форнхофт указал на стоящую перед ним доску, на которой стояли готовые к партии фигуры, — отношусь, как будто передо мной живые люди. Сбросить с доски фигуру легко, это не требует обладания никакими внутренними качествами. Сбросить с доски человека, осознавая в полной мере разрушительное действие на его судьбу, — вот где требуется истинное мужество и уверенность в правильности выбранного пути. Я не ломаю жизни по собственной прихоти или из-за давних обид и мимолетных эмоций.

— Вы ломаете жизни только по хладнокровному расчету, — закончил за него Рейнир. — И я не знаю, что из этого более отвратительно.

— Я считаю, здесь неуместно использовать оценочные категории, — покачал головой Максимилиан.

— И что же вы испытываете, ломая очередную жизнь? — зло поинтересовался Рейнир, несколько задетый словами Форнхофта. В них он видел стройную, непротиворечивую и взвешенную позицию, которая, тем не менее, была ему глубоко противна.

— Сожаления. Всегда сожаления, — тихо сказал Максимилиан. — Светоносные нашего поколения, Рейнир, научились с этим жить. Я знаю Лиаму достаточно давно, и его жизнь всегда была исполнена сожалений. Это та цена, которую мы готовы платить, чтобы идти дальше.

— Свое воздаяние, да? — вспомнил Рейнир. — Быть всегда готовым к своему воздаянию.

— Да, Рейнир. Нам всем придется умирать. И в конце нас всех будет ждать то самое воздаяние. У каждого свое.

— Хорошо, — Рейнир посмотрел, как корона в затмении его глаз сияет в темном омуте чашки чая. — К воздаянию я готов. Допустим, я поверю вам. Что это не вы убили Лиаму. Что это не по вашему приказу уничтожили Эйдмар. Но не может быть, чтобы вы не играли в происходящем никакой роли. Подозреваю, что война в Эфире началась не без вашей помощи.

— Мы все играем свои роли в этом повествовании, нравится нам или нет. Мы все лишь действующие лица, и после этой моей фразы стоит добавить что-нибудь вроде «сказал Форнхофт и невесело улыбнулся», — сказал Форнхофт и невесело улыбнулся. — Вы, Рейнир, такое же действующее лицо, как и я. Вы хотите знать, чего я добиваюсь? Пожалуйста. Я добиваюсь свободы. Для вас. Для меня. Для каждого из нас.

— Не думал, что вы идеалист, Максимилиан. Если и ищут свободы, то обычно только для себя.

— А свобода не может быть чьей-то, — заметил Форнхофт. — Тогда она быстро становится и чьей-то несвободой. Истинная свобода может быть только ничьей.

— Что же это тогда за свобода, если она ничья?

— Свобода познания мира. Возможность читать этот текст так, как хочется, а не так, как указано. Свобода от власти Имен. Свобода от тех, кто эту власть им дал. И даже свобода от пророков. Это борьба с тиранией и, как всякая борьба, она требует подчас тяжелых решений.

— И ради этого вы готовы остаться в памяти как жестокий убийца?

— Все мы злодеи в чьей-то истории, — Форнхофт снял свои круглые очки и внимательно посмотрел Рейниру прямо в глаза. — Просто не все мы знаем, в чьей именно.

Рейнир не выдержал и первым отвел взгляд, пряча его в остывающем чайном озере. На поверхности фантомными безднами недобро отразились два затмения его глаз.

Ничья свобода, часть 2

Оставшись одна, Дана немного неожиданно для себя ощутила, как ей этого не хватало. В столь необходимом ей умиротворении она довольно часто позволяла себе забываться, одновременно давая своему логосу возможность подольше ощущать материальный мир. Предложенное Рейниром именование логосу пришлось по душе, и Этайн теперь предпочитала себя называть именно так, находя в этом руннемарском слове многие смыслы, резонирующие с ее мыслями. Ей определенно нравилось быть Этайн.

О самом Рейнире Этайн старалась не думать, она так и не объяснила, почему Дана проснулась обнаженной с Рейниром и не помнила о проведенной вместе ночи. Еще Этайн было несколько неудобно, что она невольно подслушала разговор герцогини и Даны во сне. Стараясь несколько успокоить растущее чувство вины, Этайн ответственно, методично и скрупулезно перебрала все, что доставили от покойной Николь Леруа, и отыскала требуемую книгу. Обложка «Цветов тишины» ей сразу показалась несколько неправильной, она ощущалась здесь чужеродной, особенно ее карминовый цвет. Герцогиня предостерегала Дану от чтения книги, но Этайн такого обещания не давала, поэтому позволила себе заглянуть внутрь. Там, как ни странно, действительно оказались стихи, совершенно завораживающие своим слогом и несколько пугающие своим содержанием. Они не принадлежали Клэр де Лафайет. И определенно нуждались в иной обложке. Холодной, пронзительной, как заснеженный берег январской реки. Леруа не просто так спрятала их под чужим именем, и все же истинный мотив Николь пока ускользал от Этайн. Решив, что Дана пока что не стоит знать о содержании «Цветов», Этайн просто надежно спрятала книгу в замке.

Разобравшись с просьбой герцогини, Этайн вновь оказалась снедаема куда более личной тревогой. Смутные видения где-то на границах ее осознания говорили о том, что непостижимые космические механизмы пришли в движение, и до ее имяизречения оставались считанные недели. Злые слова Рейнира все чаще звучали в ее мыслях. И Этайн искренне хотела спасти Дану от себя самой. Не дать ей погибнуть, быть раздавленной неумолимостью небесной механики, сгореть в своем собственном пламени. И Этайн, коротая одинокие рассветы на исходе зимы наедине со своей тревогой, все острее ощущала жестокость времени. Дни иссякали. Нужно было что-то предпринимать. Нужно было как-то остановить имяизречение.

Способ, конечно же, был известен, но оттого не становился более простым или более приемлемым. Война в Эфире занимала пока что умы Бюро, но война рано или поздно закончилась бы, а вместе с ней взоры координаторов вновь обратились бы к ним. К Безымянным.

Но Безымянные все равно оставались единственными, кто мог бы помочь с тем, чтобы предотвратить неотвратимое. И в один из пронзительно холодных рассветов, когда багряно-кирпичное солнце, будто забывшее о вечной весне Ундины, поднималось из-за далекого горизонта, Этайн решилась.

Отыскать агентов Безымянных было несложно практически в любом уголке Эфира. Даже практически всемогущим изгоям нужно было содержать свои дредноуты и обеспечивать жалованием своих подчиненных. А для этого нужно было вести определенные дела, в том числе и там, куда регулярно заглядывал блеск координаторских инсигний. Отсюда и брались вер-

ные агенты, занимавшиеся подделкой документов, провозом контрабанды, нелегальной торговлей истинным светом и многими другими делами, с которыми обычно не связывался бы приличный человек или светоносный. На Ундине, конечно же, их тоже было в избытке, стоило лишь покинуть грозный Волькенштайн и наведаться в более оживленные районы острова.

Этайн смогла добиться встречи с одним из них спустя четыре дня. Богато одетая дама с короткой, резкой стрижкой-каре совсем не напоминала стереотипного бандита или контрабандиста, скорее очень хваткую предпринимательницу, буквально выгрызшую себе путь наверх. Возможно, это предположение не было таким неверным.

— Что вам нужно? — поинтересовалась она, убедившись, что в кофейне, где они встречались, нет особо любопытных ушей и глаз. — Исходя из суммы, которую вы назвали, этот заказ выглядит чересчур привлекательным, чтобы я соглашалась на него, не узнав подробностей дела.

Этайн пожала плечами и спокойно ответила:

— Я хотела бы кое с кем встретиться. Говорят, у него есть опыт в интересующей меня области. Организуйте с ним встречу.

— Кто?

— Король бывшего и грядущего.

— Он где-то у Кетамада, — резонно заметила дама. — Не забывайте, идет война. Ему незачем показываться в более... беспокойных регионах Эфира.

— Я не прошу его составить мне компанию за чашечкой кофе в этом заведении. Организуйте встречу — на его условиях.

— Мне нужны гарантии.

— Тридцать процентов предоплаты вас устроят?

Лицо дамы неприятно дернулось, отразив внутреннюю борьбу нежелания рисковать и желания заработать очень приличные деньги. Тряхнув каре, она сказала:

— Я посмотрю, что можно сделать.

Вновь о даме с каре Этайн услышала спустя еще несколько дней, когда мальчик-посыльный передал камердинеру короткую записку, приглашавшую ее на причал номер двадцать в Эльфбергене. Прибыв туда к вечеру, Этайн встретила там даму и пилота незарегистрированного скоростного глайдера.

— Ваша карета, — с сухим подобием улыбки сообщила дама. — На этом мое участие прекращается. Глайдер доставит вас на «Королевство слез». Об обратном пути вам придется позаботиться самостоятельно.

— Устраивает. Можете получить деньги, — Этайн протянула ей банковский чек. — Все оформлено так, как вы и просили.

— Благодарю, — дама взяла чек и практически сразу исчезла в суете причала номер двадцать. Этайн, внимательно прислушиваясь к дремлющему сознанию Даны, заняла место в глайдере. Путь предстоял неблизкий.

Несколько тревожных часов спустя глайдер поравнялся с антрацитовым боком «Королевства слез». Высадив Этайн, пилот тут же покинул дредноут, и она осталась одна на судне одного из Безымянных.

За ней, впрочем, пришли довольно быстро. К чести дамы с каре, Король былого и грядущего на самом деле был предупрежден о визите Этайн. Ее привели на смотровую палубу, излюбленное место Короля. Он стоял к ней вполоборота, задумчиво вглядываясь в Эфир, и Этайн смогла его рассмотреть внимательнее. Король былого и грядущего был весьма красив, хотя и несколько неестественной красотой. Высокий, бледный до болезненности юноша вне возраста с заостренными чертами лица и аккуратно уложенными темными волосами, он цеплял меланхоличным взглядом своих сияющих бирюзовых глаз, мерцающих в полумраке палубы. Этайн подошла к нему ближе. Король былого и грядущего внимательно посмотрел на нее и мягко сказал:

— Дана фон Химмельсберг. Я очень рад знакомству.

— Взаимно, — Король протянул ей руку, Этайн протянула в ответ свою и дала ее поцеловать. — Но должна вас огорчить, Король, я не Дана фон Химмельсберг. Не совсем она.

Мерцающая бирюза вспыхнула удивлением, и Король былого и грядущего с искренним любопытством поинтересовался:

— Кто же вы тогда?.. Вы... Неужели вы логос Даны?

— Верно, Король, — кивнула Этайн. — Можете называть меня Этайн.

— Пробужденный логос! Именующий себя! Я уже стократ благодарен вам за ваш интерес к моей скромной персоне, — Король несколько театрально всплеснул руками. — Признаюсь, редко можно встретить подобных вам. Как долго вы пробуждены?

— С самого детства Даны, — сказала Этайн, решив, что Безымянному сейчас не стоит лгать. — Годы.

— Поразительно, — серьезно сказал Король былого и грядущего. — Так долго... Неудивительно, что вы стали настолько сильной личностью. Значит, именно вы решили обратиться ко мне?

— Именно я, — подтвердила Этайн.

— И в чем же заключается ваша просьба, любезная Этайн?

— Вы известны как Безымянный, который может помочь светоносным, желающим отказаться от изречения Имени по тем или иным причинам.

— Да, я порой помогаю светоносным освободиться. Правда, я бы не назвал бы это моим главным талантом, — развел руками Король.

— Я хотела бы воспользоваться вашей помощью. Помогите нам. Помогите мне и Дане, — Этайн даже легко коснулась его руки.

— Вы хотите избежать имяизречения? — несколько удивленно уточнил Безымянный. — Именно вы? Логос?

— Да, — твердо сказала Этайн. — Я хочу спасти Дану от той участи, которая ее ждет.

Король былого и грядущего нахмурился и, сверкнув глазами, сказал:

— Вы ведь представляете себе, что происходит в момент имяизречения? Это своего рода смена власти: личность прежнего владельца уступает место изреченному Имени. Если светоносный готов к имяизречению и полностью его принимает, процесс проходит быстро и безболезненно. Старая личность уступает место Имени и постепенно угасает, вытесняется. Как показывают примеры бывших воплощений Имен, исчезает она безвозвратно. Для самого светоносного это практически равносильно смерти. Разумеется, далеко не каждый светоносный готов смириться со своей участью, и тут уже начинается все веселье. Имяизречение превращается в схватку. Чаще всего победителем из нее выходит логос, все же изрекая свое Имя. Но если воля светоносного оказывается достаточно сильна, он заглушает голос логоса, присваивая так и не изреченное Имя себе. Так и рождается Безымянный. Мы обладаем всеми качествами Имен, за исключением того, что не можем воздействовать на реальность напрямую.

— Значит, воля. Вы говорите, что воля светоносного должна быть достаточно сильна. Насколько именно сильна?

— Зависит от Имени, — ответил Король былого и грядущего. — Чем сильнее Имя, тем меньше шансов, что удастся препятствовать имяизречению. Старшие Имена практически никогда не удается обуздать. Лично я не знаю ни об одном таком случае. Мы, Безымянные, обычно отбираем у мира Имена, которые миру безразличны. Он в них не нуждается.

— А если логос сам хочет сохранить личность светоносного? Что тогда?

Король былого и грядущего потер лоб, размышляя.

— Я вижу, к чему вы клоните, Этайн. Вы сильный и давно пробужденный логос. Это может привести к непредвиденным последствиям. Даже при вашем желании сотрудничать. Я бы сказал, *особенно* при вашем желании сотрудничать.

— Какого рода последствиям? — спросила Этайн.

— Видите ли, с вами все одновременно и проще, и сложнее, — вздохнул Король. — Да, схватки между вами не будет. Не должно быть, по крайней мере. Но что будет вместо нее — не знаю. В схватке все достаточно понятно: есть победитель, есть проигравший, победитель получает все, проигравший обречен на угасание. В вашем же случае... будет что-то иное. И результат также будет чем-то иным.

— Что вы хотите этим сказать? — теперь пришла пора хмуриться Этайн.

— Вы, безусловно, будете свободны. Но я не могу гарантировать, что свободны будете именно *вы*.

— То есть?..

— Высока вероятность, что ни одна из личностей не сохранится в своем изначальном виде. Не будет больше Даны и Этайн. Будет кто-то еще.

— И получается, что свобода вроде бы и чья-то, а вроде бы и ничья, — выдохнула Этайн, пытаясь это принять и осознать.

— Если рассматривать это с учетом вашего изначального желания, то именно так. И все же это будет свобода, — резюмировал Король былого и грядущего. — Если вы готовы пойти на этот шаг, я смогу вам помочь. Обещаю, Этайн. Я помогу вам. Но мне нужно знать ваше решение.

Этайн подняла взгляд к цветной темноте, где за льдами Кетамада простирался холод Дальнего Эфира. Король былого и грядущего последовал ее примеру.

Оба молчали.

Ничья свобода, часть 3

Старый дредноут медленно плыл мимо замерзшего металла огромных колец Аусгрима, свет его бортовой иллюминации заставлял черно-фиолетовый лед, покрывавший кольца, искриться.

— Здесь жил кто-то когда-то? — спросил Эрик, наблюдая за проплывающими мимо темными и неподвижными механизмами.

— Если и жил, они все давно сгинули, — мрачно резюмировал Эйнгинн. — Народ, создавший эти эфирные механизмы, не оставил после себя ничего, кроме них. Даже Имена не ведают, кем были строители колец.

— Тогда как вы надеетесь запустить их правильно? — резонно поинтересовался Эрик.

— Я знаком с устройством Вольфрамового солнца. Оно было почти полностью автономно, могло грамотно функционировать без участия людей. Кольца Аусгрима должны работать аналогичным образом. Их первый неудачный запуск связан, как я сейчас полагаю, с неисправностью. Механизм, вероятно, поврежден, — сказал Хведрунг. — Не могу, конечно, дать гарантий, что нам удастся его починить, но...

— Но нам нужно для начала пробудить кольца, чтобы это узнать, — подытожил Лиам. — Мы уже почти у самого центра.

Перед ними была закованная в такой же темный металл сфера, прикрепленная полюсами к меньшему из колец. По периметру ее экватора шел ряд небольших круглых отверстий, сейчас закрытых тяжелыми заслонами.

— Кольца устроены по принципу подвеса, шарнирной опоры, такие используют в гироскопах, — сообщил Лиам. — Центральная сфера остается неподвижной, несмотря на вращение колец. Меньшие кольца крепятся к большим. В неактивном состоянии они должны лежать в одной плоскости, в активном, как я понимаю, образуют вокруг центральной сферы внешнюю сферу.

— Только сейчас их почему-то заклинило в промежуточном положении, — Хведрунг указал на два ближайших к ним кольца, видневшихся сквозь смотровое стекло, которые действительно образовывали между собой острый угол. — Нужно разбить лед на шарнирах и заставить кольца принять правильное положение. И, как я понимаю, ты, Эйнгинн, хочешь воспользоваться безумной идеей нашего координатора и сделать это вручную.

— Не совсем вручную, дредноут мне все-таки понадобится, — заметил Эйнгинн. — И лучшего варианта у нас все равно нет. Я уже все прикинул. Приблизительно.

— Что ты хочешь попробовать? — спросил Лиам. — И что потребуется от нас?

— Я выберусь на обшивку, затем нужно максимально разогнуть дредноут по кругу. Наша цель — вот этот шарнир и вот это кольцо, — Эйнгинн указал на искомые элементы механизма. — Вы разгоняете дредноут, я отцепляюсь и лечу прямо к шарниру. Надеюсь, скорости хватит. Одновременно вы летите к большему из этих двух колец и начинаете его толкать в нужном направлении. Если протараните его на относительно небольшой скорости, броня

дредноута выдержит. Скорее всего. Когда кольца сдвинутся с места, забираете меня. И летим к центру.

— То, что ты описал, звучит как чистое самоубийство, — сообщил Эрик. — Кто вообще способен пережить то, что ты только что предложил?

— Старшее Имя, — ответил Эйнгинн, чьи глаза вновь стали цвета раскаленного металла, а под кожей пробежали багровые огоньки. Лиам переглянулся с Хведрунгом. Безымянный кивнул в ответ на немой вопрос координатора.

— Эрик, пристегнись, мы начинаем, — сказал Лиам, занимая вместе с Хведрунгом места пилотов. — Приглядывай за Эйнгинном через иллюминаторы.

Эрик послушно примотал себя ремнями к одному из кресел на мостике. Эйнгинн направился вниз, к шлюзам. Спустя несколько минут тусклая лампочка-индикатор открытия шлюза показала, что Эйнгинн успешно выбрался наружу.

— Смотрите, чтобы не укачало, — хмыкнул Хведрунг, переводя дредноут на полностью ручное управление и тут же закладывая лихой вираж. — Эрик, как только заметишь, что он отцепился, дай знать, нам нужно успеть затормозить. Я не горю желанием разбиться об одно из колец на полной скорости.

Эрик кивнул, и Хведрунг врубил максимальную тягу основных двигателей. Внутри старого дредноута что-то закрывало, закрывало, хрюкнуло, после чего кольца в иллюминаторах смазались, а Эрика вжало в кресло. Лиам, следивший за ростом скорости, жестами показал, что все идет по плану, хотя его лицо, борющееся с перегрузкой, могло бы с этим поспорить. Они совершали круг за кругом, у Эрика слегка уже кружилась голова от мельтешения за бортом и плясали мушки перед глазами из-за перегрузки, но он держался, боясь отключиться и пропустить Эйнгинна. Дредноут нарезал еще несколько кругов, Лиам хрипло крикнул, что они достигли потолка скорости и надо бы начинать тормозить. Хведрунг решил все-таки дождаться Эйнгинна, и еще три мучительных круга спустя Эрик выдавил из себя подобие слова «улетел», и Хведрунг тут же перевел двигатели на реверс. Дредноут трянуло и немного заматало, скорость начинала снижаться, а Лиам даже успел заметить сквозь смотровое стекло яркую комету, которая, как он догадался, и была Эйнгинном.

Комета с огромной скоростью врезалась в лед, сковавший крепления и механизмы вращения колец, и Эйнгинн, превратившийся в настоящее воплощение горящего металла, тяжелыми огненными кулаками крушил черноту векового льда, откалывая от него глыбы размером с добрую половину их дредноута. Удар за ударом он все ближе подбирался к титаническим шестерням и шарнирам, подрагивающим от давно заточенного в них движения.

Дредноут тем временем добрался до торца кольца и, сминая лобовую броню, уперся в него. Мостик трянуло, и Хведрунг добавил тяги. Дредноут снова заскрежетал, кольцо поддаваться не хотело.

— Больше тяги! — предложил Лиам.

— Топлива не хватит! — отрицательно покачал головой Хведрунг. — И двигатель на ладан дышит.

— Нам нужно еще чуть-чуть, — попросил Лиам. — Уже почти.

Шарниры кольца уже почти полностью были свободны ото льда, и им действительно не хватало небольшого импульса, чтобы окончательно вырваться из плена. Эйнгинн, видя, что Дредноут не справляется, нанес последний удар по льду, отколов от него еще один большой кусок, и, с силой оттолкнувшись, направился к ним.

Дредноут тряхнуло от удара Эйгинна, и Хведрунг, выжав напоследок максимум из умирающих двигателей, триумфально воскликнул:

— Кольца движутся!

Эрик, отстегнувшись, бросился к смотровому окну. Вокруг пробуждались кольца Аусгрима, медленно вращаясь, они занимали правильное положение, выстраивая вокруг переплетение металлических линий. Заслоны на центральном кольце одновременно с ним начали открываться, выпуская из его недр ослепительное сияние, в котором глаз видел одновременно и все цвета, и ни один. Сияние обрушилось во всех направлениях множеством лучей, которые, достигая колец, также заставляли их сиять и искриться бесцветно и радужно, обволакивая все в невозможный свет.

Дредноут тонул в этом сиянии, и даже Эйнгинн восхищенно смотрел, как этот свет окутывает его и все вокруг.

Кольцо Аусгрима пробудилось.

Ничья смерть I

Пустота расступилась перед «Духом мщения», и Вильгельм Зауэр на несколько минут снова оказался в неприятном положении выброшенной на берег трески, тщетно хватающей ртом воздух. Заметив насмешливую ухмылку Скрипача, совладавший со своим дыханием Зауэр раздраженно бросил в его сторону:

— Знаешь, эфирные дредноуты придумали для того, чтобы летать на них в Эфире.

— Мой дредноут летает там, где удобно мне, — бесцеремонно парировал Полый Скрипач. — И после твоего провала радуйся, что ты еще не оказался в моей команде.

Зауэр злобно зыркнул исподлобья, после взглянул на эфирный остров, расстилающий перед ними.

— Мы достигли цели?

— Достигли, — кивнул Скрипач. — Диона. Вокруг слишком много дредноутов.

— Здесь живет Страсть, — Зауэр повнимательней взгляделся в опознавательные знаки охраняющих остров судов. — А это, похоже, Геометры. С начала войны фракций говорили о том, что Орден решит под шумок убрать ее. Боятся. Это несколько осложняет дело.

— Твое дело — возможно, — Скрипач с неестественной для хромого скоростью оказался за спиной Зауэра. — Мы нападём ночью.

— Так скоро?.. Может, стоит подождать? Разведать обстановку?

— После твоего провала решения принимаю я, — напомнил Скрипач Зауэру к неудовольствию последнего. — И команду дредноутом тоже я. Нападаем сегодня ночью.

— Скрипач, подожди, — примирительно поднял руки Зауэр. — Да, признаю, с Белым Герцогом на Эмайне вышла неувязка, но кто ж знал, что этот бледный сыч так много знает о том, чем мы занимались... Но признай, что это я предложил уцепиться за связи той убитой художницы. И это мои люди помогли нам на Брайтвуде. Так что есть и моя заслуга, что мы вышли на тех, кто знал эту Леруа. Позволь мне хотя бы узнать, куда именно нам нужно ударить.

— У тебя нет никаких гарантий, что эта де Лафайет знает что-либо о тексте Ивинской, — Скрипач хищно скрежетнул острием своей костяной ноги. — И наш визит на Диону вполне может окончиться твоим очередным провалом, Зауэр.

— Но ведь у нас есть не только де Лафайет! — Зауэр аккуратно обошел Скрипача, как бы невзначай увеличивая между ними дистанцию. — На Брайтвуде мне нашептали, что к де Лафайет прилетела в гости некая герцогиня Соммервальд. Было несложно узнать, что именно к ней попали вещи Леруа после ее смерти.

— Гарантий все равно нет, Зауэр, — Скрипач сильно сжал плечо Вильгельма, обжигая его холодом. — Чего ты страшишься больше, смерти или вечности?

— Я все-таки считал, что рано задавать этот вопрос, — Зауэр попытался вырваться, но Скрипач держал крепко. — На Дионе живет множество светоносных. Зачем рисковать. После Эйдмара, после того, как Ивинская исчезла, мы не можем позволить себе действовать опрометчиво. Позволь мне указать тебе точно на цель. Дай мне всего несколько дней.

— Пусть так. Место в моей команде для тебя всегда найдется, — черный оскал Скрипача напоследок заставил Вильгельма еще раз поежиться, после чего он все-таки получил подобие свободы. — Три дня, Зауэр.

Зауэр вынужденно согласился. Плечо все еще жгло холодом.

Когда Рейнир счел, что их беседа зашла в тупик, и уже собирался оставить Форнхофта одного, тот, заметив это, достал откуда-то потрепанную сумку и принялся складывать кое-какие вещи, разложенные по хижине. Рейнир наблюдал за этим какое-то время, но в итоге не выдержал и спросил:

— Что вы делаете?

— То, на что это похоже: собираюсь, — ответил Форнхофт. — Вас, полагаю, где-то неподалеку ждет меранский дредноут? Не своим же ходом вы собрались улететь отсюда.

— Ждет, — согласился с очевидным Рейнир.

— Значит, самое время покинуть гостеприимный Грачиный утес и направиться в несколько менее приятные места, — продолжил Форнхофт. — Думаю, командир дредноута окажет мне услугу и подбросит потом до Эмайна. Раз уже Белый Герцог дал понять, что знает, где я отдыхаю от мирской суеты, нам все же стоит с ним увидеться и уладить кое-какое непонимание между нами.

— Как скажете, — пожал плечами Рейнир.

На «Шепчущей Авроре» появление Форнхофта восприняли куда более буднично, чем Рейнир себе представлял. Форнхофт встретился взглядом с Гилфордом и вежливо спросил:

— Разрешите подняться на борт, полковник?

— Разрешаю, господин Форнхофт. Полковник Джеймс Гилфорд, военно-воздушные силы Объединенных княжеств Мерании, к вашим услугам.

— Максимилиан Форнхофт — к вашим услугам, — ответил Форнхофт. — Полагаю, у господина герцога были некоторые распоряжения на мой счет?

— Были, — подтвердил Гилфорд. — Господин герцог рассчитывал на ваше содействие.

— Не будем тогда его разочаровывать, — кивнул Форнхофт. — Я готов лететь на Эмайн.

— Прежде мы должны доставить координатора Рейнира на Диону, — уточнил полковник. — Господин Форнхофт, препоручаю вас моему первому помощнику. Он поможет вам устроиться.

— Благодарю, полковник, — Форнхофт напоследок одарил Рейнира многозначительным взглядом. — До встречи, координатор.

— Прощайте, Максимилиан, — сказал в ответ Рейнир.

Форнхофт ушел вслед за высоким офицером с густой черной бородой. Гилфорд вполголоса обратился к Рейниру:

— Вы поговорили с ним? Узнали, что требовалось?

— Поговорил. Кажется, да.

— Теперь господин герцог рассчитывает, что вы окажете ему услугу и вернетесь к расследованию.

— Да. На мой взгляд, первым шагом к этому может стать встреча с Соммервальд. Она может помочь выйти на тех, кто стоял за этими убийствами. Кто отдавал приказы серебряным маскам. Полковник, если вас не затруднит, отправьте на Диону люминарную телеграмму. Предупредите герцогиню о моем визите.

— Отправим, — кивнул Гилфорд. — Господин герцог хотел бы, чтобы вы уделили особое внимание не только убийствам, но и «январским ивам».

— Откуда он?..

— Герцог не посвящает меня в свои методы, — в очередной раз предельно вежливо улыбнулся Гилфорд. — Он полагает, что это поможет пролить свет на истинные мотивы нападения.

— Учту. Полагаю, мне пора обратно на «Дыхание севера»?

— Ремонт «Дыхания» будет завершен к мартовским идам, координатор. Если не возражает, до Дионы вас доставит «Аврора», мы как раз прибудем в срок.

— Мартовским идам? К середине марта? Оно настолько сильно повреждено?

— Мартовские иды всего через несколько дней, координатор, — офицерская вежливость Гилфорда иногда выглядела слишком снисходительной. — Боюсь, вы несколько потеряли счет времени.

Рейнир закрыл глаза. Уже март. Исход зимы. Она еще не собиралась отпускать свою хватку, но календарь был неумолим. Времени взять займы было не у кого.

В этот момент Рейнир ощутил, насколько мир огромен и равнодушен. Он столько времени провел в своем добровольном изгнании, отринул все, что должен был этому миру, а мир даже не вспомнил о его существовании. Шла война. Плелись интриги. Умирали люди. И то, чем в это время занимался Рейнир Ингварссон, никого не интересовало.

«Все еще думаешь, что совершил ошибку, улетев с Ундины?» — серьезно спросил голос. — «Думаешь, что раз миру все равно, он позволил бы тебе жить твоей маленькой счастливой жизнью вместе с Даной?»

«А разве не так? Этот месяц же как-то получалось», — заметил Рейнир.

«Не стоит забывать, что это мир к тебе пришел, Рейнир», — возразил голос. — «Или меранский дредноут у тебя на пороге уже перестал быть для тебя знаком того, что мир так просто тебя не отпустит? Он дал тебе достаточно времени с ней. Теперь сделай что-нибудь и для мира. Хочешь ты этого или нет, Рейнир Ингварссон, ты увяз в этом, когда надел черное».

«Или когда получил тебя», — мрачно сообщил логосу Рейнир. Ответа не последовало.

«Шепчущая Аврора» прибыла к Дионе вечером следующего дня. Уже на подлете Рейнир заметил вокруг острова множество дредноутов — в основном годебургских проектов, хотя встречались и меранские, и дредноуты Севера.

— Орден и Геометры действительно стягивают силы, — сказала Аглая, тоже наблюдавшая на мостике за тем, как «Аврора» осторожно скользит мимо них. — Судов коалиции все равно слишком мало.

— Часть еще на ремонте, — поправил Гилфорд. — Мы специально подгадывали, чтобы уложиться к идам.

— Никогда не видел настоящее празднование мартовских ид. Говорят, это довольно грандиозно, хотя все происходящее и утратило свое первоначальное значение, — Хеннингсен по-прежнему не разговаривал и даже старался не встречаться с Рейниром взглядом, но в целом был в весьма хорошем настроении. Возможно, это было связано с тем, что «Дыхание севера» должно было прибыть к Дионе всего на пару часов позже «Авроры». — Но это все равно новый год по иллатскому обычаю, так что должно быть интересно.

— Это разведка сообщила, что Орден решил устроить все на мартовские иды? — спросила Аглая. — Только как это господин герцог сумел рассчитать, что силы коалиции будут наготове именно к этому дню?

— Демонстрация силы, да, — кивнул Гилфорд. — И господин герцог не рассчитывал, он просто сделал все возможное, чтобы силы коалиции были готовы. Координатор, к Дионе «Аврора» не причалит. Вам стоит воспользоваться одним из наших глайдеров.

Рейнир, к кому были обращены слова Гилфорда, кивнул. Аглая пожелала ему удачи, Хеннингсен все так же промолчал. Перед тем, как уйти с мостика, Рейнир на минуту остановился. Взвесил в руке инсигнию. Она снова сначала показалась ему слишком легкой. А потом — слишком тяжелой.

«Ну вот все снова возвращается к тому, с чего начиналось», — сказал голос. — «И ты все никак не можешь привыкнуть к инсигнии».

«Только вот Лиама больше нет», — добавил Рейнир. — «И я все меньше хочу носить эту инсигнию».

«Дело не в инсигнии, Рейнир», — напомнил ему голос. — «А в том, кто ее носит».

Рейнир встретился взглядом со своим отражением в одном из иллюминаторов. Усталый и разочарованный светоносный в зазеркалье показался ему незнакомым.

Логос был прав. Дело действительно было в том, кто эту инсигнию носил. Только вот Рейнир больше не мог дать ответ на этот вопрос.

Ничья смерть II

Февраль буднично сменился мартом. Перемена эта оказалась настолько номинальной и незначительной с точки зрения вида за окном, что Яна благополучно ее проигнорировала, по-прежнему пропадая в глубинах Института. Зима тоже решила проигнорировать какой-то там календарь, не собираясь никуда уходить. В Людлине царила морозная розоватая дымка по утрам и вечерние снегопады.

Работа над теорией «внутреннего света» шла достаточно бодро, хотя Яне решительным образом не хватало занудной марской методичности Ольшанского. Ему она всегда готова была доверять в том, где сама не чувствовала твердой почвы под ногами: в долгих и скрупулезных ручных расчетах, в тщательной рутине экспериментов и проверок, без которых ни один полученный результат не мог бы считаться хоть сколь-нибудь объективным. Но Ольшанский куда-то запропастился, равно как и Адам. Оба мара так и не вернулись из Гмелино, а на все вопросы Яны полковник Тополевский хмурил брови и задумчиво гладил лысину, сам, вероятно, не зная ответа. Перед начальством Ольшанского прикрывал явно полковник же, и сколько это могло еще продолжаться, Яна не знала. Еще Яна волновалась просто по-человечески — все-таки Ольшанский был в ее картине мира ближе всех к понятию друга, и в нем она всегда находила молчаливую поддержку, которая помогала убеждать себя в правильности избранного пути.

В одиночестве Яну снова все чаще посещали довольно мрачные мысли, и обычно она либо уходила в одну из своих любимых книг, либо включала радио в поисках чего-то тихого и ненавязчивого. В последнее время это была Дина-Ива, но после тревожной и печальной «Эйдмарской элегии» она будто бы пропала отовсюду — и ее голос больше не скользил на границе сна и яви, потонув в сводках с фронта и натужных испуганных шутках. И — удивительное дело — в такие странные времена ее самым лучшим собеседником стал Тополевский, такой же усталый и одинокий. Яна рассказывала ему о ходе своих исследований и получала новые образцы, которых, к слову, становилось все меньше, а полковник сетовал на равнодушие, паранойю и трусость императора, из-за которого Людлин со дня на день должен был остаться без защиты.

Это был один из таких вечеров — уже в чем-то определенных и привычных для них обоих. Яна принесла свежий отчет, полковник достал из шкафа недавно доставленные образцы. Они сели друг напротив друга, Яна передала бумаги и сказала:

— Там есть кое-какие недоработки касательно вероятностной модели распространения квантов. Я все-таки не сильна в этом. Нужен Ольшанский.

Полковник грузно вздохнул. Вопросы об Ольшанском он старался избегать, но и сам от этого устал.

— Доктор, позвольте сказать откровенно, — он пригладил усы. — Я не знаю, где они. Ни Адам, ни Ольшанский. При этом люди Форнхофта, от которых я получаю образцы, на вопросы об Адаме отвечают, что все в порядке. И я не знаю, кто именно во всей этой заговорищной цепочке лжет. То ли это Форнхофт, который сам тоже залег на дно. То ли это его люди. То ли сам Адам посылает им ложные сведения. Не знаю, доктор. Меня эта ситуация

очень тревожит, но положения мое слишком неустойчиво, чтобы я мог предпринять какие-либо активные действия. Я, как и вы, вынужден ждать и слепо доверять людям, светоносным и марам, никому из которых доверять не стоило бы.

— Он может быть в опасности?

— Может. Хотя наш мир так устроен, что в опасности сейчас каждый из нас. Я понимаю, что какие чувства вы можете испытывать по поводу исчезновения Ольшанского, доктор. Но мы с вами профессионалы, доктор. Мы должны быть хладнокровными в ситуациях, когда прочие давно дрогнули бы.

— Да, полковник, и мы будем, — приулыбнулась мрачно Яна. — И меня больше тревожила неопределенность. Сейчас это неопределенности стало чуть меньше.

— Как в ваших квантовых системах, — шевельнул усами полковник.

— Вы говорите, Форнхофт тоже пропал.

— Не пропал. Залег на дно. Его персона сама по себе может привлекать слишком много ненужного внимания. И до меня доходили обрывочные слухи, что в Эфире кое-кто считает, что это Форнхофт отдал приказ на уничтожение Эйдмара.

— Учитывая его методы, я бы не удивилась, — достаточно спокойно заметила Яна.

— Я, признаться, тоже. Но это не Форнхофт. Считайте это интуицией.

— Надеюсь, хотя бы он понимает, что делает. И что мы делаем.

— У Форнхофта есть план. Беда, что он не считает нужным посвящать в него кого-либо еще...

Почти оборвав полковника на полуслове, пронзительно завывали сирены. Яна быстро переглянулась с Тополевским, и полковник, моментально собравшись, подтвердил ее страшную мысль:

— Это авианалет. Доигрался царь с сокращением обороны города.

По стенам Института пробежала мелкая дрожь, мгновением позже оглушительный рокот взрыва обрушился на них, глуша истошно вопящие сирены. Тополевский схватил Яну за руку, и они побежали прочь: Институт не только выглядел как крепость, в нем действительно были помещения, в которых легко можно было переждать подобное нападение. До этого времени их использовать Яне не доводилось, но все же бывает в первый раз.

Вторая серия взрывов была еще более громкой и еще более злой, и, когда они быстро шли через один из коридоров, Яна увидела в окне, как горит ее город — улицы, примыкающие к границе Старого Людлина, все уже были охвачены огнем.

— Будет теперь второй Старый Людлин. На месте нашего, — пробормотала она на бегу.

— Как бы второго Эйдмара не получилось, — очень серьезно сказал Тополевский. — Так бомбардировать могут только дредноуты.

Словно в подтверждение его слов электрическая смерть, выпущенная из пушки Грейса, развернула коридор, из которого они только что выбежали. Несколько сотрудников, бе-

жавших вслед за Яной и полковником, оказались погребены под обломками. Яна стиснула зубы.

— Нужно ускориться, — сказал за нее полковник. — Это точно второй Эйдмар.

Институт разносили по кусочкам, его рвали на части бомбы, уродовали стальные болванки, дробили пулеметные очереди. Но Институт стоял. В очередном — уже разбитом — окне Яна за морозным ветром углядела, как горит вдалеке последний кусочек старого города, заброшенная обсерватория. У Людлина, похоже, решили отобрать если не его сердце, то его разум.

Они добрались до защищенной части комплекса, и Яна на мгновение остановилась, чтобы перевести дух, и с ужасом увидела, как прямо за ними идет огненный вихрь, порождение очередного пожара в какой-то из лабораторий. Тополевский огляделся вокруг, ища способ закрыть тяжелую дверь, отделявшую убежища от остального Института.

— Он сломан, — тихо сказала Яна, показывая на сорванный рычаг. — Не выдержал. Дверь не заперется.

— Следующая зато заперется, — полковник указал на такую же дверь в конце коридора.

— Мы не успеем добежать, — Яна была предательски спокойна. В конце концов, это же не ее смерть. Смерть вообще не бывает чьей-то. Ведь смерть пришла — а ты уже умер. Вот так и получается, что она ничья. Просто смерть.

— Успеешь, — сказал Тополевский. — Ты, Яна, успеешь. А я уж подержу дверь, это я умею. Двери держать.

— Не нужно этого геройства, полковник, — Яна следила, как пожар приближается по коридору стремительной рыжей змеей. Тополевский тем временем с лязгом задвинул дверь. Она действительно стремилась вернуться в исходное положение, и небольшой щелчки хватило бы, чтобы огонь ворвался в небольшой коридор, где они оба стояли.

— Это не геройство, нет. Какое геройство. Так, дверь подержать, — полковник повис на рычаге всем весом, чтобы не дать двери дернуться. — Ты, Яна, нужна миру. Объективно больше нужна, чем я или Форнхофт. Найти, пожалуйста, лекарство от злых людей. Чтобы остались одни хорошие. Чтобы вот такого вот больше не было, ладно? Чтобы не зря все это было. А теперь беги, Яна. А я уж подержу.

Яна хотела что-то сказать, но так и нашла правильных слов. Их, наверное, и не существует. Или они и не нужны. Она побежала — быстро, как только могла. Бежала без остановки до самого конца коридора, и только в конце обернулась — полковник Тополевский был там, держал раскаленную дверь обожженными до костей руками. И смотрел слезящимися от жара глазами на нее. С трудом кивнул. Яна стиснула зубы и захлопнула вторую дверь. Секунды спустя жар ударился и в нее. Яна сделала пару шагов назад.

Потом она повернулась спиной к запертой двери. Теперь оставалось только одно: идти вперед.

Ничья смерть III

На Дионе будто бы не замечали целой армии дредноутов, кружащих над островом. Жизнь вокруг шла своей быстрой, несколько суетной походкой. Единственный город Дионы, деливший с островом имя, готовился к мартовским идам. Дома уже утопали в украшениях, и атмосфера царила самая праздничная. Тяжелые силуэты дредноутов на горизонте плохо в нее вписывались, но волновался из-за них, кажется, один Рейнир.

Глайдер с «Шепчущей Авроры», столь любезно предоставленный ему полковником Гилфордом, высадил Рейнира на одной из тихих окраин города, после чего столь же стремительно помчался обратно. Рейнир не знал, сколько у него было времени, но, если Орден планировал свою операцию ровно на иды, стоило поспешить. Не то, чтобы он не верил в силу дипломатии, просто после Безымянного города выбираться еще и с осажденного острова в планы Рейнира не входило.

Соммервальд в ответном «светляке» не сообщила, где она остановилась на Дионе, предложив обратиться на телеграф. Здание телеграфа Рейнир обнаружил сразу, как только умеренно быстрым шагом дошел до центра города, но решил предварительно немного осмотреться. Город, как и большинство поселений в Эфире, легко выдавал своих основателей, в случае Дионы это были выходцы с Иллаты. Архитектура здесь наверняка напоминала какие-нибудь Дельны, с поправкой на то, что в Дельнах, конечно же, был куда более мягкий климат. Привыкший к холодам Рейнир несколько иронично смотрел, как отчаянно утеплились дома и жители Дионы, столкнувшись с сильными холодами. Рейнир, будучи жителем Синдвари, не обращал на это внимание, но теперь он осознавал, с какой иронией столкнулись южные народы в век технического прогресса. Ведь государства Севера должны были оставаться холодным и скудным краем, если бы им вдруг не повезло с тем, что среди северян оказалось много светоносных, благодаря которым в Унию потекли рекой запасы истинной света, в результате чего она стала одной из определяющих сил в мире под Завесой.

Побродив еще немного по городскому центру и не обнаружив ничего по-настоящему подозрительного, что могло бы привлечь его внимание, Рейнир направился к украшенному колоннами зданию телеграфа. Адрес герцогини ему предоставили быстро, стоило лишь блеснуть инсигнией и назвать свое имя. Бюро, может, и утратило хватку с началом войны между фракциями, но в общественном сознании образ координатора по-прежнему был достаточно силен, чтобы преодолевать большинство бюрократических заслонов.

Герцогиня снимала апартаменты на верхнем этаже в одном из небольших трехэтажных домов чуть в стороне от центральной оживленной улицы города. Поднявшись к ней, Рейнир, прежде чем постучать, немного замешкался и машинально пробормотал:

— Знать бы еще, о чем с ней говорить.

— Ну уж не о вашем с Даной медовом месяце, — не удержался и съехидничал голос. — О деле нужно говорить, Рейнир. О деле. Ты сюда пришел расследование двигать, а не выяснять, кто кого тут больше любит.

— Я и собирался о деле, — отмахнулся Рейнир. — За кого ты меня держишь?

— Я у тебя в голове, Рейнир. Давай вот ты будешь мне пытаться что-то втирать. Возьми себя в руки. Я постучу, с твоего позволения?

Логос дважды коротко постучал в дверь.

— Ну спасибо, — прошипел Рейнир. Соммервальд открыла почти сразу. Герцогиня, хоть почти и не изменилась с их последней встречи, выглядела несколько встревоженной и оттого уставшей.

— Рейнир, — с некоторым облегчением сказала она, внимательно смотря на него. — Вы пришли.

— Как обещал, герцогиня.

Соммервальд кивнула и жестом пригласила его войти.

— Располагайтесь, Рейнир, — герцогиня предложила координатору одно из двух больших кресел у камина. — Чаю?

— Нет, благодарю, — вежливо отказался Рейнир, который хотел бы побыстрее закончить с этой беседой. — Герцогиня, вы разве не тревожитесь из-за всех этих дредноутов над остро-вом?

— Тревожусь, — не стала спорить Соммервальд. — И, упреждая ваш вопрос, я сознательно решила, что нашему разговору лучше всего состояться на Дионе.

— Тогда, полагаю, мы оба заинтересованы в том, чтобы он прошел как можно быстрее?

— Можно сказать и так, — Соммервальд повела бровью. — Хотя прямо сейчас мы его уже несколько затягиваем. Перейдем к делу? Вы узнали, что задумал Форнхофт?

— Узнал, — подтвердил Рейнир. — В общих чертах.

— Уклончиво отвечаете, Рейнир, — недоверчиво произнесла герцогиня. — Вы заставляете меня сомневаться, что нам вообще нужно вести этот разговор.

— У Форнхофта есть цель: добиться свободы. В глобальном смысле. В философском, пожалуй. Свободы от Имен и тех, кто дал Именам их власть. И свободу от пророков. И у Форнхофта, похоже, есть план, как этого добиться. В частности, он, если я правильно его понял, очень сильно интересуется пророками.

— Пророками, вот как, — поцокала языком Соммервальд, снова напомнив Рейниру Дану. — Что-то все вращается вокруг пророков. И что, Форнхофт вот так вам взял и все рассказал?

— Не сказал бы, что у него был большой выбор, — чуть поднял краешки губ Рейнир. — У него тоже сейчас не самый легкий период в жизни.

— Это его проблемы, — Соммервальд сделала жест рукой, будто отгоняла назойливую муху. — Хорошо, это несколько прояснило мне его мотивы, хотя местами общая картина стала даже запутанней.

— Если вас устроил мой ответ, я хотел бы узнать о «Цветах тишины».

— Как я уже говорила, клуб здесь ни при чем. Но за этим словосочетанием скрывается кое-что поинтереснее. Вы, как я вижу, уже неплохо знакомы с идеей о пророках и их текстах.

— Знаком, — подтвердил Рейнир.

— У меня есть основания думать, что я знаю, где может находиться копия некоторого текста, который может быть как-то связан с текстом нового пророка...

По полу комнаты пробежала легкая дрожь, заставив герцогиню прерваться. Спустя несколько мгновений дрожь повторилась. Рейнир поднялся с кресла и, открыв окно, высунул голову в вечерний мороз. В небе над Дионой расцветали огни — и это не были фейерверки в честь мартовских ид.

— Скрипач, пожалуйста, зачем нам лишнее кровопролитие? — Зауэр тщетно пытался отговорить Скрипача от того, чтобы «Дух мщения» дал залп по ближайшим дредноутам. — Достаточно просто спуститься вниз и разобраться с герцогиней.

— Нам нужно немного огня, Зауэр, — оскалил черные зубы Скрипач. — Чтобы было несколько веселее. Огонь!

«Дух мщения» дал залп из всех орудий, зацепив несколько ближайших дредноутов, после чего исчез в пустоте, чтобы вынырнуть уже с другой стороны острова. На тех дредноутах решили, разумеется, что это противник открыл огонь, а «Дух» тем временем уже зацепил дредноуты противоположной фракции. И Орден, и Геометры решили, что у противника сдали нервы. Над Дионой началось полномасштабное сражение.

— Ну вот теперь можно и за герцогиней, — Скрипач проверил свой клинок и, стуча костяной ногой, пошел прочь с мостика. За ним последовали несколько членов команды. Зауэр проводил их тяжелым взглядом.

— Что случилось? — недоуменно спросил в радиоэфире полковник Гилфорд, наблюдая, как прямо перед «Шепчущей Авророй» взорвался один из дредноутов Ордена. — Почему они открыли огонь?

— Не знаю, — Аглая с «Сокола Империи» тоже лишь удивленно наблюдала за тем, как их дипломатическая миссия провалилась, даже не начавшись. — Но если это то, что мы надеялись предотвратить, то на Дионе скоро станет очень жарко. Хеннингсен, вы здесь?

— На связи, — голос у полковника был бодрее обычного, поскольку он наконец-то снова оказался на «Дыхании севера». — Что вы хотели?

— На Дионе сейчас Рейнир, — прямо сказала Аглая. — Не стоит его там бросать. И герцогиню. Это точно не ее война.

— У коалиции достаточно дредноутов, — пытался было возразить Хеннингсен, но Аглая его прервала:

— Дредноутов, может, и достаточно, а вот вы и Хельгесен у нас одни. Полковник, послушайте. Рейнир, возможно, совершил много ошибок. Но я в него верю. Лиам в него верил. И вы, полковник, тоже ведь в него верите.

Хеннингсен в ответ промолчал.

— Что происходит? — спросила Sommerwald у Рейнира.

— То, чего я боялся, — он нахмурился, пытаясь прикинуть, как лучше покинуть дом. — У вас близко теплые вещи? Нужно уходить. Разговор стоит закончить в другом месте.

Sommerwald кивнула и быстро достала из шкафа теплое манто. Потом остановилась на секунду, схватила Рейнира за руку и быстро сказала:

— Ундина. Он на Ундине.

— Что? — не понял Рейнир. — Кто на Ундине?

Ответить герцогине не дали. Через закрытую дверь прошли четверо будто призраков, в изношенной форме, покрытые изморозью и источающие холод. Возглавлял их громадный мужчина, одна нога которого была остро заточенной костью — то ли протезом, то ли его *родной* изуродованной ногой. Их немигающие желтые глаза сначала сосредоточились на Sommerwald. Потом скользнули по Рейниру. Клинки в их руках ничего хорошего не предвещали, и Рейнир, убедившись, что уж в этот раз он не забыл про батареи для клинка, снял рукоять с пояса.

— Отойди, мальчик, — обнажил черные зубы предводитель призраков. — Пользуйся моим великодушием. Ты мне не нужен.

— Герцогиня, встаньте за мной, — шепнул Рейнир Sommerwald, после чего громко обратился к незванным гостям. — Если уж вам так нужна герцогиня, извольте для начала пообщаться со мной.

— Ты один, нас четверо. Мы бессмертные и проклятые, ты труслив и измотан, — главарь говорил без злобы. — Но если уж ты настаиваешь...

Рейнир едва успел включить клинок, когда на него обрушился град ударов. Пока трое отвлекали координатора, главарь, легко пройдя сквозь Рейнира, направился прямо к Sommerwald.

— Герцогиня, ткните ему в харю кочергой! И швырните в него угли! — крикнул вдруг голос, одновременно перехватывая контроль над телом Рейнира. Сражение пошло веселее, логос легко бросал Рейнира из стороны в сторону, заставляя уворачиваться, подныривать, делать разнообразные финты. Герцогиня послушалась совета, но предводитель напавших просто отмахнулся от нее, рассыпав угли по комнате и свернув кочергу в петлю. Несколько искр попало на кресло, которое быстро стало заниматься. Рейнир под контролем логоса поражал призраков раз за разом, но клинок им был нипочем. Комната тем временем заполнялась дымом. Пожар разгорался.

Кое-как оттеснив призраков на время, Рейнир помог Sommerwald выбраться на крышу через окно. Потолок для мертвецов тоже не стал препятствием, и все четверо вскоре теснили координатора и герцогиню к печной трубе. Дом под ними полыхал, грозя обвалиться вместе с крышей. Рейнир начинал выдыхаться, и даже логос, выжимавший из их общего тела все соки, уже начал пропускать удары. Главарь несколько раз почти добирался до герцогини, но Рейнир, рыча, каждый раз успевал подставить вовремя свой клинок.

— Вон они! — услышал он знакомый голос. — Хельгесен, заходи справа, они на крыше!

Хеннингсен, стоя прямо у открытого люка глайдера, почти наполовину высунулся, протягивая руку. Хельгесен медленно подводил глайдер как можно ближе. Призраки, заметив глайдер, куда-то пропали, и Рейнир, выдохнув, приготовился уже прыгать. Крыша тем временем медленно начала проседать.

— Быстрее! — крикнул Хеннингсен. — Надо прыгать, ближе не выйдет.

— Рейнир, дайте мне руку, крыша здесь неустойчива! — попросила герцогиня. Рейнир уже готов был протянуть ей руку, но тут на какое-то мгновение перед ним вспыхнул образ Даны. Его Даны. Только его Даны.

Секундного промедления хватило, чтобы крыша под герцогиней просела еще сильнее, и между ней и Рейниром образовалась щель, из которой выбивалось пламя. И будто бы ожидая этого момента, из небытия возникли четверо призраков, и их главарь своим клинком, от которого расходились волны холода, пронзил грудь Соммервальд. Герцогиня, неотрывно смотревшая прямо на Рейнира, замерла в краткий миг осознания собственной смерти, после чего ее бездыханное тело рухнуло в недра горящего дома.

Хеннингсен, который не видел этого из-за дыма, еще раз напомнил, что пора было прыгать. За Рейнира это сделал логос. Сам Рейнир все еще смотрел туда, где еще несколько мгновений назад была герцогиня и черный оскал предводителя мертвецов.

— Что с герцогиней? — спросил его Хеннингсен.

— Она... она умерла, — глухо произнес то ли Рейнир, то ли логос. — Я опять облажался.

— Не всех можно спасти, — неожиданно для Рейнира подбодрил его Хеннингсен. — Не всегда. Не вини себя больше, чем ты заслужил.

Полковник похлопал его по плечу, после чего крикнул Хельгесену:

— Возвращаемся!

Глайдер послушно взмыл вверх — к «Дыханию севера» и бесконечности эфирных токов.

Ничья смерть IV

Здесь почти всегда царила ночь. Крошечное окошко под самым потолком иногда играло роль полночного солнца, нехотя освещая маленький кусочек холодного каменного мешка, где он оказался. Это не было похоже на пытку или заключение в том смысле, в котором обычно представляют такие печальные события. Здесь не было цепей, крыс, жутких инструментов палача. Не было даже издевательской тесноты. Все-таки подвал усадьбы был всего лишь подвалом усадьбы. И несвобода была всего лишь несвободой.

Чтобы не потерять счет времени, он считал секунды, помогая себе постукиванием пальца по холодной стене, стараясь спать как можно меньше. Но все равно он был уверен, что давно уже сбился, однако же та иллюзия времени, что он себе придумал, все равно помогала ему сохранять ясность рассудка.

Временами к нему приходил брат, чьи глаза мерцали в полумраке. Брат говорил ему одно и то же, и в какой-то раз он просто перестал слушать. Голос звучал, но смысла в словах больше не было. Брат злился, но продолжал приходить. Он, наверное, не оставлял надежды убедить его. Или хотел найти у него прощения, оправдания. Одобрения.

В ответ на все увещевания он каждый раз только спрашивал у брата:

— Где Полян?

Брат не отвечал, и он продолжал молчать. Иногда брат приходил вместе с едой и питьем. Иногда даже разделял с ним трапезу. Однажды брат принес целую чашу густой темной жидкости. Она пахла железом.

— Пей, — велел брат.

— Нет, — он мягко, но уверенно отодвинул чашу рукой. — Мы выше этого.

— В нем больше истины, чем во всех твоих теориях.

— Я предпочитаю, чтобы мой разум был чист.

— Ты просто не знаешь, что такое настоящая ясность, — он сам сделал щедрый глоток из чаши. — Привык во всем следовать придуманным людьми правилам.

— И ты хочешь предложить мне свои? Чтобы я обменял одну несвободу на другую?

— Не мои, брат, нет. *Наши*. Мы должны взять свое, брат. Марам марево.

— Такие слова далеко могут завести.

— Я не желаю никому зла, брат мой. Всего лишь вернуть то, чего нас несправедливо лишили. Для тебя. Для Поляни.

— Ты так и не ответил мне, где она.

— Ей ничего не угрожает. Большого я сказать пока не могу.

— В таком случае мне тоже сказать больше нечего, *брат*.

Адам разозлился, с силой швырнул пустую чашу в стену, потом схватил Ольшанского за подбородок.

— Я не враг тебе, — раздраженно проговорил он. — Я всегда был и буду на твоей стороне, брат. И от тебя я прошу лишь того же.

— Ты обманул мое доверие, Адам. И доверие Полыни, я думаю, тоже.

— Такова цена, брат. Путь, ведущий к нашей цели, не может быть легким.

— Цель эта пока что только твоя, Адам. И я боюсь, если ты и дальше будешь идти по выбранному тобой пути, рано или поздно ты окажешься не на той стороне. Это Форнхофт тебя надоумил?

— Форнхофт всего лишь человек. Нам с ним не по пути, я думал, ты и сам это понимаешь. Но он может быть полезен. Как инструмент.

— А Полынь? Полынь для тебя тоже инструмент? Вспомни тот день, когда я уезжал из Влахины. Вспомни, о чем я тебя попросил тогда.

— Я берег ее. Как обещал. Все эти годы. И никогда, никогда, Ольшанский, слышишь, никогда не считал ее инструментом. Но Полынь... Полынь черпает из источника, который никто еще не сумел обуздать. И так же, как ее дар, мне нужен твой блестящий ум, Ольшанский, твой наметанный глаз ученого, чтобы сложить осколки этого великого знания воедино — и сделать мир лучшим местом для маров. Раскрыть наш потенциал! Если люди созданы для истинного света — значит, мары созданы для истинной тьмы. Форнхофт часто рассуждал об этом. О дуализме. Наши виды равно необходимы для выживания этого мира, только нас обманули. Скрыли правду. Помоги мне ее найти, брат.

— Разве ты забыл наши легенды, Адам? Правда — зверь с печальным ликом. То, что ты мне сейчас описал, — лишь философские рассуждения. Я живу дольше тебя, Адам, поверь, не ты первый ищешь спасения для маров и не ты первый хочешь поставить маров превыше всего. Не бывает анти-светоносных, Адам, носителей твоей гипотетической истинной тьмы.

— Нас заставили считать, что их не бывает. У истинного света есть источник, а источник истинной тьмы был заперт глубоко в Эфире. Похоронен в его глубинах.

— Это Форнхофт тебе рассказал?

— Форнхофт не просто мне это рассказал. Он нашел способ сломать замок.

— Он просто тобой манипулирует, Адам, — покачал головой Ольшанский. — Обо всем этом ты знаешь только с его слов.

— Рисунки Полыни. То, что мы нашли в обсерватории Старого Людлина. Это все звенья одной цепи, Ольшанский. Людлин был уничтожен тогда, когда его ученые вплотную приблизились к тому, чтобы докопаться до этого секрета. Форнхофт хотел использовать это для реализации своих планов. Он хочет дать светоносным свободу. И для этого ему нужны оба пророка. Людской, может, у него и будет. Но Полыни ему не видать.

— *Оба* пророка? Ты считаешь, что Полынь — это пророк маров? Адам, мы уже говорили с тобой на эту тему раньше...

— Раньше я не был уверен, брат мой! А сейчас — о, сейчас я готов поклясться на Бледном огне Мадья-Тэ, что это правда. Времена меняются, Ольшанский.

В ответ Ольшанский снова отрицательно покачал головой. Адам снова раздраженно пнул валявшуюся на полу чашу и вышел. В подвале снова наступила тишина и воцарился полумрак. Ольшанский устало прикрыл глаза.

Из тягостной дремоты его вывел громкий крик, который прорвался сквозь его единственное окно в мир. Ольшанский сначала не разобрал слов, но, прислушавшись, мгновенно стряхнул с себя остатки сна.

— Людлин горит! — кричал незнакомый мужской голос, ему вторили несколько женских. — Что делается-то, Людлин горит!

Дверь в подвал распахнулась снова, на пороге показался Адам, выглядящий по-настоящему встревоженным и даже напуганным.

— Над Людлином дым и пламя, брат, — обеспокоенно сообщил он. — И сейчас мне как никогда нужна твоя помощь.

Адам посторонился, приглашая Ольшанского на выход. Тот сухо кивнул. Спор подождет. Смерть ждать не будет.

Ничья смерть V

Хельгесен лихо маневрировал, на огромной скорости выписывая глайдером совсем уж причудливые фигуры, прорываясь сквозь облака осколков, обломков и снарядов. На Диону, наверное, с минуты на минуты должен был обрушиться огненный дождь, а в небесах над ней ожесточенная битва между Орденом и Геометрами превращалась в нечто апокалиптическое. Рейнир, мрачно смотревший поверх плеча Хельгесена, впервые видел настолько ожесточенное и настолько масштабное сражение: Диона была небольшим островом, и дредноуты сшибались практически врукопашную, скрежеща корпусами в тщетных попытках маневрировать среди своих, чужих и мертвых.

— «Дыхание», говорит полковник Хеннингсен, как слышно? — без особой надежды полковник нырнул в радиоэфир, забитый помехами. — Повторяю, «Дыхание севера», говорит полковник Хеннингсен, доложите обстановку.

Ответом ему был лишь белый шум и случайные крики.

— Коалиция в бой еще не вступила, — заметил Хельгесен. — Ни одного дредноута в сражении не вижу.

Коалиция действительно ввязываться в драку не стала. Кое-как вырвавшись из кольца схватки, Хельгесен уверенно повел глайдер к родному «Дыханию». На борту дредноута Рейнир немного пришел в себя.

— Он у нас, — говорил Хеннингсен по радиосвязи. — Но герцогиня погибла.

— Принято. Плохо, конечно, что так получилось, но что теперь поделать, — Рейнир услышал голос Аглаи. — Гилфорд и Эйнар собираются оставить здесь несколько дредноутов, чтобы дождались исхода всей этой заварухи. Остальным предлагается возвращаться.

— Райнбад?

— Мы, наверное, на Райнбад, — согласилась Аглая. — Дозорные к колодцу Арнгейра, скорее всего. Гилфорд и его люди — не знаю. На Эмайн?

— Хорошо. Дайте знать, когда будете отправляться. Мы с вами.

— Принято.

Хеннингсен закончил сеанс связи и подозвал к себе Хельгесена, чтобы отдать ему распоряжения касательно дальнейшего маршрута. Рейнир, дождавшись этого, подошел к ним и, стараясь, чтобы голос звучал твердо, сказал:

— Полковник, прошу вас повременить с возвращением на Райнбад.

— Что-то не так? — спросил его Хеннингсен.

— Нам нужно на Ундину, и я знаю, как это сейчас прозвучало.

— Серьезно? Ундина?

— Герцогиня говорила, что кто-то или что-то на Ундине. И если это первое, что она сказала в минуту опасности, я не в праве это игнорировать. Я знаю, что я сильно облажался, полковник. Как никогда в жизни. И я очень хочу хотя бы это сделать правильно.

— Соммервальд что-то спрятала на Ундине?

— Я думаю, это как-то связано с убийством Леруа. Или с самой Леруа. Какая-то ее вещь. Портрет, возможно. Это моя единственная зацепка, Хеннингсен.

— А твоя зазноба?

— Не уверен, что она знает, о чем именно идет речь. Я, правда, тоже, но когда это нас оставляло? После схватки с живыми мертвецами меня уже ничего не удивит.

— Рейнир, не бывает живых мертвецов, — покачал головой Хеннингсен.

— Это были призраки! Они проходили сквозь меня — будто ледяной ветер внутрь пробирался.

— Полковник, Рейнир дело говорит, — вмешался Хельгесен. — Я видел «Дух мщения», когда мы летели на Диону.

— «Дух мщения» — просто страшная легенда. Молодых командиров пугать, чтобы за Кетамад не залетали, — сказал Хеннингсен. — Тебе показалось.

— Хеннингсен, мы летим на Ундину?

— Да, — после секундной заминки подтвердил полковник. — Передайте на «Сокол Империи», чтобы не ждали нас.

«Ты придумал, что скажешь Дане?» — тревожно поинтересовался голос.

«Правду. Большую ее часть», — ответил Рейнир.

«Я не назвал бы это хорошей идеей», — мрачновато заметил голос.

«Хороших идей не осталось», — мысленно развел руками Рейнир.

— Дело сделано, — с натужным оптимизмом сообщил Зауэр, когда Скрипач вернулся на мостик. — Мы убили герцогиню. Больше никого, кто мог бы достать текст Ивинской, не осталось.

— Ты трусливый идиот, Зауэр, — прохрипел Скрипач. — В живых остался координатор, которого мы встретили на Дионе. И до текста мы пока не добрались. Но я знаю, как мы сможем извлечь выгоду из этой ситуации.

Костяная нога простукала к одному из офицеров:

— Вы отследили тот глайдер?

— Да. Альдмаркский дредноут, — без малейшей тени эмоций ответил офицер. — В настоящее время готовится покинуть окрестности Дионы.

— Следуем за ним, — приказал Скрипач.

«Дух мщения» с неестественной скоростью развернулся, после чего стены пустоты объяли его со всех сторон. Зауэр судорожно вцепился в поручень. Некоторые ошибки обходились, кажется, слишком дорого.

— Рейнир, ты вернулся? — удивленно спросила Дана, когда он вновь появился на пороге Волькенштайна. Заметив его мрачное лицо, она встревожилась еще больше. — Что-то случилось?

— Дана, ты знаешь что-либо о вещах в замке, которые могли принадлежать Николь Леруа?

— Что? Николь? Почему ты вдруг об этом вспомнил?

«Он что-то недоговаривает», — прошептала Этайн где-то у краешка сознания Даны. — «Позволь, я с ним поговорю».

Но Дана пока что отказалась. Этайн, впрочем, не настаивала. Ее все еще мучила вина за тот визит на «Королевство слез», о котором Дана так и не узнала.

— Дана, это очень важно, — Рейнир взял ее за руки. — Мне нужно, чтобы ты вспомнила. Есть ли в Волькенштайне вещи Леруа?

— Да, есть, сюда доставили ее имущество после смерти...

— Ты смотрела его?

— Что? Рейнир, почему ты это спрашиваешь? Ты говорил с Зофи? — начала о чем-то догадываться Дана.

— Дана, пожалуйста...

— Ты говорил с Зофи! — воскликнула Дана, отдергивая руки. — Ты говорил с Зофи о книге.

«Книга, Рейнир», — мгновенно уцепился за фразу голос.

«Да, принято», — мысленно ему кивнул Рейнир.

— Да, у нас был разговор, — уклончиво ответил Рейнир. — Она просила, чтобы ты отдала ее мне.

— Где она? — Дана нахмурилась. Этайн тоже. — Если вы говорили с Зофи, то почему ты прилетел один? Она собиралась вернуться на Ундину. Почему она не вернулась с тобой? Почему она сама у меня не попросит отдать книгу?

— Дана, я все объясню, только сначала, пожалуйста, мне нужна книга.

«Он темнит», — Этайн была настроена уже не так миролюбиво. — «Принеси книгу. Но пока не отдавай. Поглядим, что он скажет».

— Хорошо, Рейнир, — притворно согласилась Дана. — Я принесу книгу.

Эти двадцать минут были одними из самых тревожных для Рейнира. Чувство тревоги не покидало его ни на мгновение, и, когда Дана вернулась, держа в руках небольшую книгу с заголовком «Цвета тишины», Рейнир испытал огромное облегчение.

— Я отдам тебе ее, только объясни, в чем дело.

— Давай не здесь, — Рейнир попытался снова взять Дану за руку, но та вновь ее отдернула. — Здесь опасно, Дана. Пожалуйста, нас ждет глайдер, давай вернемся на наш дредноут, там я все тебе расскажу, только на Ундине сейчас оставаться опасно.

«Пусть так», — Этайн была готова к подобному повороту событий. Дана кивнула — и ей, и Рейниру.

Едва только они оказались на борту, «Дыхание» спешно начало разворачиваться, чтобы покинуть Ундину как можно скорее. Но «Дух мщения» невозможно было обогнать.

Исходящий холод дредноут возник из пустоты прямо перед носом «Дыхания», заставляя Хельгесена бросить машину в маневр уклонения. Орудия на «Духе мщения» уже начинали заряжаться.

— Рейнир, скажи мне, что случилось, — потребовала Дана, наблюдая в иллюминатор, как прямо в них целится жуткий дредноут. — И где Зофи. Где Зофи, Рейнир?

«Она мертва», — догадалась Этайн. — «Мертва по его вине!»

Рейнир прочел эту догадку в глазах Даны и сделал несколько шагов назад. До мостика еще было далеко, а в руках у нее была белая рукоять магнитного клинка.

— Действительно элегантная вещица, — заметила Этайн, которой Дана уступила, опустошенная новостью о смерти Зофи. — И, главное, спрятать очень легко. Что случилось с Зофи, Рейнир?

Клинок активировался. «Дух мщения» зарядил орудия.

Рейнир закрыл глаза.

Ничья смерть VI

«Дух мщения» вынырнул из пустоты с другой стороны Ундины, оставшись незамеченным. Скрипач умел быть терпеливым, когда того требовали обстоятельства.

— Чего мы ждем? — Зауэр мечтал, что однажды он все-таки привыкнет к постоянным нырякам дредноута в пустоту, но все отчетливей понимал, что куда раньше он станет частью его команды. Тем не менее, остатки своей деловой хватки он по-прежнему пытался проявлять.

— Когда они все сделают за нас, — ответил ему Скрипач. — Кто-то из них уже спустился на Ундину. Спустился, разумеется, не просто так. И вот когда вернется, тогда-то и начнется самое интересное, Зауэр. Ты отдохни пока. А то что-то совсем бледный стал.

Скрипач издевательски похлопал Вильгельма по плечу.

— Глайдер взлетел с Дионы и вернулся на дредноут, — в скором времени доложил пустым голосом офицер.

— Уничтожьте его, — немедленно велел Скрипач.

— Может, лучше их сначала допросить? — в очередной раз попытался вразумить Скрипача Зауэр.

— Уничтожьте дредноут, — повторил приказ Скрипач. — А вот затем я их допрошу.

— Вот вам и страшная легенда, полковник, — заметил Хельгесен, глядя на заряженные орудия «Духа мщения» сквозь смотровое стекло мостика. — С такого расстояния они нас уничтожат в момент.

— Давай полный реверс, — быстро приказал Хеннингсен. — Потом маневровые. Брюхо у нас толстое. Разок уж выдержит, даже в упор.

«Дыхание севера» на полной скорости рвануло назад, увеличивая дистанцию, а затем Хельгесен врубил нижние маневровые и резко задрал вверх нос дредноута, чтобы тяжелая броня приняла на себя основной удар готовых разрядиться орудий. Долго ждать не пришлось: на «Духе мщения» быстро разгадали маневр, и залп ледяным градом обрушился на «Дыхание». Дредноут сильно затрясло, снаряды оставляли на броне рваные черные раны, покрытые изморозью, и Хельгесену стоило больших усилий удержать его.

— Двигатели целы? — спросил Хеннингсен, пытаясь сориентироваться в ситуации. — Уйти сможем?

— Целы, — подтвердил Хельгесен. — Но уйти все равно не сможем. Они быстрее нас. А если подставим какую-нибудь более мягкую часть, следующий залп нас уничтожит.

— Это что же, неужели мы с тобой приплыли, — несколько растерянно сказал Хеннингсен, судорожно ища в голове варианты, которые упорно не находились.

— Похоже, что приплыли, полковник, — невесело отозвался Хельгесен, поворачивая «Дыхание» левым бортом — «Дух мщения» уже готовился дать второй залп. — Теперь лишь бы не потонуть.

Рейнир открыл глаза. Прошло всего лишь мгновение, но в мыслях как будто пронеслась целая вечность. Темное острие клинка смотрело ему прямо в лицо.

— Не лги мне, Рейнир Ингварссон! — потребовала Этайн. — Что с случилось с Зофи?

«Нужно отвечать», — медленно сообщил голос. Рейнир мысленно ему кивнул.

— Я пытался спасти ее. И не смог, — глядя ей прямо в глаза, ответил Рейнир Этайн.

— Так ли уж сильно ты пытался? — клинок сделал неприятный пируэт прямо перед лицом Рейнира.

— Вы можете обвинять меня в ее смерти, — согласился Рейнир. — Я прошу лишь отдать мне книгу. Чтобы ее смерть не была бессмысленной.

— Книгу отдать? — Этайн небрежно взмахнула ей. — Всю жизнь, Рейнир, мы с Даной должны были выполнять чьи-то приказы. Хватит. Больше мы никому ничего не должны, Рейнир Ингварссон.

В этот момент дредноут сильно накренился, после чего его еще сильнее затрясло. Рейнир и Этайн едва удержались на ногах, незакрепленный глайдер в ангаре медленно впечатался крылом в борт. «У нас компания», — догадался Рейнир.

— Отдай книгу, пожалуйста, пока еще есть время, — Рейнир попытался дотянуться до нее, но Этайн преградила ему путь клинком. — Ты не представляешь, насколько она важна. И насколько опасна.

— Ах, я не представляю, — Этайн нахмурилась, пряча книгу во внутреннем кармане пальто. — А ты, значит, все у нас представляешь, великий координатор Рейнир.

— Сейчас не время для этих споров, Этайн, — Рейнир встретился с ней глазами, и понял, что перед ним снова была Дана. — Не время для этих споров, Дана. Прошу тебя, отдай мне книгу.

— Нет, Рейнир, — Дана клинок не опустила. — После всего, что ты сделал, ты больше не в праве требовать у нас что-либо. Не нужно пытаться нас защитить, Рейнир.

«Дыхание севера» снова тряхнуло, даже сильнее, чем в прошлый раз, и Рейнир вдруг ощутил, как пол под ногами начинает медленно, но неумолимо крениться. Дредноут начинал терять высоту.

— Дана, прошу тебя, это касается всех, — почти закричал Рейнир. — Мне нужна эта книга, и вот сейчас совершенно бессмысленно из-за нее спорить, если мы сейчас не уберемся с дредноута, спорить будет просто некому. Пойдем со мной, Дана, пожалуйста.

Рейнир протянул ей руку, но Дана покачала головой.

— Нет, Рейнир. Этайн была права. Ты такой же, как все они. Такой же, как все координаторы. С тобой мне больше не по пути.

На белой рукояти ее клинка замерцало бирюзовое кольцо. Дана улыбнулась и дернула рычаг ангарного шлюза. Ледяной ветер Эфира ворвался в ангар, и в цветной пляске токов вовсю темнел антрацитовый борт «Королевства слез».

— Не вынуждай меня, Дана, — прокричал Рейнир, пытаясь заглушить свист ветра.

— Ну давай, Рейнир Ингварссон, — ему показалось, что это сказали они обе. — Пришло время выбирать. Я — или твой долг?

Рейнир сжал зубы в отчаянии. После чего снял с пояса рукоять клинка.

— Ты сделал свой выбор, Рейнир, — безжалостно сообщила ему то ли Дана, то ли Этайн. Или же они обе.

«Дыхание севера» пыталось отстреливаться, но «Духу мщения» было все равно. Дредноут, полный призраков, словно сам был призрачным, и весь арсенал, который обрушил на него полковник Хеннингсен, не причинил ему ни малейшего вреда.

Хельгесен творил чудеса пилотажа, но им никак не удавалось установить между ними хоть сколь-нибудь приличную дистанцию. Броня на «Дыхании», едва только вышедшем из ремонта, снова напоминала решето, двигатели медленно начинали терять мощность, а сам дредноут — высоту, и Хеннингсен понимал, что долго они так не протянут.

— Эвакуироваться надо, — мрачно сообщил полковник. — «Дыхание» обречено.

В голосе Хеннингсена чувствовалась настоящая боль. Для него этот дредноут стал гораздо большим, чем просто надежной машиной. «Дыхание севера» стало и его дыханием — его полетом. И сейчас этот полет безжалостно отбирали.

— Внимание экипажу, говорит командир. Объявляю эвакуацию. Повторяю: объявляю эвакуацию. Всем покинуть воздушное судно!

Хельгесен с горечью посмотрел на полковника, но кивнул, поддерживая его.

— Иди, Хельгесен, — сказал ему полковник. — Я уж один как-нибудь помереть смогу.

— Нет, полковник, не дождетесь, — улыбнулся Хельгесен. — Столько пережили вместе, чтобы помереть по отдельности? Нет, так дело не пойдет.

Хеннингсен грустно улыбнулся в ответ.

— Надеюсь, Рейнир знает, что делать, — сказал он опустевшему мостику.

— Было честью служить с вами, полковник, — вдруг добавил Хельгесен.

— Было честью с вами служить, майор, — ответил ему Хеннингсен. — Давай, Хельгесен, покажем этим мертвецам, как помирать надо.

Король былого и грядущего, едва только пришел сигнал от Даны фон Химмельсберг, тут же направил свое быстроходное «Королевство» к переданным координатам. Он держал свое слово. И очень хотел удовлетворить свое любопытство.

Когда «Королевство» прибыло к Ундине, то Король былого и грядущего застал там настоящее воздушное сражение между альдмаркским дредноутом и печально известным «Духом мщения».

— О, Скрипач здесь. Давно его не видел, — задумчиво проговорил сам себе Король. — И какая незадача, госпожа фон Химмельсберг, похоже, на этом самом уничтожаемом дредноуте.

Дредноут медленно падал, двигатели трепетали из последних сил. Во все стороны от него летели спасательные капсулы, в большинстве своем нацеленные на Ундину. Король подпустил свое «Королевство» чуть ближе, пытаясь понять, где именно стоит искать Дану. Наконец, он заметил открытый шлюз ангара глайдеров, и его бирюзовые глаза зажмурились в предвкушении.

«Дух мщения» дал очередной залп, и мостик альдмаркского дредноута превратился в искореженную грудку металла. Неуправляемое судно начало крениться, и Король понял, что карету даме стоит подать прямо к порогу. «Королевство» сделало изящный маневр и полетело прямо к полуразрушенному дредноуту.

Рейнир очень надеялся, что ему придется скрестить клинки с Этайн. Этайн, в конце концов, была логосом и самопровозглашенной защитницей Даны. Но сейчас он отражал выпады именно Даны.

«Позволь мне», — просил голос, но Рейнир отказывался. Он боялся, что логос, пусть даже случайно, но все-таки ранит Дану. Или того хуже. Сам Рейнир стоял в глухой обороне, пыталась хоть как-то зацепить злосчастное пальто, сдернуть его с плеч Даны, чтобы забрать эту треклятую книгу. Дана же легко отбивала удары Рейнира и явно не была настроена его щадить.

«Дыхание севера» в очередной раз опасно накренилось, и Рейнир оступился. Этого хватило Данае, чтобы кончик клинка скользящим ударом перерубил наискось его координаторскую инсигнию и рассек его грудь. Рейнир покачнулся, выронил клинок и завалился набок. Из раны на груди толчками выплескивалась кровь. Логос пытался делать все, что мог, но клинок, похоже, задел сердце.

— Дана... — прохрипел Рейнир. Но Дана не повернулась к нему. Она стояла у шлюза, на самом краю бездны. Вокруг ее рук и шеи уже виднелось золотистое сияние. Дана и Этайн начали говорить в унисон.

— Я суть негасимый логос, дитя истинного света!

Имяизречение. Время все-таки пришло. «И Имя мое...»

— И у меня нет Имени! — Дана-Этайн сжала кулаки, словно бы раздавив в них сияние. В этот момент за ее спиной появился гигант с костяной ногой.

— Я очень рад, что у вас нет имени, леди, но, к сожалению, до меня дошли сведения, что вы располагаете некоторым текстом. Будьте так любезны, отдайте его мне.

— В другой раз, — улыбнулась уже не Дана и не Этайн. Легко оттолкнувшись, она, словно подхваченная эфирными токами, перелетела к «Королевству слез», у открытого шлюза которого ее ждал Король былого и грядущего.

Однако одноногий в последний момент сумел ухватить ее за воротник пальто, из которого она легко выскользнула, оставшись в темно-синем платье, чем-то напоминавшим высокое и ясное ночное небо. Он зло топнул своей костяной ногой, оставив на полу глубокую царапину, после чего проверил карманы трофея. Злоба быстро сменилась довольным черным оскалом.

С нескрываемым удовольствием он разорвал книгу на сотни мелких кусочков, каждый из которых потом вспыхнул бледно-голубым пламенем. Скользнув ленивым взглядом победителя по истекающему кровью Рейниру, одноногий исчез в облаке холода.

Рейнир подполз чуть ближе к открытому шлюзу и прислонился головой к холодному борту гибнущего «Дыхания». Перед усталым взглядом поблескивала иллюминация удаляющегося «Королевства слез» и расстилалась цветная круговерть переменчивого Эфира, с которым Рейнир Ингварссон остался, наконец, один на один.

Конец второй книги.